

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

**ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Л.Н. ГУМИЛЕВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

**СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ (РОССИЯ)
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЖУРНАЛИСТИКИ**

**ТУЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Л.Н. ТОЛСТОГО (РОССИЯ)
ФАКУЛЬТЕТ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ И ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ**

**РУССКИЙ ЯЗЫК В XXI ВЕКЕ:
ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ**

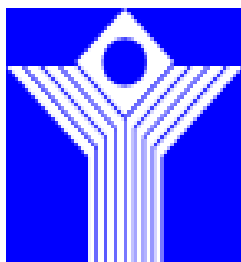
**МАТЕРИАЛЫ IX МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
СТУДЕНЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Сургут, 2022

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Л.Н. ГУМИЛЕВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ (РОССИЯ)
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЖУРНАЛИСТИКИ

ТУЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Л.Н. ТОЛСТОГО (РОССИЯ)
ФАКУЛЬТЕТ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ И ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

**РУССКИЙ ЯЗЫК В XXI ВЕКЕ:
ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ**

**Материалы IX международной научной
студенческой конференции**

**Сургут
2022**

УДК 378:001:811.161.1
ББК 74.58
Р88

Редакционная коллегия:

Е.А. Журавлёва (отв. ред., Казахстан), Н.В. Ганущак, Е.И. Бреусова,
Д.В. Ларкович, Е.В. Пронина, Н.А. Красовская, Д.А. Романов (Россия),
Д.С. Ташимханова, Э.Э. Яворская, А.К. Ешекенева (техн. ред., Казахстан)

Р88 Русский язык в XXI веке: исследования молодых: материалы IX
международной научной студенческой конференции / Отв. ред.
Е.А. Журавлёва. – Сургут: РИО БУ «Сургутский государственный
педагогический университет», 2022. – 230 с.

ISBN 978-5-93190-399-6

Сборник содержит статьи участников международной научной студенческой конференции, организованной по инициативе кафедры теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Казахстан) совместно с кафедрой филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета (Россия) и кафедрой русского языка и литературы факультета русской филологии и документоведения Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (Россия). Выступления участников конференции посвящены актуальным проблемам современного русского языка и лингводидактики; взаимодействия языков и этнических культур; языку средств массовой информации; особенностям изучения своеобразия художественных произведений.

Публикуемые материалы могут представлять интерес для студентов, магистрантов, докторантов и преподавателей, а также всех интересующихся проблемами развития современного русского языка в условиях поликультурного сообщества.

УДК 378:001:811.161.1
ББК 74.58

ISBN 978-5-93190-399-6

© СурГПУ, 2022
© Авторы, постатейно, 2022

Уважаемые участники конференции!

Приветствуем вас на IX Международной научной студенческой конференции «**Русский язык в XXI веке: исследования молодых**»!

Глава государства Касым-Жомарт Токаев в своем новогоднем обращении к казахстанцам объявил **2022 год Годом детей**. «Гармоничное развитие и счастливое детство подрастающего поколения – это наша общенациональная задача», – сказал президент.

ЕНУ им. Л.Н. Гумилева всегда поддерживает инициативы студентов, открывает для них большие возможности и перспективы, дает опору для творческого роста.

Сегодня ЕНУ – один из лидеров казахстанского высшего образования, по результатам 2021 года Университет занимает 328 место в мире по рейтингу QS World University Ranking, также наш университет является единственным вузом Центральной Азии, который вошел в рейтинг молодых вузов мира по версии QS Top 50 Under 50 и Times Higher Education Young University Ranking. ЕНУ входит в топ 351-400 – QS Rankings by Subject "Physics and Astronomy".

Вуз активно развивает международное сотрудничество и Международная научная студенческая конференция, организуемая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, проводимая девятый год и ставшая уже традиционной, яркое тому подтверждение! Соорганизаторами конференции выступают вузы Российской Федерации, что укрепляет сотрудничество между нашими странами в сфере студенческой науки. В этом году на конференции поделятся своими научными изысканиями более 90 студентов из ведущих вузов Казахстана (Нур-Султан, Павлодар, Шымкент, Кокшетау, Сарканд), России (Сургут, Тула, Омск, Калининград, Казань, Оренбург, Ростов-на-Дону, Липецк, Воронеж) и Молдовы (Комрат).

Уверен, что проводимая сегодня конференция даст возможность студентам проявить свои креативные способности и умение проводить исследовательскую работу.

Успешной Вам работы на конференции, конструктивного диалога и эффективного взаимодействия!

Еркин Ануарович Онгарбаев

*Член Правления – Проректор по академическим вопросам
Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева,
доктор юридических наук, профессор*

Дорогие друзья!

Приветствую вас от имени ТГПУ им. Л.Н. Толстого, который в последнее десятилетие занимает ведущие позиции в деле продвижения русского языка в зарубежных странах. Преподаватели нашего вуза проводят курсы повышения квалификации, семинары, читают лекции в новых цифровых форматах во многих странах мира.

IX международная научная студенческая конференция «Русский язык в XXI веке: исследования молодых» проходит совместно с ЕНУ им. Л.Н. Гумилева – ведущим центром образования Азиатского региона. Радостно видеть, что изучение русского языка становится центром притяжения многих народов и государств и позволяет найти опору для общего будущего нашего молодого поколения.

Молодежь сегодня должна креативно и системно мыслить, выдвигать новые идеи, открывать новые цифровые направления в науке. Общение между представителями разных народов весьма значимо для проведения перспективных научных исследований. Участие в конференции позволит студенческой молодежи апробировать результаты научных исследований, получить оценку профессионалов и определить дальнейшие пути развития личного потенциала.

Уверен, что общение в лингвистическом научном поле станет важным шагом в продолжении плодотворного сотрудничества между Евразийским национальным университетом им. Л.Н. Гумилева, Сургутским государственным педагогическим университетом и Тульским государственным педагогическим университетом им. Л.Н. Толстого, поможет студентам реализовать свои возможности, познакомиться с перспективными направлениями филологических исследований, станет площадкой обмена опытом.

Желаю всем участникам конференции «РУССКИЙ ЯЗЫК В XXI ВЕКЕ: ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ» плодотворного научного поиска, новых интересных проектных идей, полезных деловых и личных контактов, которые помогут развиваться и тем самым продвигать науку к новым горизонтам!

Константин Андреевич Подрезов
Ректор Тульского государственного
педагогического университета им. Л.Н. Толстого
кандидат политических наук, доцент

Уважаемые участники конференции!

Филологический факультет Сургутского государственного педагогического университета, кафедра филологического образования и журналистики сердечно приветствует участников столь значимого мероприятия по сохранению и укреплению международных связей, общих культурных традиций, этических ценностей. Нас всех объединяет понимание того, что дает нам русский язык в глобальном мире как язык с многовековой историей и язык межнационального общения, язык великой русской классической литературы.

Роль и значимость языка в жизни человека сложно переоценить, и то, что вы, дорогие участники конференции, посвящаете своё время исследованию проблем языка, вызывает искреннее уважение. Язык, которым мы пользуемся, – это подлинно драгоценнейшее наследие, полученное нами от предшествующих поколений, драгоценнейшее, ибо оно даёт нам возможность выражать свои мысли и чувства и понимать их не только у наших современников, но и у великих людей минувших времён.

В девятый раз один из лучших вузов Казахстана, несмотря на все ковидные перипетии, объединил в желании поделиться своими научными изысканиями опытных и начинающих лингвистов, литературоведов, журналистов и молодых педагогов. Очередная конференция молодых учёных – свидетельство пытливости ума, глубокого погружения в исследовательский процесс и широкого кругозора участников. Как показали предыдущие конференции, круг ваших интересов не ограничивается только лишь вопросами функционирования русского языка, а выходит на уровень философского, культурологического, социального, сравнительно-сопоставительного анализа.

Желаем успешной и плодотворной дискуссии всем, для кого русский язык является не только предметом исследования, но и важнейшей частью духовной жизни.

Николай Васильевич Ганущак

Декан филологического факультета

Сургутского государственного педагогического университета,

кандидат филологических наук, доцент

Елена Ивановна Бреусова

Завкафедрой филологического образования и журналистики

Сургутского государственного педагогического университета,

кандидат филологических наук, доцент

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

ЯЗЫК В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: УСТОЙЧИВОСТЬ И ВАРИАЦИИ

Журавлева Е.А.

*доктор филологических наук, профессор
zhuravleva_yea@enu.kz*

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
г. Нур-Султан, Казахстан*

В связи с усилением процесса глобализации остро встает проблема сохранения устойчивой национальной идентичности культуры и языка. В мире существуют общечеловеческие ценности, сближающие все народы. С точки зрения общественной жизни, все народы проходят различные исторические периоды, с характерными условиями существования, государственный строй, религиозные каноны, все это отражается на особенностях культуры, традициях, восприятии окружающего мира.

Однако, общие тенденции развития человечества в целом, не застилают собой осознание человеком себя как определенной национальной личности, своего места и положения в этом мире, обществе, государстве, коллективе. Что помогает ему самоопределиваться? Что является для него ориентирами в процессе идентификации?

Словарь социолингвистических терминов характеризует «идентификацию» как «процесс эмоционального и иного (само)отождествления индивида с другим человеком, группой, образцом. [...] В социолингвистике идентификация – это отождествление индивида с определенным этносом, национальностью, языком» [1: 46]. Исходя из указанного определения, можно предположить, что идентификация человека напрямую связана с его этническим самосознанием.

Поскольку этническое самосознание связано, прежде всего, с воспитанием в семье, то есть учитываются родственные связи, и с освоением с детства родного языка, то в данном случае проблемы с отнесением себя к той или иной национальности не возникает. Таким образом, проблема идентификации возникает не тогда, когда человек знает национальность своих родителей, когда он воспитывался в

определенной национальной среде, с ее традициями, религией и языком, проблема возникает тогда, когда он исключен из этих условий.

Развитие этнических языков в современный период во многом зависит от межэтнической интеграции, «вида этнических процессов, заключающегося во взаимодействии уже сложившихся более или менее разнообразных по своим языково-культурным и др. параметрам этносов обычно в рамках многонациональных государств, что ведет к их постепенному сближению, к выработке общего самосознания и т.п.» [2: 50]. Результатом таких процессов может быть появление так называемых метаэтнических общностей. Межэтническая интеграция непосредственным образом влияет на языковую ситуацию: ведет к усилению языкового взаимовлияния, образованию языков-посредников, языков межнационального общения.

В современном мире проблема сохранения устойчивой национальной идентичности культуры и национальности стоит остро, что связано прежде всего с усилением процесса глобализации, включающего объединительные процессы: создание единых рынков, появление единой валюты, тесное переплетение мировой экономики и политики, системы образования, наконец, значительной и повсеместной стандартизации и унификации повседневной жизни – от одинаковых товаров до явлений жизни.

Происходящая универсализация норм, ценностей, образа жизни, которая переходит порой в унификацию, гомогенизацию, ассимиляцию, прежде всего под влиянием западной и американской культуры, создает угрозу разрушения национальных культур многочисленных народов мира.

Некоторые явления в материальной сфере, которые ранее четко определялись, в настоящее время становится трудно национально идентифицировать. К примеру, японская техника, продающаяся в разных странах мира, считающаяся лучшей именно за «японское качество», производится в Китае. Продукты швейцарской фирмы «Nestle» изготавливаются в России. Американские автомобили собираются в Германии, корейские стереосистемы – в Китае, продукция шведской компании ИКЕА производится во многих странах мира, в том числе России и Беларуси. Индийский и цейлонский чай пакетируется в Казахстане. Подобных примеров множество. Но, прекрасно все осознавая, мы все-таки, следуя стереотипам, радуемся, что покупаем «японскую» технику, «швейцарские» конфеты и «индийский» чай.

Процесс унификации коснулся и духовной сферы, тесно переплелись идеалы, ценности, вкусы. Все это под влиянием средств массовой информации, экономической интеграции, повсеместного распространения одних и тех же товаров и предметов быта стало активно приближаться к единому знаменателю.

Тем не менее, полного слияния культур и национальных ценностей не произошло, наоборот, в XXI веке происходит подъем своеобразного национального обособления, выявление и подчеркивание культурных различий, отличающих одни народы от других. Как указывает А.В. Павловская, «возможно, именно тенденция к объединению, слиянию культур, принявшая местами вид единообразия и обезличенности, вызвала к жизни стремление к выявлению своих национальных начал. Своеобразный дух противоречия, свойственный народам в той же мере, что и индивидуумам, привел к повышению интереса к достижениям своей, родной культуры» [3: 111]. Возрождаются традиционные национальные обряды, праздники, детали быта, музыкальные инструменты и пр.

Любой исторически сложившийся развитый национальный язык является неоднородным, представляя собой достаточно сложную, многоступенчатую систему – совокупность форм, в которых он существует и проявляется. Это положение особенно актуально для языков мирового статуса, полинациональных языков, которые функционируют и развиваются вне территории исконного распространения данного языка и используются представителями нескольких этносов. «Изменения, обусловленные языковыми контактами, есть в истории каждого языка. Не существует генетически «чистых», «беспримесных» языков, которые бы в течение тысячелетий развивались без всякого влияния окружающей языковой среды, в полной обособленности от соседей. Любой современный язык – это сплав языковых элементов, происходящих из разных, родственных и неродственных языков и диалектов» [4: 170].

И если национальный характер сформирован на генном уровне, сконцентрировав в себе черты не одного поколения формирования этноса, то отражением его является национальный язык, в котором заложены основные концепты мировоззрения народа, так же сформированные на протяжении веков. Кроме того, в национальном языке ярко проявляются особенности культуры и менталитета, национальные ценности и национальный характер, находя в нем высшую точку своего развития, кульминацию, завершение. Каждый язык упорядочи-

вает мир своим собственным, неповторимым образом, и адекватно язык может быть передан только самим собой.

Так, при всем большом желании изучать и пользоваться английским языком, чтобы легко и комфортно чувствовать себя в мировом сообществе, каждая нация, опять же скорее в противовес этой тенденции засилья английского языка, старается поддержать свой родной язык. И именно язык, при поддержке национального характера, тех чертах его, которые проявляются явно или неявно, но полностью осознаются и анализируются индивидом лишь к определенному возрасту, начинает формировать «языковую личность». Язык является не только основной составляющей культуры, но и средством, «ключом к пониманию культуры» (А. Вежбицка). Культурная компетенция человека, совокупность культур, доступных для данного человека (национальная, региональная, социальная), не просто существуют рядом друг с другом. Они сравниваются, противопоставляются и активно взаимодействуют, образуя обогащенную, интегрированную поликультурную компетенцию.

Как известно, осваивая какой-либо язык и культуру, изучающий остается компетентным в родном языке и культуре, а значит, новые знания воспринимаются им не изолированно, а в соответствии с прежним языковым и культурным опытом. Д.Б. Гудков называет коммуникацию взаимодействием «говорящих сознаний» [5: 10]. В свою очередь успешность коммуникации зависит от понимания на уровне концептуальной и языковой картин мира участников общения. Картина мира отличается сложной организацией как в концептуальном, так и в языковом плане, и четко соотносится со словарем и грамматикой родного языка.

Основы картины мира закладываются еще в раннем детстве с помощью концептов языка, а ее дальнейшее формирование происходит в течение всей жизни, когда закладывается комплекс знаний: декларативные (знания о мире), социокультурные (повседневная жизнь, условия жизни, межличностные отношения, система ценностей, язык жестов, правила этикета, связанные с оказанием гостеприимства и нанесением визитов, выполнение ритуалов), межкультурные (знание и понимание сходств и различий между своей культурой и культурой близкого контактирующего народа, региональные и социальные особенности страны, в которой функционирует язык).

В связи с широким распространением русского языка в мире, он являет собой далеко не однородную структуру. Русский язык характеризуется национально-территориальной вариативностью.

Изменившиеся социальные условия, вызывая к жизни новые представления, понятия или оттенки мысли, предопределяют изменения в языке. При этом форма тяготеет к сохранению ранее устоявшихся средств выражения, вследствие чего вступает в противоречие с изменившимся содержанием. Применительно к литературному языку это противоречие возникает на почве несоответствия между несуществующими средствами выражения и различными коммуникативно-познавательными потребностями коллективов, пользующихся данным языком. Подобное несоответствие вызывает нарушение равновесия между содержанием и формой его выражения, ведет к отрыву от прежней формы.

Важно отметить, что при изучении русского литературного языка, особенно в исследованиях конца XX века, он анализируется главным образом как средство межнационального общения, при этом многие вопросы существования русского языка как полинационального, в одном ряду с английским, испанским, французским, требуют своего более детального изучения. Соотношение социальных функций и языкового пространства русского языка как языка междunarодного общения является более сложным, поскольку, обладая определенными социальными функциями, русский язык по-разному используется в потенциально возможном для функционирования пространстве, имеет разный статус и сферы применения.

Таким образом, в эпоху глобализации территориальная вариативность языка, функционирующего вне зоны первичного распространения, за пределами национальной территории, возникает под влиянием сложного комплекса причин лингвистического, социолингвистического и экстралингвистического порядка. Речь идет именно о комплексе, в котором все три типа факторов взаимодействуют друг с другом.

Литература

1. Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж. Словарь социолингвистических терминов. – Алматы, 2002.
2. Исаев М.И. Словарь этнолингвистических понятий и терминов. – М.: Изд-во «Флинта. Наука», 2001. –182 с.

3. Павловская А.В. Национальный характер в условиях глобализации: перспективы изучения // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004, № 1. – с. 108-118.
4. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. – 2-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 207 с.
5. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М., 2003. – 288 с.

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ЦЕННОСТНАЯ КАТЕГОРИЯ В ПРОЗЕ С. ДОВЛАТОВА¹

Ларкович Д.В.

доктор филологических наук, профессор

dvl10@yandex.ru

Сургутский государственный педагогический университет

г. Сургут, Россия

Сергей Донатович Довлатов, известный прозаик еврейско-армянского происхождения, родившийся в Башкирии, проживший 3 года в Эстонии и 12 лет в США, с гордостью считал себя русским писателем. Сам автор «Заповедника» деликатно уточнял: *«Я ... хочу быть русским писателем. Я, собственно, только этого и добиваюсь»* [1: 81]. По мнению Довлатова, *«национальность писателя определяет язык. Язык, на котором он пишет»* [1: 81], поэтому быть русским писателем означало для него, в первую очередь, в совершенстве владеть русским языком, максимально эффективно используя его грамматические и семантические ресурсы. Речевой строй литературного произведения он никогда не воспринимал исключительно как элемент формы и был убеждён, что именно системой языковых средств определяется его художественная ценность. Так, размышляя о природе писательского ремесла, Довлатов отмечал: *«Мысли, идеи и тем более сюжет – это как раз то, что меня интересует в литературе меньше всего. Более всего мне дорога в литературе ее внеаналитическая сторона, ее звуковая гамма, ее аромат, ее градус, ее цветовая и фонетическая структура, в общем, то, что мы обычно называем необъяснимой привлекательностью»* [1: 93].

¹ Материал данной статьи представляет собой дополненный и уточнённый вариант доклада, впервые представленного на Международной научной конференции «Русский язык в глобальном и локальном измерениях» и опубликованного в сборнике по её материалам: Русский язык в глобальном и локальном измерениях: сб. ст.; отв. ред. Т.А. Сироткина. – Сургут: РИО СурГПУ, 2018. – С. 191–196.

Богатый потенциал средств для осуществления такого рода художественной инструментовки литературного текста писатель находил в наличном арсенале русского языка. Среди писателей его особо привлекали те, *«творчество которых, – по словам самого Довлатова, – основано на словесных аргументах, ... погружено в корнесловие, насыщено метафорами, изобилует всяческой каламбуристикой, аллитерациями, цеховыми речениями, диалектизмами. Достаточно вспомнить Хлебникова, Замятина, Ремизова, писателей орнаментальной школы»* [1: 206].

Это создавало вполне понятные трудности при переводах русской литературы на другие языки, о чём Довлатов много размышлял, находясь в эмиграции. Он искренно переживал при мысли о том, что лучшие образцы русской литературной классики теряют своё художественное очарование при переводе на другой язык: *«Зощенко, я думаю, непереволим. Он создает переводчикам удвоенные трудности. Ставит перед ними двойную задачу. Во-первых, как стилист. И еще как выразитель специфической отечественной реальности. Наконец, у Зощенко свой особый язык. Как выразить на английском его гениальные языковые “погрешности”? Как, скажем, перевести вот эту реплику: “Понимаешь, кого ты обидел? Ты единоутробного дядю обидел!..”»* [1: 206].

Довлатов прекрасно осознавал, что отсутствие точных иноязычных эквивалентов русским вербальным обозначениям, семантика которых определилась в условиях иной культуры, иной ментальности, не только искажает восприятие первоисточника, но и до неузнаваемости меняет его смысл. Эта открытие приводит его к неожиданному выводу: *«Буквальные переводы с русского невозможны. Тут вы должны переводить не слово – словом и не фразу – фразой, а юмор – юмором, любовь – любовью, горе – горем»* [1: 207].

В доэмигрантский период своей жизни, находясь в Ленинграде, Таллинне и – в особенности – в Пушкиногорье, Довлатов непосредственно существовал в русском литературном пространстве, буквально ощущал свою физическую причастность ему, оно было его естественной средой обитания. Перебравшись за океан и оказавшись в от него на значительной дистанции, он в полной мере осознал общечеловеческую ценность русского художественного слова и проникся чувством личной ответственности за его судьбу. Здесь он становится страстным пропагандистом, просветителем, популяризатором русской литературы, русского культурного наследия, русского языка. На

страницах еженедельника «Новый американец», в эфире радиостанции «Свобода», в университетских аудиториях он стремился поведать своим собеседникам о великом достоянии, порождённом великой (в том числе и новейшей) русской культурой, но принадлежащем всему человеческому сообществу. Так, прокручивая в памяти нюансы, связанные с историей создания газеты «Новый американец», Довлатов отмечал: *«Мы ... хотели выпускать демократическую независимую газету. То есть участвовать в культурной жизни. Просвещать наших многострадальных соотечественников. Пропандировать серьезное искусство. Бороться за чистоту русского языка»* [2].

Именно поэтому глубоким пиететом в глазах Довлатова пользовались те его новые знакомые, кто, не будучи русским по происхождению, не на словах, а на деле бескорыстно выполнял важную миссию по продвижению русской художественной культуры за рубежом. В первую очередь, это были переводчики и издатели. Особое чувство Довлатов питал, в частности, к американскому слависту, профессору Мичиганского университета Карлу Профферу, который вместе со своей женой Эллендеей основал издательство «Ардис», где издавалась литература на русском языке. Характеризуя вклад Проффера в дело продвижения русской словесности, Довлатов отмечал: *«В деятельности “Ардиса” прослеживается единый антологический принцип: книги этого издательства, при всем их разнообразии, последовательно соответствуют общей задаче – воссоздать реальный русский историко-литературный процесс от самых его истоков до наших дней»* [1: 141].

Сам Довлатов испытывал жгучую, неизбывную потребность быть частью этого историко-литературного процесса, его значимым элементом, его импульсом. Эту потребность кратно усиливали препятствия, которые возникали перед писателем в период почти всей его творческой деятельности. В Советском Союзе он находился в органичной ему литературной среде, но цензурный барьер лишал его читательской аудитории, а следовательно – смысла самого творчества. В эмиграции появилась возможность печататься, но возник теперь уже иной, языковой барьер, который также преграждал путь к читателю. Утратив свой самый главный аргумент – язык как способ писательского существования, Довлатов пребывал в растерянности и в отчаянии восклицал: *«А ведь язык был чуть ли не единственным*

моим достоянием. Предметом особой гордости. Он придавал мне уверенность. Возвышал в собственных глазах» [2].

Однако литературная судьба в последние годы жизни писателя всё же проявила свою благосклонность, даровав ему радость читательского признания. Сначала его прозу в переводах Анны Фридман по достоинству оценила американская публика, а в начале 1990-х гг. состоялось полноценное возвращение писателя в Россию, которое сразу определило место Довлатова в новейшей русской литературе. Можно с уверенностью констатировать, что мечта Довлатова осуществилась в полной мере – он стал русским писателем.

Секрет феноменальной довлатовской популярности многочисленные исследователи его творчества, как правило, связывают с высокой степенью стилевой филигранности, которая присуща его прозе. И с этим нельзя не согласиться. Примечательно, что в своей художественной практике Довлатов, как правило, избегает различного рода словесных излишеств, ориентируясь при этом на опыт предшественников. Известно признание писателя, в котором он сформулировал свои эстетические предпочтения: *«Можно благоговеть перед умом Толстого. Восхищаться изяществом Пушкина. Ценить нравственные поиски Достоевского. Юмор Гоголя. И так далее. Однако похожим быть хочется только на Чехова» [3: 168].* Действительно, довлатовский художественный дискурс лаконичен и по-чеховски сдержан, однако за этой кажущейся простотой и почти разговорной непринуждённостью всегда угадывается смысловая объёмность и отсылка к чему-то иному, непрямо высказанному, ассоциативно подразумеваемому.

Довлатов – мастер словесного парадокса, основу которого составляет принцип смысловой инверсии. Здесь всегда фигурируют неожиданные сближения, алогичные пересечения, непредсказуемые повороты смысла. Здесь угадывается неявное обращение к собеседнику, содержащее приглашение усомниться в незыблемости банальных истин и утвердиться в потребности мыслить самостоятельно. Всем, кто хоть раз читал довлатовское «Соло на IBM», наверняка запомнилось: *«Талант – это как похоть. Трудно утаить. Еще труднее – симулировать» [3: 197]; «О многих я слышал: “Под напускной его грубостью скрывается доброта...” Зачем её скрывать? Да ещё так упорно?» [3: 203]; «Скудость мысли порождает легионы единомышленников» [3: 207].*

Таких примеров можно приводить много, и за каждым из них стоит комическое несоответствие видимого и сущего, формы и содержания, явного и сокровенного. Однако комическое, юмор – вовсе не самоцель довлатовского творчества, а лишь свидетельство легко угадываемой авторской тоски по идеалу, стремление преодолеть хаос быта и достичь пределов осмысленного бытия. Размышляя о природе довлатовского писательского таланта, И.Н. Сухих отмечает: *«Только в структуре целого “чувство юмора” и “чувство драмы” взаимно и гармонично уравнивают друг друга. Настоящая, лучшая проза Довлатова ... держится этими двумя полюсами»* [4: 59]. Следует уточнить, это равновесие между комическим и драматическим, по признанию самого писателя, может быть достигнуто исключительно благодаря богатейшим речетворческим и смыслопорождающим возможностям, которые содержит в себе русский язык.

Книги Довлатова могут оставить у наивного читателя обманчивое ощущение нарочитой лёгкости, экспромта, незатейливой простоты устного рассказа. Однако многочисленные свидетельства, сохранившиеся в мемуарных источниках и довлатовской переписке, свидетельствуют о кропотливой и исключительно серьёзной работе писателя со словесным материалом. Близко знавший Довлатова литературный критик Александр Генис приводит в своей книге любопытный фрагмент, не вошедший по редакционным соображениям на страницы «Нового американца», а позже и в состав повести «Марш одиноких»: *«Трудлюбивые маленькие предлоги волокли за собой бесконечные караваны надежд. Прочные корни объединяли разрозненные ватаги слов-единоличников. Хитроумные суффиксы указывали пути мгновенных рекогносцировок. За плечами существительных легко маневрировали глаголы. Прилагательные умело маскировали истинную суть»* [5: 209].

В этих причудливых морфологических арабесках угадывается что-то от почти башмачкинского подмигивания, любования и смакования самого процесса работы со словом. Перед нами не просто развёрнутая метафора писательского труда, а факт непосредственного ощущения языка как особого мира, живущего по своим особым законам, полного высокого смысла и готового щедро поделиться своими тайнами с каждым, кто стремится их постичь. После этого уже не кажется странным восклицание, прозвучавшее в повести

«Иностранка»: «О, Господи! Какая честь! Какая незаслуженная милость: я знаю русский алфавит!» [1: 6].

Литература

1. Довлатов С. Блеск и нищета русской литературы: Филологическая проза. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 256 с.
2. Довлатов С. Речь без повода ... или Колонки редактора. Ранее неизданные материалы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://royallib.com/book/dovlatov_sergey/rech_bez_povoda_ili_kolonki_redaktora.html (Дата обращения: 15.01.2022).
3. Довлатов С. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4 / Сост. А.Ю. Арьев. – СПб.: Азбука, 2000. – 400 с.
4. Сухих И.Н. Сергей Довлатов: время, место, судьба. – СПб.: Культ-информ-пресс, 1996. – 384 с.
5. Генис А. Довлатов и окрестности. – М.: Астрель: CORPUS, 2011. – 736 с.

УЧЕНИЕ Ю.М. ЛОТМАНА О КОМПОЗИЦИИ СЛОВЕСНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Романов Д.А.

доктор филологических наук, профессор

kafrus@rambler.ru

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого*

г. Тула, Россия

28 февраля исполняется 100 лет со дня рождения Ю.М. Лотмана – крупнейшего филолога-структуралиста XX века, признанного главы Тартуской семиотической школы.

О различных аспектах научной методологии Лотмана написано немало. Основная его заслуга состоит в том, что ему удалось в 1960–1980-е годы сплотить вокруг Тартуского университета самые прогрессивные и самые творчески активные силы филологической науки советского пространства. Лотман действительно создал настоящую школу по исследованию, как говорили сами ее участники, избегая идеологически нежелательного в то время слова *семиотика*, «вторичных моделирующих систем». Все члены лотмановской школы, включая ее главу, разрабатывали не только теоретические принципы филологии и искусствознания, но и давали великолепные образцы конкрет-

ных текстуальных исследований, методологическое значение которых трудно переоценить. Широкой читающей публике сам Лотман известен скорее не как теоретик знакового пространства литературного текста, а как пропагандист и вдумчивый исследователь творчества Карамзина, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, как знаток русской бытовой и художественной культуры XVIII-XX веков.

Лотман был, таким образом, практически универсальным ученым-филологом, поскольку в равной степени касался литературы, языка, смежных с ними гуманитарных сфер, охватывал при этом явления разных веков мирового художественного процесса и изучал все это как умелый, вдумчивый и серьезный теоретик, с одной стороны, А с другой – как ученый-практик, имеющий дело с тонкими вопросами авторской индивидуальности, специфики каждого конкретного художественного произведения, как интерпретатор литературного текста и контекста, открывающий новые пути прочтения художественных феноменов, уже вписанных в историю культуры и не раз трактовавшихся до него.

Лотман был чрезвычайно внимателен к достижениям своих предшественников. Именно благодаря ему в филологии начиная с 60-х годов XX в. опять стали цитируемы и востребованы исследования довоенного времени, принадлежавшие М.М. Бахтину, В.Н. Волошинову, Ю.Н. Тынянову и др. Лотман часто возвращал в научный оборот методологию и опыт тех ученых, которые изменили характер своей работы и уже не обращались к своим ранним исследованиям. Так, Лотман активно цитировал «молодого» В.В. Виноградова с его талантливыми и весьма оригинальными наблюдениями над стилем Пушкина, Гоголя и Л. Толстого, он обращался к ранним структуралистским работам В.М. Жирмунского, Б.М. Эйхенбаума, Б.В. Томашевского. Для многих в то время эти стороны исследовательского таланта названных ученых были настоящим открытием.

В научном подходе Лотмана была еще одна характерная и важная черта – он писал не для избранных, не для академической публики, а обращался к любому интеллигентному читателю: школьному учителю, пытливому студенту и др. Этим объясняется его приход в последние годы жизни к общедоступному жанру видеолекции (беседы с экрана), т.е. Лотман стал настоящим филологом-просветителем, одним из последних ученых этого направления, имя которого было известно почти всем говорящим на русском языке.

Все сказанное свидетельствует о том, что научное наследие Лотмана весьма обширно и разнообразно. Сегодня хотелось бы обратить внимание на трактовку Лотманом проблем, связанных с композицией текста. Мы считаем этот вопрос чрезвычайно важным, во-первых, потому, что он составляет один из центров структуральной текстовой теории Лотмана и имеет оригинальные и самобытные решения. Во-вторых, потому, что проблема композиции до настоящего времени продолжает по-разному решаться в филологической науке и остается, таким образом, актуальной.

Композицию стали признавать элементом лингвистической поэтики художественного текста лишь во второй половине XX века. До этого она считалась сугубо синтагматической категорией внутри так называемых «деталей предметной изобразительности»: по сути, их взаимное расположение в сопряжении с пресловутыми «выразительными средствами» и считалось композицией. О том, что композиция может быть интерпретирована по-разному, и о том, что она может иметь широкий спектр построений, заговорили именно в кругу тартуских ученых. Направленно проблемами композиции занимался Б.А. Успенский [6]. Но принципы нового, взвешенного и действительно научного подхода к ней, уже содержащиеся отчасти в работах русских структуралистов 1920-х годов, обосновал и обобщил именно Лотман. Ему же принадлежит общая концепция, которую он называл подходами к «композиции словесного художественного произведения».

Лотман первым написал о том, что композицию можно рассматривать как особое явление поэтики лишь с учетом ее возможной вариативности: без членов динамической парадигмы, в моноисполнении композицию рассматривать нельзя. Она при этом просто незаметна, она нивелируется. Лотман писал об этом метафорически: «Многократными опытами доказано, что съемка больших кусков ленты (имеется в виду киноискусство – Д.Р.) с позиции какого-либо героя приводит не к увеличению чувства субъективности, а, наоборот, к потере его: зритель начинает воспринимать кадры как обычную панорамную съемку. Для того чтобы представить некоторый кино-текст как реализующий точку зрения определенного героя, приходится перемежать (монтировать) кадры, снятые с его субъективной пространственной точки, с кадрами, фиксирующие героя извне, с пространственной точки зрения зрителей («ничья» точка зрения) или других персонажей. <...>

Этим создается и акцентация специфики субъективных позиций, и объективная надпозиция, конструкт действительности» [3: 343].

Лотман первым ввел понимание композиции как многоуровневого явления поэтики. При этом он отталкивался от языковых построений, утверждая, что каждый языковой ярус (от фонетики до сверхфразовых единств) может иметь достаточно оригинальную синтагматику. Но ученый тем не менее считал эти явления фактами более низкого уровня, чем художественная композиция. Лотман подчеркивал, что функционирование художественного текста связано с «активным взаимодействием между уровнями», следовательно, он открыл, что «композиция художественного текста строится как последовательность функционально разнородных элементов, как последовательность структурных доминант разных уровней» [3: 345]. Язык здесь является лишь фундаментом, средствами которого выстраиваются определенные структуры, смысл которых выходит далеко за границы суммы компонентов, что является, как известно, признаком любой системы.

Таким образом, Лотман видит организацию композиции как «чрезвычайно гибкий механизм» с «неисчислимой семантической активностью», т. е. не только в отдельном художественном произведении, но в каждом его относительно завершенном содержательном фрагменте можно усмотреть разнообразные сопряжения структурных и смысловых элементов, которые и образуют данный текст или фрагмент как художественное единство. Лотман, а вслед за ним и Б.А. Успенский выдвинули принцип неравномерности композиции художественного текста, т. е. сопряженности в ней «конструктивно разнородных сегментов». Следовательно, при анализе композиции вполне естественно сопоставлять детали сугубо сюжетные, языковые, относящиеся к авторскому замыслу, прототипические и т. д. Этот путь, который в филологии можно считать аналитическим, при создании художественного произведения выглядит как акт творчества его автора, а у читателя, соответственно, представляет собой попытку дешифровать писательские коды, проникнуть, как говорят, «в творческую лабораторию» автора.

Вместе с тем, любым писателем движет при создании композиции вполне определенная цель. Эта цель – преодоление предсказуемости. Лотман пишет, что, например, в «Войне и мире» мы наблюдаем, «как в развитии повествования однолинейные сюжеты сменяются многолинейными, как многогеройность и наличие нескольких сюжетных линий влекут за собой построение, при котором каждая глава пере-

мещает читателя из одной сюжетной линии в другую», «как смежные участки текста по-разному организованы», – именно это «обеспечивает художественной структуре постоянное сопротивление предсказуемости» [3: 348], т. е. предельную информативность. Разумеется, речь идет об особом рода информативности, присущей именно художественному произведению и связанной с вовлечением читателя в его мир, а следовательно, в мир размышлений писателя.

Весьма важным в концепции Лотмана является положение об альтернативности как важнейшем свойстве любой художественной композиции. Читатель, имеющий собственный жизненный опыт, а кроме того, вооруженный опытом знакомства с другими текстами, независимо от своего осознанного желания пытается предсказать дальнейшее развитие художественной структуры. Так возникает в этой структуре точка разветвления: пойти по известному «сценарию» или нарушить его. Если такого разветвления нет, то нет и художественного произведения, нет художественной композиции (такое вполне может быть в текстах иных стилей – деловых, бытовых, научных и проч.). «Именно в выборе и взаимопроекции текста и ожидания (инерции структуры) заключается порождаемая при этом художественная информация» [3: 349].

Творческое новаторство, прорыв, смена художественных парадигм происходит тогда, когда кажущиеся единственными возможными соположения структурных элементов нарушаются. Лотман довольно часто привлекал к своим размышлениям сведения об известных в истории литературы художественных направлениях и типах. Применительно к обозначенному выше тезису он говорил о том, что реализм отвергал свойственную классицизму, сентиментализму и романтизму фиксированность сюжетов, оценок, языковых репертуаров и т. д. Для современного человека это выглядит вполне естественным и привычным: достаточно сравнить любой текст Пушкина с текстом Жуковского, Карамзина или Державина. Но для современников смены художественных направлений это выглядит откровением и существенным приращением художественной информативности текста.

Одновременным парадоксом и безграничным потенциалом развития искусства, в том числе художественной литературы, является возможность непредсказуемых сопряжений композиционных элементов, представляющая собой, как уже говорилось, бесконечную семантическую валентность. Соответственно, возможность смыслового развития искусства также бесконечна. Это очень важная мысль, пото-

му что она вводит композицию в число важнейших факторов развития искусства в целом. То, что вчера казалось безальтернативным и вполне предсказуемым, в новом тексте получает иное развитие. А это уже значительный шаг вперед. «Увеличение информативности текста происходит за счет того, что единственно возможные в предшествующих структурах соединения получают альтернативу» [3: 350].

Помимо собственно композиционных вопросов Лотман включает в свою теорию явления смежные, без которых осознать композиционные принципы практически невозможно. Таких смежных явлений несколько. Наиболее важными представляются нам явления художественной рамки, художественного пространства, сюжета и персонажа.

Художественная рамка рассматривается Лотманом как граница, отделяющая художественные тексты от нехудожественных. Внутри этой рамки существуют законы, которые могут очень сильно отличаться от законов внешних по отношению к ним. По сути, Лотман переводит в семиотический код учение об особенностях поэтического языка и мира художественного произведения в сравнении с обычным языком и миром действительности. Это учение активно разрабатывалось русскими структуралистами 1910-1920-х гг. Лотман обобщает идеи Б.В. Томашевского [4], В.Б. Шкловского [7], Ю.Н. Тынянова [5] и вместе с тем продвигает их вперед, поскольку знаковая теория, которой он вооружен, дает возможность смотреть на объект стереоскопически.

В частности, Лотман говорит о том, что у художественного текста есть два аспекта. Один, который он называет *мифологическим*, позволяет увидеть за художественным произведением многие аналогичные ряды – как в жизни, так и в литературе. Второй – *фабульный*, дающий представление о героях и сюжете литературного произведения как о явлениях уникальных, неповторимо самобытных. И оба эти аспекта, как сейчас говорят, «работают» одновременно. В связи с этим важным является трактовка событийного ряда литературного произведения. Этот ряд одновременно идентичен и не идентичен действительности. В своем линейном развитии он, конечно, повторяет действительность, даже если произведение фантастическое или футурологическое. Но с другой стороны, события в художественном произведении – это по сути повествование, нарратив. «В художественном произведении ход событий останавливается в тот момент, когда обрывается повествование» [3: 273]. Это чрезвычайно точно подмеченная особенность, относящаяся как раз к явлению рамки художественного произведения.

Внутри этого мира после обрыва повествования уже ничего не происходит: «Герой, который к этому моменту жив, уже вообще не умрет, тот, кто добился любви, уже ее не потеряет, победивший не будет в дальнейшем побежден, ибо всякое дальнейшее действие исключается» [3: 273].

Вопрос о художественном пространстве Лотман рассматривает предельно конкретно – в сопоставлении с картиной мира, присущей тому или автору, тому или иному герою. Соответственно, «структура пространства текста становится моделью структуры пространства вселенной, а внутренняя синтагматика элементов внутри текста – языком пространственного моделирования» [3: 275]. В этом аспекте Лотман дает блестящие образцы трактовок художественного пространства произведений различных русских писателей. Эти трактовки могут оформляться как отдельные очерки (например, о художественном пространстве Тютчева он пишет в книге «Структура художественного текста» [3: 276–278]), а могут выливаться в достаточно протяженное исследование (например, книги о Пушкине [2] или Карамзине [1]).

Вслед за А.Н. Веселовским и в продолжение глубочайших исследований В.Я. Проппа Лотман в ракурсе композиции рассуждает о сюжете в художественном произведении. Сюжет для него сопрягается с понятием событие, которым является далеко не любой повествовательный компонент текста. С точки зрения Лотмана, «событием в тексте является перемещение персонажа через границу семантического поля». Если герой остается в кругу predetermined для него поступков, социальных ролей, достижений и т. д., то его изображение в произведении не сопрягается с событиями, а соответственно, не может быть рассмотрено как элемент сюжета или композиции. Лотман приводит достаточно много примеров текстов и героев, которые не выходят за границу определенности, а потому не имеют событийного развития. Так, текстовое пространство «Домостроя», русских летописей, романские фрагменты, посвященные «нелюбимым героям» Толстого в «Войне и мире» (вроде Элен, Анатоля, Сперанского, Наполеона и проч.) не могут быть рассмотрены в событийном ключе, поскольку «перемещение героя внутри отведенного ему пространства событием не является» [3: 296]. Только переход через семантические границы Лотман обозначает как событие и считает сюжетным и композиционным элементом произведения. Нельзя сказать, например, что все произведения древнерусской литературы лишены событийности. В

частности, «Слова» и «Моления», отражающие призывы преодолеть какие-либо устоявшиеся в обществе стереотипы, избавиться от «греха обыденности», несут в себе ядро событийного развития.

Семиотическая концепция композиции, предложенная Лотманом в 70-е гг. прошлого века, до настоящего времени остается актуальной. Причиной этого является не только ее оригинальность, обобщающий характер, прочная иллюстративная база, но и то, что эта концепция отличается большой продуктивностью. Она дает возможность рассматривать построение художественного произведения как синтез, как творческий акт, что очень важно для филологии. Лотман говорил, что анализ может занимать десятки и сотни страниц, но при этом из поля зрения выпадает самое главное – единство художественного произведения, во имя которого оно создается автором и которое так важно для читателя (в отличие от исследователя). Концепция Лотмана позволяет этого избегать. В год его столетия мы можем смело утверждать, что применение этой концепции в филологии даст еще много интересных результатов.

Литература

1. Лотман Ю.М. Карамзин. – СПб.: Искусство, 1997. – 829 с.
2. Лотман Ю.М. Пушкин. – СПб.: Искусство, 2009. – 846 с.
3. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – СПб.: Азбука, 2015. – 374 с.
4. Томашевский Б.В. Теория Литературы. Поэтика. – М.: Аспект-пресс, 2001. – 332 с.
5. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Советский писатель, 1977. – 432 с.
6. Успенский Б.А. Поэтика композиции. – СПб.: Азбука, 2000. – 348 с.
7. Шкловский В.Б. Энергия заблуждения. Книга о сюжете. – М.: Советский писатель, 1981. – 351 с.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК И ОСНОВЫ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

ВАРИАТИВНОСТЬ РОДА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Анпилогова Л.

milanakhalmetova@mail.ru

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Нарожная В.Д.

vdn_ru@mail.ru

Южно-Казахстанский государственный

педагогический университет

г. Шымкент, Казахстан

Род – это такая грамматическая категория, которая свойственна «именам (существительным, прилагательным) и глаголам ... и состоит в распределении слов или форм по трем классам, традиционно соотносимым с признаками пола или их отсутствием (мужской, женский, средний род» [1: 424].

В языке существует значительное количество существительных, в которых отмечается колебание в роде. У одних существительных колебания в роде являются следствием далеких исторических фактов, другие существительные, имеющие эти колебания, стали продуктом исторической эпохи, различных ее хронологических отрезков.

Одной из важнейших причин, породивших колебания в роде, была унификация склонения имен существительных, в результате чего старые основы на *ї (ь) мужского рода (гусь, тать, гвоздь) объединились с существительными мужского рода основы *jӧ (конь, отьць). Однако в языке сохранились существительные женского рода основы на *ї (кость, осень). В связи с такими изменениями возникли колебания в категории рода. Так, существительное мышь (женский род) закрепилось во многих древнерусских памятниках как существительное мужского рода: кошка взять мыша не может (Заонежская летопись); мыш прогрыз дыру.

Существительное лебедь в древнерусском языке относилось к словам женского рода, употребляется эта форма, как правило, в

поэтической речи. Ср. у А.С. Пушкина: «Глядь, средь синих вод лебедь белая плывет» (Сказка о царе Салтане).

Следует отметить, что первоначально существительные боль, печень, степень, мозоль, печать с основой на *ї (ь) были мужского рода, и лишь со временем они перешли в категорию женского рода. Возможно, такие колебания мужского / женского рода существительных с мягкой основой повлияли на принадлежность к роду заимствованных слов с мягким знаком на конце: толь, табель, рояль, тополь, тюль, шампунь (мужской род) и вуаль, бандероль, карусель (женский род). Например, о подобных колебаниях в роде существительных ярко свидетельствуют примеры употребления заимствованного слова зал в романе А.Н. Толстого «Петр Первый»:

- Зал сверкал огнями, гремела музыка (мужской род);
- По зале важно и чинно перемещались гости (женский род);
- Всё зало было увешано канделябрами (средний род).

Слова госпиталь, контроль, профиль, рояль, табель, шампунь, употреблявшиеся ранее в мужском и женском роде, теперь прочно закрепились в мужском роде. Но антресоль, бандероль, вуаль, гуашь, деталь, дуэль, кадриль, лазурь стали употребляться только в женском роде. В XIX веке эти слова испытывали колебания в роде, теперь употребление их в мужском роде не соответствует литературной норме. «Причиной разнобоя в оформлении грамматического рода у подобных заимствованных слов служит то, что среди исконно русских слов с мягкой основой были слова и мужского, и женского рода: день, конь, зверь, гвоздь, но тень, лень, голь, соль, дверь, весть» [2: 159].

Такие колебания в роде широко отражены в произведениях русских поэтов и писателей. Например, в произведениях М.Ю. Лермонтова существительное облак (мужской род) употребляется наряду с облако (средний род), тополь – женского рода:

- Смотрели братья, сумрачны, без слов, как смотрит облак иногда двуглавый, засев меж скал, на светлый бег луны... (Аул Бастунджи);
- В ущелье облако проснулось, как парус розовый надулось и понеслось по вышине... (Хаджи Арбек).
- За тополью высокою я вижу там окно... (Свиданье).

Существительное облак (мужской род) в XIX и начале XX века еще не выходит из нормативных границ употребления:

- И этот мир тебе – лишь красный облак дыма (А. Блок).

В относительно поздних заимствованиях из западно-европейских языков также значительны колебания в роде. Например, имена существительные вуаль и дуэль во французском языке относятся к существительным мужского рода. Первоначально этот род и был свойствен данным именам. Сравним, у А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого:

- Ты прострелен на дуэле...;
- С дядей башмачником дуэля, кажется, не будет [письмо 1833г.]
- Увидев Нехлюдова, она подняла нежную вуаль (женский род), открыла очень миловидное лицо с блестящими глазами и вопросительно взглянула на него (Воскресение);
- Дама опускала костлявыми пальцами запутавшийся вуаль (мужской род), чтобы скрыть слезы (Воскресение).

Таким образом, в современном русском литературном языке во многих исконно русских и заимствованных словах наблюдается неустойчивость в отношении рода существительных. Умение правильно употреблять такие формы говорит не только о духовной культуре человека и уровне его общего развития как личности, но и свидетельствует о ценности духовного наследия и культурных достояний всего человечества.

Литература

1. Ярцева В.Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
2. Горбачевич К.С. Изменение норм русского литературного языка. – 3-е изд., испр. – М.: Просвещение, 1989. – 208 с.

ВЕРБАЛЬНАЯ И ГРАФИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИЙ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Гончарова М.
edtar2@mail.ru

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Красовская Н.А.
nelli.krasovskaya@yandex.ru

Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого
г. Тула, Россия

С развитием информационных технологий широкое распространение получило общение посредством мессенджеров, социальных

сетей, электронной почты и других средств электронного взаимодействия. Онлайн-переписка – уникальный вид коммуникации. С одной стороны, она являет собой письменную, графически выраженную форму речи. С другой стороны, ей присущи все специфические особенности устных жанров разговорной речи: спонтанность, часто неподготовленность, повышенная роль фоновых знаний, ведущая к эллиптичности высказываний. При этом обнаруживаются и признаки собственно онлайн-переписки как особого жанра опосредованной коммуникации. Для выражения эмоций помимо вербальных способов здесь применяется целый арсенал графических символов: смайлы (смайлики), или эмотиконы, эмоджи.

Широким распространением и малой изученностью относительно новых графических способов репрезентации эмоций (смайлов (смайликов), эмотиконов, эмоджи), представляющих собой специфическую знаковую систему, обусловлена актуальность исследования. Объект исследования составляет лексико-фразеологический фонд, номинирующий эмоциональную сферу, в сопоставлении с графическими средствами обозначения эмоций (смайлами), предмет – соотношение вербальных и графических средств выражения эмоций и их функционирование в интернет-коммуникации. Соответственно, основной целью является изучение соотношения вербальных и графических средств выражения эмоций и их функционирование в интернет-коммуникации.

В настоящей работе графические средства (смайлы, эмотиконы, эмоджи) определены наряду с вербальными и невербальными как отдельный способ коммуникации, функционирующий при онлайн-общении, в том числе и для репрезентации эмоций. Существующие труды в области речевой коммуникации, теории речевых актов различают два вида коммуникации: вербальную и невербальную. Д.А. Романов считает, что «невербальная форма включает паралингвистику – кинетические (жестовые) и мимические средства, а также примыкающие к ним физиологические средства... Вербальная форма включает как минимум две подформы: языковые единицы и ритмико-интонационное (эмфатическое) единство» [1, С. 67-68]. Динамика вхождения проблемы эмоций в науку о языке вербалика и авербалика эмоций рассматриваются в монографии В.И. Шаховского [2, С. 41 - 47].

С развитием современных информационных технологий популярность приобрели графические символы (смайлы, смайлики), при-

существующие в мессенджерах, социальных сетях, в электронной почте и т.д. Этот факт не оставлен вниманием лингвистов, однако явление не квалифицируется как отдельный способ коммуникации, как знаковая система, применяемая также для выражения эмоций. Ряд исследований посвящён изучению явления графических средств коммуникации (эмодзи, эмотиконов, смайлов), их возникновению, функциям, особенностям употребления [3, 4, 5]. Однако в настоящей работе особенности функционирования графических средств (смайлы, смайлики) репрезентации эмоций впервые выявлены экспериментальным путём. Эксперимент проведён с применением современных компьютерных технологий с помощью программы Google Формы – онлайн-сервис для создания форм обратной связи, онлайн-тестирований и опросов. В эксперименте в форме интернет-опроса приняли участие 114 респондентов, большую часть которых (95 %) составила студенческая молодёжь в возрасте 17 – 30 лет, представляющая собой наиболее активную часть пользователей сети Интернет.

Данные эксперимента позволили определить семантическую наполненность графических средств выражения эмоций (смайлов), их функции и роль в интернет-коммуникации. Смайлы в условиях онлайн-переписки, обнаруживающей специфические особенности устной разговорной речи: спонтанность, часто неподготовленность, повышенная роль фоновых знаний, ведущая к эллиптичности высказываний, – выполняют компенсаторную функцию: заменяют при живой переписке целый спектр эмоциональных смыслов, выражаемых при контактном общении посредством мимики, жестов, особых значимых действий – средств невербальной коммуникации.

Литература

1. Романов Д.А. Эмоции в системе языковых репрезентаций: Монография. – Белгород: Изд-во Белгород. гос. ун-та, 2004. – 316 с.
2. Шаховский В. И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии: учеб. пособие по дисциплинам по выбору «Язык и эмоции» и «Лингвокультурология эмоций» для студ., магистрантов и асп. Ин-та иностр. яз. Волгогр. гос. пед. ун-та / В. И. Шаховский. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – 170 с.
3. Дубровская О.В. Эмодзи как средство невербальной молодёжной коммуникации // Веснік БДУ. Серыя 4: Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2016. – № 2. – С. 101-103.
4. Лукина Л.В. Особенности современного языка интернет-коммуникации и его функции // Фундаментальная наука и технологии – перспективные

разработки: Материалы XII международной научно-практической конференции. – М., 2017. – С. 168-172.

5. Макаров К.В., Шумилина В.Г. Понятие и функции языка эмодзи в невербальной коммуникации интернет-пользователей // Трибуна ученого. –2020. – № 5. – С. 451-458.

ОБ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В КАЗАХСТАНЕ

Избергенова Н.

nazikowa.20@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Аюпова Г.К.

bagira_03_05@mail.ru

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

г. Нур-Султан, Казахстан

Актуальность данного исследования обусловлена изучением истории методической мысли Казахстана, истории развития методики русского языка, развития научной методики обучения русскому языку, вклада педагогов-просветителей, ученых в развитие образования и просвещения. Современная методика преподавания русского языка не может не учитывать наследия казахстанских деятелей филологической и методической мысли. Характеризуя историю методики как источник методических идей и творческий потенциал ее развития, ученый-методист И.С. Чудинова пишет: «Прошрое учит настоящее не повторять его ошибок в будущем, творчески развивать лучшие традиции отечественной школы, не допуская поспешных и необдуманных решений. Недостаточная изученность истории науки нередко приводит к тому, что давно известное преподносится как принципиально новое и внедряется в практику без учета всех возможных негативных и позитивных результатов. С другой стороны, в современной школе нередко остаются незаслуженно забытыми интересные находки методистов и учителей прошлых лет, ценный опыт педагогов-практиков и целых коллективов, не получают объективной оценки отдельные направления в методической науке и практике, подвергавшиеся в прошлом неоправданной критике» [1: 6].

Как известно, методика русского языка как педагогическая наука имеет свой объект, предмет, цели изучения, свое содержание, систему

понятий и методы исследования. Как самостоятельная наука представляет собой систему знаний об определенной стороне реальной действительности, а именно о путях и условиях обучения русскому языку, стратегии и подходах к обучению русскому языку.

Слово «методика» произошло от греческого «metodos», что означает «путь». Сейчас данное слово употребляется в двух значениях:

1) Совокупность приемов, методов, форм работы преподавателя при обучении любому предмету, т.е. искусство, мастерство преподавателя;

2) Наука, которая изучает возможности и средства достижения максимального результата процесса обучения, т.е. теория обучения какому-либо предмету.

История развития методики преподавания русского языка в национальной (казахской) школе как науки связана, прежде всего, с развитием школьного образования и обучения русскому языку. И в этом несомненна заслуга во второй половине XIX в. казахского педагога-просветителя, писателя, ученого-этнографа, общественного деятеля Ы. Алтынсарина. За время его деятельности создается сеть русско-казахских школ: центральные (двухклассные) училища с интернатами с шестилетним сроком обучения, работавшие по учебным планам и программам уездных училищ; волостные (одноклассные) училища с интернатами с четырехлетним сроком обучения в г. Тургае; аульные передвижные школы с двухлетним сроком обучения; первая школа для девочек в Иргизе.

Ы. Алтынсарин был активным инициатором профессионального образования. В 1883 году им было создано Тургайское Яковлевское ремесленное училище (со столярно-токарным, слесарно-кузнечным и портняжным отделениями). В том же году открывается Оренбургская (Орская) учительская семинария. Ы. Алтынсариным было открыто 12 русско-казахских училищ различных типов. Несомненным достоинством педагогической системы Ы. Алтынсарина была преемственность всех типов школ, обучение на родном и русском языках.

Ы. Алтынсарин являлся не только основоположником русско-казахских школ, но автором первого казахского алфавита, разработанного им на основе русской графики, а также учебников «Киргизская хрестоматия», «Начальное руководство к обучению киргизов русскому языку» (1879). «Начальное руководство к обучению киргизов русскому языку» (далее – Руководство) – первый казахский учебник для изучения русского языка казахскими детьми. В руковод-

стве даны около 500 слов и фраз для первоначального освоения русской речи и основные правила русской грамматики. В предисловии к Руководству Ы. Алтынсарин писал: «К такому заключению привел меня пятилетний опыт на учительской должности в одной из русско-киргизских школ, и лишь после преподавания по настоящему руководству дело обучения русскому языку пошло у меня успешно и правильно» [2]. В системе обучения русскому языку в учебном пособии представлены упражнения перевода текстов-образцов с киргизского (казахского) языка на русский.

Продолжением к Руководству стало первое национальное учебное пособие «Киргизская хрестоматия», составленное Ы. Алтынсариним по образцу «Родного слова» и «Детского мира» К.Д. Ушинского. При составлении хрестоматии было отобрано все лучшее из учебной литературы того времени. Эти книги использовались во всех русско-казахских школах края [3].

Литература

1. Чудинова И.С. История отечественной методики преподавания русского языка (тридцатые годы XX в.). – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. – 149 с.
2. Алтынсарин И. Собрание сочинений: в 3 т. – Алма-Ата: Наука, 1976. – Т.2. – 423 с.
3. Аманжолова К. Б. Казахские просветители конца XIX – начала XX веков и их роль в формировании культурной традиции освоения русского языка в иноязычной среде // Вестник Череповецкого государственного университета. – № 5 (92). – 2019. – С. 42-55.

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕГО РОДА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Казанцева Д.

dkazancevaa@gmail.com

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Пантелеев А.Ф.

afpanteleev@sfnedu.ru

Южный федеральный университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

В рамках исследования существительных общего рода с использованием методов статистического, сравнительного и эксперимента

были выявлены основные тенденции к расширению группы слов общего рода.

Род подобных существительных определяется исключительно путем согласования или координации (*эта умница – этот умница; скромная Женя – скромный Женя*). Однако на современном этапе развития языка существует тенденция к расширению группы слов общего рода и вхождению в нее ряда слов, морфологически причисляемых к словам м.р., но часто функционирующих как наименования лиц женского пола. К этой группе относятся названия лиц по профессии (*врач, космонавт*). Подобные существительные могут иметь при себе согласованные прилагательные, выступающие как в форме м.р., так и ж.р. Отличительной чертой существительных общего рода является двустороннее родовое согласование. (*Пришла наша задира – Пришел наш задира*).

На примере слов «староста, судья, убийца» можно установить факт процесса перехода существительных из мужского рода в разряд слов общего рода, т.к. согласованные с ними прилагательные или местоимения могут выступать в форме и м.р., и ж.р. не только в И.п, но и в косвенных (*общительной старосте Кате, о нашей справедливой судье Смирновой*), что фиксируют некоторые словари [1: 408], несмотря на противоположное мнение других авторитетных словарей [2: 711].

Проведенный нами опрос, где было предложено составить предложения из набора лексем «справедливый/судья/Петрова», показал, что 90% опрошенных носителей языка написали так: «справедливая судья Петрова». И только 10% употребили согласованное определение при слове «судья» в форме мужского рода: «Петрова – справедливый судья».

Такие слова, как «врач», по мнению М.В. Панова [3: 127], должны выступать в позиции предиката как существительные м.р. (*Она хороший врач*). Однако, согласно данным опроса, 100% респондентов, употребляя «врач» в позиции субъекта-подлежащего, предпочитают координацию со сказуемым в ж.р.: «Врач Иванова пришла на работу», если слово называет лицо женского пола.

В рамках исследования была выявлена также тенденция к образованию феминитивов для различения пола говорящего. Слово «банкир» некоторые респонденты морфологически изменили, сделав из него лексему ж.р. с суффиксом -ш- и флексией -а – «банкирша», чего не сделали со словом «врач».

Существительные нулевого склонения, такие как сомелье, вито-лье, бариста, протеже, визави, уже являются частью группы слов общего рода. Это находит свое подтверждение на синтаксическом уровне.

Таким образом, в современном русском языке существует тенденция к употреблению слов, обозначающих лиц по должности, профессии, общественному положению в качестве слов общего рода. Причиной этому по большей части послужило внедрение лиц женского пола в профессии и социальные роли, принадлежавшие раньше только мужчинам. Применительно к словам типа «судья», «староста», «сомелье» и т.д. можно утверждать, что эти имена уже являются частью группы слов общего рода. Кроме того, мы можем выделить разнонаправленные тенденции. С одной стороны, это пополнение слов общего рода на современном этапе развития языка, а с другой – тенденция к образованию феминитивов.

Литература

1. Русский орфографический словарь / Под ред. В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой. – 4-е изд – М.: АСТ-Пресс Книга, 2012.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азъ, 1994. – 907 с.
3. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. – М.: Наука, 2010. – 277 с.

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА

Кайратова Д.

dilya.kairatova@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Аюпова Г.К.

bagira_03_05@mail.ru

Евразийский национальный университет им.Л.Н.Гумилева

г. Нур-Султан, Казахстан

Цель данной статьи – рассмотреть фразеологические единицы (далее ФЕ) с компонентом именем собственным (ИС). Интерес к данной проблеме обусловлен необходимостью исследования фразеологических единиц русского языка, имеющих в своем составе собст-

венные имена, провести их классификацию с точки зрения их происхождения.

Фразеологизм – это носитель социокультурной информации, то средство, на основе которого можно познать культуру любого этноса, т.к. именно он (фразеологизм) отражают историю, культуру, традиции и ментальность народа. Эта связь наиболее ярко проявляется в тех фразеологических единицах, в состав которых входит имя собственное (ИС). Имя собственное как компонент фразеологизма подчиняется тем же закономерностям, что и имена нарицательные в составе обычных фразеологизмов. От нарицательных имен отличаются универсальностью использования. При семантическом варьировании имя собственное может иметь функциональный синоним – имя нарицательное (*валять ваньку – валять дурака, дурачиться*).

В лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В.Н. Ярцевой дается следующее определение: «Собственное имя (оним) – (калька лат. *Nomen proprium*; оним – от греч. *ονομα* – имя, название) – слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект...» [1: 473].

Изучением имен собственных занимается такой раздел языкознания как ономастика. В ономастике выделяют следующие группы имен собственных: *антропонимы (собственные имена людей), топонимы (собственные имена географических объектов), ойконимы (название населенного пункта, вид топонима), гидронимы (название водных объектов), урбанонимы (названия внутригородских объектов), хоронимы (названия любой территории), этнонимы (название нации, народностей), теонимы (собственные имена божеств), зоонимы (имена и клички животных), астронимы (собственные имена небесных тел), космонимы (собственные имена зон космического пространства и созвездий), фитонимы (собственные имена растений), хрононимы (собственные имена отрезков времени, связанных с историческими событиями), идеонимы (собственные имена объектов духовной культуры), хремадонимы (собственные имена объектов материальной культуры)* и др.

В русской фразеологической системе в опоре на номинативное значение имен собственных выделены фразеологизмы, в состав которых входят антропонимы, мифонимы, топонимы, библионимы. Фразеологический фонд изменяется, пополняется, обновляется, в него входят и новые ФЕ с именами собственными. ФЕ с компонентом

именем собственным – это устойчивое сочетание, в состав которого входит лексический компонент, представляющий собой имена известных исторических личностей, географические названия, названия животных, растений, мифических героев [2:366].

Из фразеологических словарей методом анализа сплошной выборки нами было извлечено и подвергнуто анализу более 200 ФЕ. В этой работе мы привели примеры 80 ФЕ с именем собственным и попытались классифицировать их по этимологическому признаку. Рассмотрим каждую группу имен собственных.

1. Антропонимы – собственные имена людей. Антропоним называет, но не приписывает никаких свойств предмету: *Фома неверующий, Фома да Ерема, Филькина грамота, Иван безродный, Иван, не помнящий родства, валять Ваньку, Федот да не тот, по Сеньке и шапка/по Ереме колпак, куда Макар телят не гонял, показать Кузькину мать, драть, Федот, да не тот, как Сидорову козу, Колумбово яйцо, Аннибалова клятва, сказки Шахерезады, Мамаево побоище, как будто (словно) Мамай прошел; из литературных произведений: Тришкин кафтан, Демьянова уха, Буриданов осел, как лиса Патрикеевна.*

2. Мифонимы. Входят имена богов, героев, мифических животных: *Ахиллесова пята, ящик Пандоры, Спартанский образ жизни, Дельфийский оракул, красив как Аполлон, Двуликий Янус, Прокрустово ложе, муки Тантала, Прометеев огонь, сады Семирамиды, Геркулесов подвиг, Гордиев узел разрубить, Ариаднина нить, Дамоклов меч, Сизифов труд, Авгиевы конюшни, бочка Диогена Эзопов язык, между Сциллой и Харибдой, оседлать Пегаса, бочка Данаид, Троянский конь, кануть в Лету,*

3. Топонимы – имена географических объектов: *Коломенская верста, до Москвы, Москва слезам не верит, Москва не сразу строилась, не видала Москва таракана (ойконим – Москва), пропал, как француз в Москве, поехал в Москву за песнями, Ездить в Тулу со своим самоваром, Казанская сирота, китайская стена, китайская грамота (этнонимы), галопом по Европам, открыть Америку, перейти Рубикон, взлететь на Геликон; русская рулетка, новые русские (этнонимы), уйти по-английски (этнонимы)*

4. Библионимы. Содержат компонент из библейских текстов, связанных с христианством: *в костюме Адама (Евы), все Адамовы детки, Адамово яблоко, проклятие Адама, ребро Адама, Христом-богом прошу, Христа ради, Христос с тобой, во те Христос!*

Христова невеста, Бог его знает, Гог и Магог, Садом и Гоморра, Вавилонская блудница, Вавилонское столпотворение, Иерихонская труба, Вааламова ослица, Каинова печать.

Таким образом, в ходе анализа ФЕ с ИС, мы классифицировали фразеологизмы с ономастическим компонентом и пришли к выводу, что ФЕ вбирают в себя мифологические, религиозные, этические представления народа разных эпох и поколений.

Литература

1. Подольская Н.В. Собственное имя // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 473-474.
2. Стребкова Ю.В. Имена собственные в составе фразеологизмов как переводческая проблема (на материале англоязычной прессы) // Молодой ученый. 2015. – № 13(96). – С. 821-823 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/93/20526/> (дата обращения: 20.01.2022).

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ

Козич А.

alena.kozich.97@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Николенко О.Ю.

nikolenkoolga@mail.ru

*Омский государственный педагогический университет
г. Омск, Россия*

Исследование выражения эмоций в современной лингвистике является чрезвычайно важной задачей современности. Эмоции – это один из важнейших аспектов в жизни человека. Они являются реакцией на различные способы взаимодействия с внешним миром. Эмоции – это часть психики человека; один из важнейших элементов его познавательной, когнитивной деятельности [1].

Все в языковой системе детерминировано основной функцией – быть средством формирования и выражения когнитивного и эмоционально-эстетического содержания. Фразеология как нельзя лучше отражает реализацию этой функции языка, а особенно хорошо это видно на примере фразеосемантического поля «эмоциональное состояние». Потому что характерной особенностью фразеологиче-

ских единиц является то, что они представляют собой такие признаковые имена, которые обозначают и характеризуют преимущественно психические свойства человеческой личности: эмоции, чувства, ментальную деятельность, память, волю, внимание, настроения и другие. Использование фразеологических единиц помогает не просто понять эмоциональный настрой говорящего, а порой и выразить эмоциональное состояние характеризуемого объекта (говорящего, собеседника или третьего лица). Такие языковые единицы можно обозначить как эмотивные фразеологизмы.

Интересным является тот факт, что в русском языке практически у каждого понятия существуют соответствующие им синонимические наименования. Но помимо этого некоторые понятия могут иметь и соответствующие им в значении фразеологические обороты. Например, есть эмоциональное состояние, называемое *безысходность* – «неспособность найти выход из сложившейся ситуации». У данного понятия есть множество синонимичных (с нюансами оттенков значения): *отчаяние, безнадежность, бессилие, смирение, уныние, хандра* и др. Также у этого понятия есть и синонимичные фразеологические обороты, которые отражают аналогичное значение: *опускать руки, падать духом, вешать нос*. Сравнение и анализ некоторых фразеологических единиц показывает, что между ними могут существовать отношения, сходные с отношениями между синонимами и антонимами, а также между значениями многозначного слова, как это наблюдается в лексической системе. Таким образом, первая возможность классификации ФЕ лежит в плоскости сопоставления их с лексемами поля.

В настоящее время не существует единой классификации лексики и фразеологизмов поля «эмоциональное состояние» [2; 3]. Большинство ученых-лингвистов, изучая фразеологические единицы, обозначающие состояния человека, опирается на достижения психологов, которые состояние человека рассматривают в трех аспектах: 1) физическое состояние; 2) эмоциональное состояние; 3) состояние умственной деятельности. Самой многочисленной, богатой, при этом яркой, образной, экспрессивной и т.д. является группа фразеологизмов «эмоциональное состояние».

Мы считаем, что целесообразно выделить два класса эмотивных фразеологизмов: 1) называющие эмоции; 2) выражающие эмоции.

К первой группе относятся фразеологизмы, описывающие эмоциональное состояние или называющие его, например: *мороз по*

коже, на седьмом небе от счастья. Они выполняют номинативную функцию, выполняют определенные синтаксические функции в предложении, заменяют какую-либо часть речи, выполняют эмоциональную и экспрессивную функции, имеют наибольшую образность по сравнению с фразеологизмами, выражающими эмоции. В этой группе можно выделить еще как минимум две: 1) собственно эмоциональные фразеологизмы, которые включают непосредственно название эмоции в состав своего толкования (*душа в пятки ушла* – «испытывать страх, бояться»); 2) фразеологизмы с вторичной эмоциональностью, которые косвенно указывают на определенное эмоциональное состояние (*сверкать пятками* – «быстро убежать»).

Ко второй группе относятся фразеологизмы, выражающие эмоциональное состояние, например: *черт побери!*, *да где это видано?* и пр. Они главным образом выражают эмоциональное отношение к чему-либо в каждой конкретной ситуации, то есть являются средствами экспрессивности и эмоциональности.

Если пойти вслед за психологами, то можно говорить о группах фразеологизмов (и лексем), представляющих положительные, отрицательные и амбивалентные эмоциональные состояния.

Главное – односторонний (психологический или лингвистический) анализ только лексем или только фразеологизмов не способен отразить всю картину языковой реальности. Ведь в создании языковой картины мира фразеологические единицы принимают активное участие так же, как и лексические, а значит, данная тема требует пристального рассмотрения, а материал – всестороннего комплексного психолого-лингвистического осмысления именно в совокупности всех единиц лексического поля.

Литература

1. Изард К.Э. Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2006. – 464 с.
2. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та., 1989. – 184 с.
3. Эмирова А.М. Структура и семантика фразеологического поля эмоций // Вопросы общего языкознания и структурно-типологического исследования языков. – Новая серия, вып. № 349. – Самарканд, 1978. – С. 46-52.

ФЕМИНИТИВЫ СОВРЕМЕННОГО МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Кузнецова А.

alvinakuznetsova02@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Треблер С.М.

gendel@gmail.com

Казахстанский филиал МГУ им. М.В. Ломоносова

г. Нур-Султан, Казахстан

В настоящее время в русском медийном дискурсе наблюдается «всплеск» феминитивов, под которыми лингвисты понимают, с некоторыми различиями в определениях, существительные женского рода, парные по отношению к мужским номинациям по роду деятельности, профессии, социальной и территориальной принадлежности; слова с «показателем женскости», в русском языке – обычно со специальным суффиксом (см. работы Е.А. Земской, О.П. Ермаковой, В.А. Ефремова, М.А. Кронгауза, А.Ч. Пиперски, И.В. Фуфаевой). Как правило, феминитивы образуются по известным в русском языке словообразовательным моделям: например: с суффиксами «-к» *тренерка*», *экспертка*), «-есс» (*прививкесса*, *людесса*), «-ин» (*социологиня*, *филологиня*).

История феминитивов берет свое начало не с XXI века, как принято считать в наше время, и даже не в XX веке, когда феминитивы начали широко входить в разговорную речь. Лингвисты выделяют в русском языке несколько начальных периодов развития и употребления в речи слов женскости: древнерусский период (XI–XIV вв.); старорусский период (XIV–XVII вв.); петровская эпоха [1:7-26].

Как отмечает В.В. Беркутова, древнерусский период русского языка (VI–XIV вв.) характеризуется наличием большого количества параллельных словообразовательных моделей и незакрепленностью словообразовательных форм. Образование осуществлялось через мену суффиксов, самыми распространенными были: «-ик»/«-иц(а)», «-ник»/«-ниц(а)» («ключник» – «ключница», «посадник» – «посадница»). Соотносительная пара суффиксов «-ин»/«-ын(я)» была малопродуктивна, она встречается в основном в книжно-письменном языке: «господин» – «господыня», «селянин» – «селяныня» [1: 11-12].

И.В. Фуфаева свидетельствует, что в документах XII века обильно встречаются феминитивы, хоть и в несколько раз меньше, чем

слов, обозначающих лицо мужского пола. Она отмечает, что в православии «называть женщин специальными, не такими, как у мужчин, – исконно, крепко и до определенного момента вообще единственно возможный вариант» [2: 51]. Так, среди названий представителей духовенства фигурирует *игумен* и *игуменья*, *черноризец* и *черноризица*, *чернец* и *черница*, *монах* и *монахиня*. [2:50] Исследователь приводит модели, которые успешно дожили до наших дней (*художница*, *писательница*) и продолжают работать, как минимум, в современной субкультуре: *анимешница*, *яойщица*. Многие феминитивы на «-ица»: *красавица*, *мастерица*, сохранились и вполне современны в XXI веке [2: 54-55].

Характеризуя старорусский период (XIV-XVII вв.), В.В. Беркутова фиксирует, что в языке появляются корреляты женского рода с суффиксами «-(о)к»/«-(е)к»: «*богатырка*», «*цыганка*», «*бобылка*», «*воровка*». Также продуктивны корреляты с суффиксом «-ниц(а)»: «*владетельница*», «*гадательница*», «*служительница*», «*кормительница*». [1: 12] Замечено, что столь популярный ныне суффикс «-к(а)» в XVII веке в феминитивах встречается в словах, которые указывают на веру, место, национальность и т.п.: *иноземка*, *христианка*, *немка* [2: 58]. Интересны наблюдения В.В. Беркутовой о феминитивах петровской эпохи: в это время появляется суффикс «-ш(а)», первоначально со значением жены какого-либо деятеля. Впервые подобные слова были зафиксированы в «Грамматике» М.В. Ломоносова, который приводит десять слов на «-ш(а)», в числе которых «*генеральша*», «*бригадирша*», «*секретарша*», «*капитанша*» и др. Замечено, что во второй половине XVIII в. словари уже фиксируют слова «*музыкантша*», «*богатырша*» со значением женской деятельности [1: 13] И.В. Фуфаева отмечает, что в XVIII веке «бросается в глаза иноязычное влияние»: образования на «-иса» от слов на -ор/-ер: актриса, амбасадриса; французский феминитив, образованный от латинского *imperatrix*, вошел в русский язык по модели на «-ица»: *царица*, *золотарица* [2: 80].

Во второй половине XIX-XX вв. был переломный момент в плане мировоззрения, переход от консервативных взглядов к прогрессивным идеям. В этот период начинают действовать женские организации и движения. В некоторых научных журналах, газетах той эпохи исследователи находят такие заголовки: «*К указанным лицам комиссия просит также направлять запросы учительниц, репетиториш, переписчиц и лектрис*» («Женский вестник, 1906).

В XX веке началась «борьба» за употребление феминитивов как нейтральных слов. Этот бум новых слов связан не с развитием языка как такового, а с теми социальными изменениями, которые российское общество переживает: до России докатилось феминистское движение. У людей возникает вопрос: если есть «доктор», «токарь» или «профессор», то почему нельзя сказать *докторица*, *токариха* или *профессорка*?

Появление некоторых феминитивов типа *адвокатесса*, *малярница*, *поварка* в русских устных и письменных текстах ныне нередко вызывает активное неприятие общества. Однако, сказать «нет» феминитивам может только сам язык. Язык как инструмент, с помощью которого выражается современная социальная реальность: женщины пришли в большинство профессий, раньше считавшихся исконно мужскими.

Литература

1. Беркутова В.В. Феминативы в русском языке: лингвистический аспект // Филологический аспект. – М., 2019. – № 1 (45). – С. 7-26.
2. Фуфаева И.В. Как называются женщины. – М.: АСТ, 2020. – 301 с.

«КАК У СЕБЯ ДОМА»: АНАЛИЗ КУЛЬТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ В СТРУКТУРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА, СОДЕРЖАЩИХ НАЗВАНИЯ ДОМА И ЕГО ЭЛЕМЕНТОВ

Лебедева В.

vdmllebedeva@yandex.ru

Научный руководитель: к.п.н., доцент Кузенная Т.Ф.

TKuzennaya@kantiana.ru

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта
г. Калининград, Россия*

В настоящее время в отечественной лингвистике стремительно развивается лингвокультурология. Увеличивается интерес исследователей к рассмотрению фразеологии в рамках новой науки. Самобытность каждого народа ярко выражается в его фразеологическом наследии, как отмечает М.Л. Ковшова: «как знак культуры фразеологизм хранит традиции народа, передает из поколения в поколение культурные знания относительно реалий, положенных в основу фра-

зеологического образа: обиходно-бытовые, обрядово-ритуальные, религиозные, исторические, литературные, мифологические, научные и т.п.» [1: 115]. Изучение символической значимости как фразеологизмов, так и их компонентов с помощью лингвокультурологического анализа помогает выявить специфику мировосприятия народа, его мышления в контексте традиции.

Осмысливая каждый компонент в совокупности с другими, каждая национальная языковая культура формирует своё особое сознание, которое и находит отражение во фразеологии [2: 68]. Дом как одно из ключевых понятий в русской языковой картине мира занимает особое место в ментальности человека. Элементы дома также наделяются дополнительными смыслами. Н.А. Лантух отмечает: «Представляя собой самостоятельное замкнутое пространство, ограниченное от внешнего мира и контролируемое человеком, дом противостоит открытости, неограниченности, неопределенности и хаосу чуждого пространства и является средством защиты от его опасностей для человека» [3: 130].

Само понятие дома ассоциируется с защищенностью и уютом, с одной стороны, с звеном в цепи взаимодействия с внешним миром, – с другой. Пространство дома – некая исходная точка в фольклорной традиции. Во фразеологизмах с компонентом *дом, изба, хата* содержится мысль о том, что дом – сокровенное место, где человек властвует, это пространство может стать более изолированным от других или наоборот, в зависимости от желания хозяина дома. Например: *дома как хочу, а в людях как велят; твой дом, твои и гости (твоя и воля); в гостях хорошо, а дома лучше; как у себя дома; своя избушка, свой простор; выносить сор из избы; моя хата с краю; отказывать от дома*. В культуре пренебрежение таким пространством осуждается, на что указывает негативная коннотация *отбиваться от дома*.

Окно в системе дома обеспечивает связь человека с внешним миром, организовывая пространство видимого из дома, оно в то же время ограничивает возможности восприятия: *Из окна в окно; окошечко маленькое, а в него все видно; в окно всего свету не оглянешь*. Окно связано не только с проявлением любопытства, но и с получением пользы, появлением счастья: *придет солнышко и к нашим окошечкам; Бог даст, так и в окошко подаст*.

Стены обрамляют пространство дома, они оберегают и в то же время ограничивают область, где человек находится в безопасности:

словно за каменной стеной; в четырех стенах жить; погребать себя заживо в четырёх стенах. В выражении *и стены в доме помогают* зафиксировано представление о доме и его наполнении как об уютной обстановке, в которой человек чувствует себя спокойнее, где он способен легче справиться с проблемами. Более того, дом здесь может осмысляться и в более широком смысле – как родной город, родная страна.

Дверь, порог и ворота являются границей между «своим» и «чужим». Как и *стены*, они выполняют защитную функцию, но в отличие от них, *дверь, порог и ворота* обеспечивают возможность взаимодействия с другими. Хозяин решает, кого он хочет впустить в свое защищенное пространство, а с кем хочет разорвать отношения: *держат дверь открытой; не пускать на порог; поставить на порог да в шею до ворот; от ворот поворот; ни в какие ворота; на богатого ворота настежь, на убогого запор; по гостям гуляй, да и сам ворота растворяй.* Когда человек переступает через такую границу, он оказывается в другом пространстве: *стучаться в дверь; не появляться на порог; переступить через порог; перешагнуть ворота; не бывал я там, и не знаю, как там дверь отворяется; высоки пороги на мои ноги; ни ногою за порог.*

Таким образом, *дом* – защищенная личная территория человека, *стены и крыша*, наглухо «закрывающие» пространство, обеспечивают его сохранность и целостность, *окно* обеспечивает связь с внешним миром, такую же функцию выполняют элементы дома *дверь, порог и ворота*, они являются границей между своим и чужим пространством, дают возможность личного взаимодействия с другими. Функции различных элементов дома поспособствовали закреплению в образах фразеологизмов устойчивых представлений о стереотипных ситуациях.

Литература

1. Ковшова М.Л. Сопоставительный анализ фразеологизмов: лингвокультурологический подход // Филология и культура. – Казань, 2014. – №4 (38). – С. 115-120.
2. Рингите А.В. Образ дома как культурообразующий феномен (на примере устойчивых сочетаний в русском и литовском языках) // Научные труды молодых ученых-филологов: Сборник материалов Всероссийской конференции молодых ученых-филологов. – М.: Агентство «Литера», 2020. – С. 63-68.

3. Лантух Н.А. Дом как сакральный центр и сакральная граница в русской национальной картине мира // Культура народов Причерноморья. – 2000. – № 13. – С. 129-135.

ТРАНСФОРМАЦИЯ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ ПОНЯТИЯ «СВОБОДА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА

Макаров Н.

nimakarov@stud.kantiana.ru

Научный руководитель: к.п.н., доцент Кузенная Т.Ф.

TKuzennaya@kantiana.ru

*Балтийский федеральный университет имени И. Канта
г. Калининград, Россия*

Пандемия COVID-19 – наблюдаемая нами история, то, что будущие поколения будут изучать в учебниках. Люди так долго живут в условиях коронавируса, что воспринимают время «до...» как иную жизнь. Действительно, то, что раньше было в диковинку, сейчас стало нормой: дистанционная работа и учеба, повсеместное ношение маски.

«Среди многих проблем вопросы подчинения или сопротивления меняющимся обстоятельствам и условиям, адаптивность людей становятся все более актуальными» [1: 1159]. Очевидно, что все изменения в нашей жизни отражаются в языке, и коронавирусная пандемия – не исключение. С каждым новым этапом борьбы с коронавирусом в сознании носителя русского языка происходят изменения в объеме понятия Свобода. Поэтому мы говорим о понятии, растворенном в ситуации.

Цель нашего исследования – проследить динамическое изменение коннотаций, которые приобрело данное понятие, имеющее сложную мозаичную структуру, в ходе ассоциативного эксперимента, который, по мнению С.В. Архиповой, позволяет исследовать субъективные семантические поля слов [2: 7]. Ассоциативный эксперимент проходил в два этапа, в феврале и ноябре 2021 года. Респондентам на каждом этапе было предложено слово-стимул *Свобода*.

В предыдущем исследовании мы установили, что в период самоизоляции «произошло переосмысление представления о свободе и воле как национальных лингвокультурных константах» [3: 24]; респонденты иначе ощущают реальность, разделяют ее на «привычную»

и «дистанционную», где в каждом измерении *«понятие свободы реализуется по-разному, руководствуясь правилами, продиктованными новой реальностью»* (из ответов респондентов).

Для большинства респондентов границы понятия Свобода в новой реальности стали подвижными, неустойчивыми: так, границы свободы не уменьшились, а расширились за счет расширения границ *«свободы внутренней»*, которая взаимосвязана с *«внешней свободой»*. Важным являлось то, что появилось представление о новых проявлениях свободы, свободы территориальной – *«свобода ограничивалась открытым окном»* – и психологической – *«почти всё, что ограничивает свободу человека извне, разрушается внутренней, психологической свободой»*. В эту же группу мы включили и представление о так называемой «технической» свободе – *«теперь моя свобода заканчивается там, где начинается экран компьютера или другого устройства»*.

В ходе проведения второго этапа эксперимента (респонденты – студенты Балтийского федерального университета, – ответили на вопрос: «Каким изменениям подверглось (и подверглось ли) представления о свободе с появлением QR-кодов?») было установлено, что произошло еще одно изменение содержания понятия Свобода, связанное с введением в России QR-кодов.

Большинство опрошенных заявили, что почувствовали стеснение, сужение границ свободы: *«В наши дни QR-код – своеобразный пропуск в полный разнообразия мир, второй паспорт»*. Свобода сегодня, по мысли одного из респондентов, стала «неактивной»: *«Вроде бы и можно посещать заведения и мероприятия, но я не свободна в правах на это без QR-кода»*. В другом ответе свобода перестает быть данной без каких-либо условий, а становится получаемой, приобретаемой: *«Нам придётся постоянно приспосабливаться для того, чтобы свободу получить»*.

Наиболее важным мы считаем новое представление об ограниченном характере свободы: *«Моя свобода заканчивается с окончанием действия QR кода»* или *«Могу в любое время выйти из дому – зайти никуда не могу без QR-кода»*, то есть свобода, по мысли респондентов, имеет непреодолимые временную и пространственную границы.

Как можно заметить, о расширении границ свободы, как на первом этапе, опрашиваемые уже не говорят. Респонденты преимущественно отмечают сужение границ или же их неизменность. Теперь

границы свободы не подвижные, а устойчивые, диктуются они наличием или отсутствием QR-кода. Поэтому мы и можем говорить о новом представлении о свободе, постоянно изменяющемся и трансформирующемся с каждым новым этапом борьбы с пандемией коронавируса.

Литература

1. Panchenko A. Rite and Time: The Inversion of Ritual Practices in Historical and Cultural Perspective / A. Panchenko, L. Soboleva // Quaestio Rossica. – 2021. – Vol. 9. – No 4. – DOI 10. – 15826/qr.2021.4.632
2. Архипова С.В. Ассоциативный эксперимент в психолингвистике // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 11. – С. 6-9.
3. Макаров Н.В. Свобода vs локдаун, воля vs самоизоляция: отражение новых ценностей и реальности в русском языке // Русский язык в евразийском культурном пространстве: материалы I Междунар. научно-практ. конф. молодых исследователей. – Сургут: РИО БУ «Сургутский государственный педагогический университет», 2021. – С. 24-26.

АНТИПОСЛОВИЦА КАК ЭЛЕМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В КОРОНОВИРУСНУЮ ЭПОХУ

Негманова Д.

didi_10_24_2000@mail.ru

Научный руководитель: д.ф.н., ассоц. профессор Джамбаева Ж.А.

dzhambayeva@gmail.com

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

г. Нур-Султан, Казахстан

Языковая игра всегда ассоциируется с целенаправленным «баловством», экспрессивными выражениями, единицами шутливого характера, изменением значений слов, языковыми шутками. Заметим, что с появлением пандемии коронавируса, игра со словами настолько активизировалась, что, по мнению ученых, «такой языковой карнавал, такой лингвистический «пир», происходящий на страницах СМИ и интернета во время «чумы XXI века», как лингвopsихологическая реакция на пандемию коронавирусной инфекции COVID-19 и особенно – на карантин и самоизоляцию, обусловленные ею, безусловно, заслужил самостоятельного, целенаправленного и обобщенного анализа» [1: 7].

Термин «языковая игра» определяется по-разному, одним из его проявлений является прием, в основе которого лежит переосмысление отдельных слов или высказываний, приобретающих в пределах контекста яркую эмоционально-стилистическую окрашенность, актуализируя и сталкивая неожиданные смысловые ассоциации. Переосмысление значений слов – это когда привычные нам слова и их значения приобретают другой смысл. Ярким примером такого переосмысления стало появление антипословиц, т.е. употребление пословиц в трансформированном виде. Как отмечает Н.Н. Федорова, «трансформация пословиц – это не только отрицание сложившихся в обществе и языке стереотипов, но и ироническая репрезентация новых жизненных «принципов» в новых социально-исторических условиях <...> образование таких единиц подчинено определенным языковым законам, а механизмы трансформаций объяснимы и исчислимы» [2: 3]. Таким образом, антипословицы или пословичные трансформы – это «новые паремические единицы, созданные на основе традиционных пословиц» [3: 17], для них характерен «эффект узнавания».

Нами предпринята попытка анализа и описания антипословиц, размещенных на страницах социальных сетей, в настоящей публикации мы представим примеры из «Facebook». Так, нами найдено около 40 единиц, анализ которых показал, что наиболее продуктивными «заменителями» тех или иных слов в известных нам пословицах выступили следующие лексемы и сочетания:

– **вирус** (*Вирус не воробей, вылетит – не поймаешь; Вирус в бороду, пневмония в ребро; Вируса бояться – на пробежку не ходить; Кто про что, а инфицированные про вирус* и др.). Как видим, замена определенного слова актуализирует происходящие в обществе события – пандемию коронавируса, однако выбор пословицы, на наш взгляд, не случаен, поскольку, несмотря на то что происходит переосмысление значения, все же их интерпретация позволяет найти точки соприкосновения. Так, пословица *Слово не воробей, вылетит – не поймаешь* означает, что *прежде, чем что-либо сказать, необходимо подумать*. Замена первого компонента лексемой *вирус* показывает, что *вирус (коронавирус)*, как и *слово*, не контролируем, и может вызывать последствия, а значит *прежде, чем куда-либо выходить, следует подумать*. Таким образом, эти выражения объединяет общий смысл – *быть ответственным к словам и поступкам*.

Обратим внимание на антипословицу *Вируса бояться – на пробежку не ходить*, которая создана на основе пословицы *Волков бояться – в лес не ходить*. Лексемы *волк* и *вирус* в этих выражениях – *препятствие* и *риск*. Прочтение этих пословиц также созвучно: если бояться какой-то трудности, то никогда ничего не добьешься, по антипословице – *не совершишь пробежки* (так необходимой для поддержания физической формы и общего здоровья), в пословице – *не сходишь в лес*.

В антипословице *Вирус в бороду, пневмония в ребро* наряду со словом *вирус* актуализировался еще один характерный признак пандемии – *пневмония*. На первый взгляд, антипословица полностью трансформировала первоначальное значение оригинала – *Седина в бороду, бес в ребро*, однако проанализировав его смысл, мы видим, что ключевым в первоисточнике является представление *резкое изменение привычного поведения; резкие неожиданные перемены у людей*. При этом речь идет о *пожилых* людях. Обратимся к антипословице: буквально *вирус в бороду* означает то, что *вирус передается воздушно-капельным путем, через нос и рот* (борода все-таки находится на лице), а *пневмония* сравнивается с *бесом*, поскольку, как оказалось, эта одна из тяжелых форм коронавируса, которая приводит к *резкому неожиданному изменению* состояния человека, и особенно опасна для *пожилых* людей.

Антипословица *Кто про что, а инфицированные про вирус* вводит еще одно актуальное в условиях пандемии слово – *инфицированные*. Здесь также можно отметить схожесть первоначального значения, ведь в известном оригинале *вишивый*, как и *инфицированный*, тот, кто *заиклен на совете проблеме и ищет поддержки*, ни о чем другом он говорить и думать, кроме как о *наболевшем*, не может. Актуальность данной лексемы подтверждает и наличие таких антипословиц, как *Незванный гость хуже инфицированного; С инфицированным жить, на карантине выть*. В обоих случаях смысл, заложенный в традиционных пословицах (*Незванный гость хуже татарина; С волками жить, по-волчьи выть*), отражает общее представление: в первом варианте – *неодобрения внезапного, незапланированного визита инфицированного*, которое чревато последствиями для хозяев дома, во втором – *приспособления к окружающим, принятия их образа жизни, правил*, ведь, если один из членов семьи, коллектива заболел, заразился, то на *карантин* уходят все, кто с ним контактировал.

В составе последней паремии находим следующий «отпечаток» пандемии – **карантин**, который тоже активен при создании анти-пословиц: *Где родился – там и сиди на карантине* (посл.: *Где родился, там и пригодился*); *Один пашет, семеро на карантине пляшут* (*Один пашет, а семеро руками машут*); *На карантин надейся, а сам не плошай* (*На Бога надейся, а сам не плошай*).

Анализ и сравнение семантики традиционных пословиц и пословичных трансформов показал, что переосмысление значения происходит на основе образной ассоциации, порой сохраняя лишь оттенки того или иного смысла. Так, в трансформе *Где родился – там и сиди на карантине* подчеркивается мысль о том, что введенные ограничения по выезду из страны призывают *находиться в пределах родины*, где ты буквально «*пригодишься*», т.е. тебе обязательно окажут необходимую медицинскую помощь, хотя в традиционном варианте лексема *пригодиться* означает *найти применение себе у себя на родине*. Вторая пара пословичных выражений (*Один пашет ...*), оставляя общий смысл, что *дела делают лишь единицы, а большинство только создают видимость работы*, резко отличается во второй части *машут – пляшут*, поскольку здесь подчеркивается *бездействие*, ведь на карантине часть коллектива сидит дома. В третьей антипословице (*На карантин надейся ...*) отражается представление первоисточника о том, что каждый человек должен *рассчитывать на себя и на свои силы*, и напоминается об ответственности, так как находящемуся на карантине лицу в целях самосохранения запрещается перемещаться по городу.

Интерпретация вышеназванных пословичных трансформов – это лишь малая часть нашего исследования. Кроме перечисленных лексем в создании антипословиц активно участвуют слова и словосочетания *вакцина, ковид, корона, маски, пандемия, самоизоляция, социальная дистанция* и др., анализ и описание которых мы представим в последующих публикациях.

Таким образом, появление антипословиц в коронавирусную эпоху вполне закономерно, а анализ и описание механизмов их трансформации дает обширный материал для изучения паремической картины мира.

Литература

1. Русский язык коронавирусной эпохи. Коллективная монография. – Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – 610 с. //

- [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://iling.spb.ru/dictionaries/neology/coronavirus/book.pdf>
2. Федорова Н.Н. Современные трансформации русских пословиц. – Великий Новгород, 2007. – 20 с. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/sovremennye-transformatsii-russkikh-poslovits/read>
3. Константинова А.А. Когнитивно-дискурсивные функции пословиц и поговорок в разных типах дискурса на английском языке. – Москва, 2012. – 43 с. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19388948>

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ КОНЦА XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРИОДИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ «ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»)

Рябец Е.

lightpathelena@gmail.com

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Красовская Н.А.

nelli.krasovskaya@yandex.ru

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого*

г. Тула, Россия

Лингвокультурология на сегодняшний день – одна из наиболее развивающихся научных дисциплин, которая определённым образом занимается изучением взаимосвязи языка и культуры. Именно благодаря лингвокультурологическому тезаурусу перед современными учеными открывается возможность изучить язык с точки зрения культурологического подхода, постараться провести параллели между становлением и развитием языка и культуры того или иного народа. По заявлениям В.В. Масловой, лингвокультурология имеет тесные связи с другими науками, такими как философия, социология, психология, этнография и т.д.

Важно отметить и тот факт, что становление лингвокультурологии как научной дисциплины во многом связано с широким изучением фразеологических единиц языка. Это подтверждает В.Н. Телия, автор монументальной работы «Русская фразеология», которая считает, что фразеологизмы «способны служить эталонами и стереотипами обыденного менталитета русского народа и выпол-

нять на этой основе роль культурных знаков» [4]. Мы полностью согласны с мнением представленного автора, т.к. фразеология является ярким отражением культурных установок народа, его традиций, обычаев, устоев. Например, фразеологизм «дойти до ручки», который означает опуститься, потерять человеческий облик, по большей степени, связан с ручкой от калача, которая обычно не употреблялась в пищу.

На сегодняшний день лингвокультурология претерпевает ряд существенно положительных изменений в связи с созданием научных работ (статей, монографий, учебников), терминологии, классификаций и т.д. На наш взгляд, лингвокультурология, в отличие от других языковых научных областей, ставит перед собой целью сохранить уникальные особенности языка, которые являются частью культуры.

Лингвокультурология изучает не только взаимодействие языка и культуры больших народов и этносов, но и региональную специфику лингвокультуры. Стоит отметить, что лингвокультурология получила широкое распространение в конце XX – начала XXI вв., в период становления региональной лингвистики, которая имеет, отчасти, общие цели и задачи с лингвокультурологией.

Ведь ни для кого не секрет, что литературная норма видоизменяется, исходя из региональных фонетических, лексических и морфологических особенностей. Помимо всего прочего, в процессе активного взаимодействия языка и культуры появляются новые региональные языковые единицы, которые отражают внутреннюю специфику региона, например, топонимы, прецедентные имена и т.д.

Тульская область имеет ряд уникальных лингвистических особенностей, которые отличают регион. Например, фрикативный звук [г], некоторые особенности ударения у туляков и т.д.

Большинство региональных особенностей языка зафиксировано в периодической печати Тульского края. Наиболее интересно издание «Тульские Губернские ведомости», которые тиражировались на территории Тульской губернии в XIX веке. Газета состояла из двух частей: официальной и неофициальной. Именно во второй содержатся регионализмы, которые отражают лингвокультурную специфику региона.

Так, исходя из анализа «Тульских губернских ведомостей» мы можем сказать, что в периодическом издании отображены следующие лингвокультурологические лексемы пространства Тульской губернии второй XIX века:

- **Онимы** – наименование городов, уездов, районов, улиц и иных географических объектов. Например, *Старопащинская улица, Новосильский уезд, Дом Дворянского собрания и т.д.*

- **Лексемы оружейного дела.** Например, *казенные винты, пистолеты с прибоем, замочные части.*

- **Диалектизмы.** Например, *помер от угару, повальные болезни, лапти с пеньковыми оборками и т.д.*

- **Прецедентные имена,** как правило, выдающихся туляков. Например, *Мартынов, Вересаев, Перовская, Толстой и т.д.*

Таким образом, мы можем сказать, лингвокультурологическое пространство Тульского региона достаточно многогранно, т.к. территория Тульского края имеет ряд уникальных обычаев, традиций и культурных установок, которые активно становились частью языка туляков.

Большинство лингвокультурных региональных лексем можно проследить на страницах периодических изданий, например, «Тульские Губернские ведомости» XIX – нач. XX вв. Но стоит отметить, что языковые особенности Тульской области можно увидеть и на страницах современных газет, журналов, телевизионных передач.

Литература

1. Барандеев А.В. История географических названий: Русская топонимика в терминах : учеб. пособие. 3-е изд. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 320 с.
2. Газета «Тульские губернские ведомости». – Тула. 1838-1917.
3. Маслова В.В. Лингвокультурология : учеб. пособие. – М.: 2001.
4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
5. Юнаковская А.А. «Язык города» как объект изучения (итоги и перспектива) // ОНВ. 2006. №9 (47). С. 252-255.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ В ШКОЛЕ

Ряннель А.

Anna0898ab@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Бреусова Е.И.

elenabreusova@yandex.ru

Сургутский государственный педагогический университет

г. Сургут, Россия

Как показывает школьная практика, весьма актуальным вопросом остается проблема изучения фразеологии. Несмотря на то, что фразеологические единицы делают речь яркой, искрометной и выразительной, мы слышим и употребляем их довольно редко, это во многом происходит из-за малого количества часов, отводимых на изучение данного раздела в школьной программе.

Фразеологию изучают в 6-ом классе, и обесценивать данный раздел нельзя. На это есть ряд причин:

– требованием к результатам освоения программы основного общего образования ФГОС является овладение основными стилистическими ресурсами лексики и фразеологии языка;

– задание на определение фразеологических единиц входит в тестовую часть общего государственного экзамена (ОГЭ), а также во Всероссийскую проверочную работу (ВПР) 6-8 классов.

Незнание фразеологизмов приводит к снижению показателей успеваемости, ведь заданий по данной теме в указанных видах контроля достаточное количество, а для учеников 9 класса низкие результаты ОГЭ могут привести к непоступлению в желаемое учебное заведение: колледж, техникум, училище.

Для того чтобы убедиться в существовании и актуальности рассматриваемой проблемы, был проведен опрос среди учеников 5-9 классов, в котором приняло участие 12 школьников.

Ученикам были предложены фразеологизмы, встречающиеся в ВПР и в ОГЭ:

- *Бить баклуши.*
- *Белая ворона.*
- *Несолоно хлебавши.*

Перед испытуемыми была поставлена задача объяснить значение фразеологизма и заменить каждый из них одним словом, например:

бить баклуши – 'ничего не делать, бездельничать'. Ниже представлены толкования фразеологических единиц учащимися:

Бить баклуши – «что-то изготавливать», «драться», «трудиться».

Белая ворона – «лебедь», «слабый человек».

Несолоно хлебавши – «не наесться», «хотеть пить».

Результат доказал существование проблемы: ни один не справился с заданием. Фразеологизмы, к нашему удивлению, оказались неизвестными учащимся, хотя каждому из школьников предстоит столкнуться с ними на итоговом контроле.

Для того, чтобы раздел фразеология не казался ученикам ненужным и неинтересным, учителю-словеснику важно подать материал увлекательно, пробудить интерес обучающихся к теме. Первоочередным является донести до учащихся, что красивая, грамотная речь – показатель уважения как к своему собеседнику, так и ко всему народу в целом. Освоив данный раздел в полной мере, учащиеся смогут расширить словарный запас, обогатить свою речь и, конечно, справиться с заданиями итогового контроля.

Пробудить интерес учащихся можно различными способами, например, применять на уроках игровые технологии. Геймификация способна оживить процесс обучения, в том числе освоения нового материала, активизировать познавательный интерес школьников. Такие технологии и методы обучения подходят для любой возрастной категории, главное – подбирать материал в соответствии с предпочтениями и возрастными особенностями учащихся.

Как показывает опыт, эффективным помощником в освоении трудного материала с 5 по 9 классы может послужить квест-урок. В первую очередь, нужно придумать историю, ее учитель-словесник может варьировать в соответствии с возрастными особенностями и интересами класса.

Приведем пример истории для освоения раздела «Фразеология»: *жил на свете веселый, радостный, разноцветный, умный фразеологический клубок. Он катался по миру, радовал ребят, дарил свои яркие ниточки, исполнял желания, а самое главное, он помогал ребятам узнавать мир фразеологии. Но случилась беда: клубок растерял все свои ниточки и больше не может узнавать новые фразеологизмы, все вокруг стало темным и грустным для клубочка, поэтому он стал искать самых сильных и смелых помощников, которые смогут пройти все испытания и заново собрать ниточки. Тогда*

клубок вернется в свою счастливую жизнь и сможет радовать нас новыми открытиями, а все мы узнаем новые фразеологизмы, которые делают нашу речь интереснее! Данная история предваряет квест-урок, в ходе которого школьники знакомятся с новыми фразеологизмами или вспоминают известные им фразеологические единицы. Так, в игровой форме учащиеся лучше усваивают единицы языка, пытаются запомнить их значения и применять в своей речи.

Литература

1. Выготский Л.С. Педагогическая психология. – М.: Астрель: Хранитель, 2008. – 671 с.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт общего образования: проект. – М., 2010.

КЛАССИФИКАЦИЯ ЭРГОНИМОВ – НАЗВАНИЙ МАГАЗИНОВ ОБУВИ ГОРОДА НУР-СУЛТАН

Рысбек А.

azaliya.rysbek@bk.ru

Научный руководитель: д.ф.н., ассоц. профессор Джамбаева Ж.А.

dzhambayeva@gmail.com

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

г. Нур-Султан, Казахстан

Лингвистический статус эргонимов связан с изучением онимов, т.е. собственных имен. Следовательно, функции онимов и эргонимов во многом схожи. Среди функций эргонимов имеются: 1) номинативно-выделительная (по праву, является первичной и основной, поскольку это функция называния); 2) информативная (название того или иного объекта несет информацию о нем, в нашем случае, эргоним «*Модный шаг*» дает информацию о том, что речь идет о магазине обуви); 3) рекламная (название магазина должно привлечь клиентов); 4) эстетическая (любое название должно звучать коротко и красиво); 5) мемориальная (часто названия объектов служат для увековечения памяти, т.е. содержат имя владельца или названия коллективов, произведений искусства и т.п.); 6) функция «охраны собственности (названия охраняются специальными законами и ограничивают использование определенных элементов)» [1: 8].

В нашем исследовании ставится цель – описать эргонимы г. Нур-Султан, служащие названиями магазинов обуви. В связи с этим стал вопрос о их классификации. В лингвистической литературе представлены классификации эргонимов по различным основаниям. Так, А.В. Суперанская делит их «на реальные и символические. Первые отражают местоположение и характер деятельности компании, вторые – дают лишь намек на характер их деятельности» [2: 195]. По мнению ученого «аббревиатуры занимают промежуточное положение, поскольку многие в расшифрованном виде оказываются названиями реального типа» [2: 195]. Н.В. Шимкевич коммерческую номинацию классифицирует с точки зрения «наличия или отсутствия в эргониме прагматики» [3: 6-7]. При этом автор выделяет «прагматические и непрагматические эргонимы. Прагматические подразделяются на информативные (указывают информацию об объекте) и ассоциативные (вызывают различные ассоциации), непрагматические имеют одну разновидность – информирующие, т.е. сообщают сведения о роде занятий фирмы» [3: 6-7]. М.Е. Новичихина классифицирует эргонимы – названия коммерческих объектов, учитывая следующие три стороны: «1) в зависимости от именуемого объекта, где имеются подгруппы: номинация торговых учреждений (магазины, торговые павильоны), номинация предприятий сфер обслуживания (кафе, рестораны, медицинские фирмы, фирмы недвижимости, учебные центры и т.п.), номинация отдельных видов товаров (бытовой техники, косметических средств, продуктов питания и т.п.); 2) по структуре номинации – однословные и многословные; 3) по степени «прозрачности» номинации – прямая и непрямая» [4: 8]. Имеется ряд и других исследований, посвященных проблеме классификации коммерческой номинации, однако следует отметить, что все они затрагивают вопросы общей классификации, нас же интересовали наименования конкретно магазинов обуви.

Собранный нами фактический материал показал, что магазины обуви г. Нур-Султан именуется на разных языках: русском, казахском и английском, поэтому первым основанием для классификации был избран язык номинации.

Одной из задач нашего исследования было произвести лексико-графический анализ лексемы «обувь» и на его основе составить лексико-семантическое поле (далее – ЛСП) «обувь». В результате такого анализа мы установили ядро и периферию ЛСП «обувь». В ходе лексического анализа фактического материала (на сегодняшний

день наш материал включает 92 эргонима) установлено, что не все наименования связаны с семантикой обуви, это дало нам основание определить второй параметр для классификации – лексически связанные и несвязанные со словом «обувь» номинации. Таким образом, собранные нами эргонимы – названия магазинов и бутиков обуви г. Нур-Султан были распределены по шести группам:

- наименования обувных магазинов на русском языке, которые находятся в ЛСП слова «обувь» (всего – 18, например, «*Башмачок*», «*Туфелька*», «*Сапожок*», «*Шпилька*», «*Каблучок*», «*Обувной мир*» и др.);

- наименования обувных магазинов на русском языке, которые не находятся в ЛСП слова «обувь» (всего – 6, например, «*Ууу Данилки*», «*Ортобум*», «*Сезон*», «*Каприз*» и др.);

- наименования обувных магазинов на английском языке, которые находятся в ЛСП слова «обувь» (всего – 11, например, «*Shoes*», «*Scarpa*», «*Tacco*», «*Sneakershop*» и др.);

- наименования обувных магазинов на английском языке, которые не находятся в ЛСП слова «обувь» (всего – 32, например, «*Grizzly*», «*Flo*», «*Respect*», «*Inci*», «*Rieker*», «*Ecco*», «*Belwest*», «*Mat Star*» и др.);

- наименования обувных магазинов на казахском языке, которые находятся в ЛСП слова «обувь» (всего – 3, например, «*Аяқ киім*», «*Аяқ киім дүкені*», «*57 – Ерлерге арналған аяқ киім бутигі*»);

- наименования обувных магазинов на казахском языке, которые не находятся в ЛСП слова «обувь» (всего – 22, например, «*Кербез*», «*Batyr*», «*Ниембай*», «*АрАй*», «*Akerke*», «*Vota*» и др.). Отметим, что в ходе описания каждой группы были установлены подгруппы, объясняющие степень связанности или не связанности эргонима со значением слова «обувь».

Предварительный количественно-качественный анализ и описание фактического материала свидетельствуют о том, что в нашей столице в качестве коммерческих названий магазинов обуви предпочитают выбирать эргонимы на английском языке (43 наименования), при этом для владельцев магазинов неважно отражает нейминг связь с обувью как основным товаром или нет. Для выяснения причин выбора того или иного наименования нами было проведено интервьюирование с владельцами и сотрудниками торговой точки, результаты которого будут освещены в отдельной публикации.

Литература

1. Емельянова А.М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтнического города. – Уфа, 2007. – 22 с. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bashedu.ru/sites/default/files/autoref_files/
2. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М., 2007. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.twirpx.club/file/2118242/>
3. Шимкевич Н.В. Русская коммерческая эргонимия (прагматический и лингвокультурологический аспекты). – Екатеринбург, 2002. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15991746&>
4. Новичихина М.Е. Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации. – Воронеж, 2004. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002747223.pdf

«НОРМИРОВАННЫЕ» ЯЗЫКОВЫЕ НАРУШЕНИЯ В РЕЧИ МОЛОДЕЖИ

Сазонова У.

ulyanaasazonova@gmail.com

Научный руководитель: учитель Денисенко А. Д.

Den_anna_s@mail.ru

КГУ «Гимназия № 6»

г. Нур-Султан, Казахстан

Языковые нормы не придуманы филологами, они отображают определённый этап в развитии литературного языка всего народа. Невнимательное, небрежное отношение к нормам произношения, ударения, употребления слов, использование в речи жаргонизмов, вульгаризмов, неоправданных заимствований загрязняют речь, разрушают язык.

«Литературно правильная речь построена в соответствии с языковыми нормами, под которыми принято понимать единообразное, образцовое, общепринятое использование единиц языка», – Л.П. Введенская [1: 12].

В соответствии со структурой языка различаются орфоэпические, лексические, грамматические (словообразовательные, морфологические, синтаксические), орфографические, пунктуационные нормы [2]. Соблюдение речевых норм является необходимым минимумом в речи человека, называющего себя образованным. Но, к сожалению, многие подростки используют в своей речи слова и обороты, которые

являются нарушением данных языковых норм. Целью моей работы было рассмотреть примеры речевых нарушений в речи молодежи и подростков и классифицировать их по видам языковых норм. В связи с этим, передо мной стояли определенные задачи: выделить слова и сочетания слов, используемые подростками; выделить, какие из них будут нарушениями; классифицировать виды нарушений.

Актуальность данной работы заключается в том, что речь современного подростка склонна к изменениям и является очень подвижной, подростки принимают все языковые явления, происходящие в современном обществе, легко впитывают все новшества, проникающие в язык из других языков и, обрабатывая их, создают свой уникальный мир.

Свое исследование мы начали с проведения анкетирования на выявление уровня жаргонизации речи учащихся 10-го класса средней школы. В опросе приняли участие 20 учеников.

Опрос свидетельствует, что 100% опрошенных используют в своей повседневной речи сленг для общения со сверстниками, обмена информацией. Большая часть подростков испытывает потребность в общении постоянно. Основу речи составляют заимствованные с других языков слова, новообразования внутри русского языка, которые являются языковыми нарушениями.

Появление интернета позволило современной молодежи “зависать” (проводить много времени – лексическое нарушение) в «чатах» (от английского слова chat – болтовня) и тем самым существенно расширить свой круг общения. Слово «кринж» – это слово, используемое для описания неприемлемой ситуации, там, где человек испытывает стыд за чужие действия. «Треш», слово образованное прямым переводом с английского – «мусор, отстой», используется для выражения негативных эмоций. «Юзать» – использовать. «Го» – пойдём, давай, начинай; от английского глагола go (идти). «Жиза» – правда, жизненная ситуация, близкая читателю (сокращение от слова «жизнь», «жизненно» – морфологическое нарушение) [3].

Уже практически привычными становятся орфоэпические сокращения в письменной и, к сожалению, устной речи: «спс» (спасибо), «дв» (добрый вечер), «дд» (добрый день), «дноклы» (одноклассники), «дз» (домашнее задание), «падра» (подруга). Эти далеко не нормированные нарушения превратились в ежедневно употребляемые сочетания, используемыми в угоду стремления к краткости.

Аффиксация как средство довольно продуктивна: *кидала* (от «кидать») – обманщик; *балдеж* (от «балдеть»); использование приставок: -с- *слинять*, *свалить* (уйти, уехать) [4]. Именно аффиксация становится основой образования «русских» слов от иноязычных основ: «*шипперить*», «*вкрашиться*», «*хейтить*», «*абьюзить*» и др. И это нормативные аффиксы, используемые для облегчения понимания слов русскоязычными пользователями, так мы определяем часть речи, согласуем формы слова. Хотя зачастую эти заимствования не требуют этого фактически, само слово уже несет определенное значение. Это и есть морфологические нарушения при образовании молодежных неологизмов.

Главной причиной ухода от языковых норм становится самовыражение, встречное понимание. Такое общение часто непонятно взрослым, то есть образуются отдельные группы в виде молодежи, для которых важна отчужденность от остального общества, чтобы посторонние их не понимали. Современный молодежный жаргон выбирает антинорму.

Это имеет огромные последствия, так жаргон становится привычным не только в повседневном общении, но и звучит в теле – и радиоэфире, шоу, в публикациях газет и журналов.

Главное в молодежном сленге – отход от обыденности, маска, игра, ирония. Непринужденный молодежный язык стремится уйти от скучного мира взрослых, родителей, учителей. Сленг был, есть и будет всегда. Это неотъемлемая часть нашей современной жизни.

Самое важное, за внешним использованием сленга сохранить чистоту родной речи, не дать ей впустить данные нарушения как норму в свою систему, научить молодежь различать норму и антинорму языка.

Литература

1. Балахнина В.Ю. Русский язык и культура речи: учеб. пособие. – Комсомольск-на-Амуре, 2011. – 66 с.
2. Норма языковая // Российский гуманитарный энциклопедический словарь // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru>
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ozhegov>
4. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь трудностей русского языка. – М.: Айрис Пресс, 2003. – 832 с.

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

Сейдазым А.

aisha.seidazim@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Ташимханова Д.С.

dst2010@mail.ru

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

г. Нур-Султан, Казахстан

Особенности системной организация словарного состава языка, вопросы систематизации и основания систематизации лексических единиц, критерии анализа слова, при котором оно рассматривается в соотношении всевозможных системных связей с другими лексическими единицами, продолжают привлекать внимание лингвистов. Среди вопросов, находящихся в поле пристального внимания и рассмотрения лингвистов, – вопрос о таком лексико-семантическом объединении слов, как семантическое поле.

Семантическое поле представляет собой сложную и многомерную систему, которая обладает своеобразной структурой, способной отображать определенные категориальные отношения в лексике. В лингвистике интерес к исследованию и разработке теории поля начинается с XIX века. Одним из первых к изучению понятия полей обратились Й. Трир и Г. Ипсен, которым впервые было введено понятие семантического поля. При этом Г. Ипсен определял семантическое поле как совокупность слов с общим значением. [1: 22]. Й. Трир же под семантическим (понятийным) полем понимал структуру определенной сферы или круга понятий. По мнению исследователя, одним из основных критериев для вычленения единиц семантического поля из общего состава лексем является наличие общего значения [1: 23]. К главным недостаткам подхода Й. Трира лингвисты «относят то, что он рассматривал только именные образования, и то, что его поля характеризуются неполнотой материала» [1: 25-26]. Ученый выделял только «центральные семантические функции» (т.е. прямые значения слова), тогда как периферийные, вторичные семантические функции не учитывались, что, по мнению других исследователей, является недостатком точки зрения Й. Трира, т.к. определение семантического поля определенной лексемы без учета его вторичных, переносных, значений и лексико-семантических вариантов слова представляется сложным: наиболее полно «языковую кар-

тину мира» поле передает лишь тогда, когда учитываются всевозможные варианты анализируемого слова [1: 26].

Понятие «семантическое поле» исследователи определяют по-разному, в связи с чем единого, исчерпывающего обозначения данного понятия, определения его границ в научной литературе пока нет. По мнению Ю.С. Маслова, семантическое поле – это «... множество слов, точнее – их значений, связанных с одним и тем же фрагментом действительности» [2: 98].

По словам Л.М. Васильева, семантическим полем «принято считать семантические классы (группы) слов какой-либо одной части речи, и семантически соотносительные классы (группы) слов разных частей речи, и лексико-грамматические (функционально-семантические) поля, и парадигмы синтаксических конструкций, связанных трансформационными (деривационными) отношениями, и различные типы семантико-синтаксически синтагм» [3: 126].

И.М. Кобозева определяет семантическое поле «как совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [4: 99]. При этом исследователь к основным свойствам семантического поля относит: 1) наличие семантических отношений между его словами; 2) системный характер этих отношений; 3) взаимозависимость и взаимоопределяемость лексических единиц; 4) относительную автономность поля; 5) непрерывность обозначения его смыслового пространства; 6) взаимосвязь семантических полей в пределах всей лексической системы (всего словаря) [4: 99].

А.Н. Новиков называет поле «одной из основных категорий и комплексных единиц, а также самим методом системного описания единиц разных уровней» [5]. Ученый дает следующее определение семантического поля: «Семантическое поле – иерархическая структура множества языковых единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу, лексическая категория высшего порядка, синтезирующая в себе частные категории (синонимию, антонимию и др.)» [5]. Иначе, ученый определяет семантическое поле как целостную систему и отдельную лексическую категорию, реализующий в себе все виды системных отношений.

Такое представление о семантическом поле в современной лингвистике является наиболее распространенным. В частности, подоб-

ный подход к определению семантического поля можно найти в работах Л.Н. Чурилиной и А.А. Уфимцевой [6; 7]. Так, А.А. Уфимцева рассматривает семантическое поле как «лексико-семантические группировки... структуры конкретного языка с учетом его национального и культурного своеобразия; это – знание языка, слов и их значений» [8: 138].

В рамках словарного состава лингвисты, помимо семантического поля, выделяют и другие лексико-семантические объединения (лексико-семантические группы, тематические группы, синонимические ряды, ономаσιологические группы). При этом границы между такими объединениями, как, например, семантическое поле и лексико-семантическая группа, остаются все еще «шаткими» [9: 314].

Обобщение различных представлений семантического поля, встречающихся в научной литературе, позволяет определить семантическое поле как иерархическую структуру множества лексических единиц, объединенных одним общим значением, выступающих основным вербальным способом представления (отражения) действительности.

Литература

1. Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 256 с.
2. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. – М.: Высшая школа, 1987. – 272 с.
3. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика: учеб. пособ. для вузов. – М.: Высш. шк., 1990. – 176 с.
4. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учебное пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
5. Новиков А.Л. Эскиз семантического поля // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/eskiz-semanticheskogo-polya> (дата обращения: 17.01.2022)
6. Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принципы семиологического описания лексики. – М., 2002. – 240 с.
7. Чурилина Л.Н. Антропоцентризм художественного текста как принцип организации его лексической структуры: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2002. – 513 с.
8. Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы. – М.: Акад. наук СССР, 1988. С. 287.
9. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 356 с.

ЯЗЫКОВЫЕ ВАРИАЦИИ В НАЗВАНИЯХ ХЛЕБОБУЛОЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Стародворцев Н.

pekarnj2013@yandex.ru

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Красовская Н.А.

nelli.krasovskaya@yandex.ru

Тульский государственный педагогический

университет им. Л.Н. Толстого

г. Тула, Россия

Хлеб является важной частью человеческой жизни. Недаром говорят: «Хлеб – всему голова». Это не просто продукт питания, это определенный символ, который используется для обозначения достатка, сытости, а отсутствие именно хлеба исторически понимается как голод, бедность [1: 100].

Несмотря на то, что хлеб не является основным блюдом, которое употребляется в пищу самостоятельно, с целью насыщения, его использование неотделимо от любого приема горячей пищи. Считается, что, если принимать пищу без хлеба, нормального ощущения насыщения не происходит [2: 109].

Многие лингвисты изучали происхождение и историю названий хлебобулочных изделий. В различных источниках можно встретить интересные факты, существует довольно подробная и широкая историография данного вопроса, что говорит о его значимости и высоком научном интересе к этой проблеме со стороны языковедов и людей, далёких от лингвистики. Однако нужно отметить, что современные исследования, направленные на изучение происхождения названий хлебобулочных изделий, можно назвать неполными, т.к. семантика наименований постоянно обновляется в связи с динамическими изменениями ассортимента и социально-культурными преобразованиями в российском обществе [3: 112].

Язык не стоит на месте, а потому постоянно возникают новые и новые названия хлебобулочных изделий, которые формируются на основе различных факторов. Цель статьи – провести лингвистический анализ названий хлебобулочных изделий, которые входят в ассортимент ООО «Райпохлеб».

Производители придумывают оригинальные (уникальные) названия для различных сортов хлеба, булки и сдобы. Рассмотрим этот

процесс на примере формирования названий хлебобулочных изделий ООО «Райпохлеб», которое располагается в городе Киреевске Тульской области.

Прежде всего, нужно сделать акцент на том, что ООО «Райпохлеб» производит несколько наименований хлеба – «Урожайный», «Жито», «Домашний», «Пикантный», «Киреевский» и «Зерновой». Можно заметить, что производитель для наименования хлеба применяет однословные названия, которые, по большей части, не связаны ни с составом, ни с происхождением изделия, не считая «Пикантного», куда добавляются специи, «Зернового», который сделан из смеси злаков, и «Киреевского», название которого основано на использовании топонима, в котором он производится. Все остальные названия хлеба можно назвать фантазийными – предполагается, что «Урожайный» хлеб очень насыщен и создает ощущение сытости и богатства, «Домашний» – наверное, имеет функцию объединения семьи (придуманную производителем, но ассоциирующуюся у потребителей с домашним уютом и теплом).

Также обратимся к названиям батонов: «Дорожный» – имеет удобную форму для производства бутербродов, которые можно взять с собой в дорогу, «Умница» – содержит полезные вещества, которые улучшают мозговую деятельность и повышают способность ясно мыслить, «Майонезный» – батон, который подходит для создания различных бутербродов на основе майонеза, «Творожный» – имеет творожную основу. Все названия состоят из одного слова.

Интересно рассмотреть названия дополнительных хлебобулочных изделий, которые производит ООО «Райпохлеб». Так, например, в ассортименте присутствуют изделия, наименования которых включают в себя человеческие имена, показывающие принадлежность отношению булочки или другого изделия к конкретному образу: булочка «Любава» (русское имя, которое вызывает ассоциации с национальными традициями, русской народной культурой); хлебобулочное изделие «От Михалыча» (устанавливает особенности целевой аудитории и потребительского сегмента данного изделия – оно имеет относительно низкую цену и предназначено для простых людей, например, в качестве закуски к пиву); пирожок «От Егоровны» (дает основание потребителю думать, что это домашний пирожок, который только что принесла в магазин добрая бабушка Егоровна).

Все остальные названия хлебобулочных изделий, которые представлены в ассортименте ООО «Райпохлеб», связаны исключительно с особенностями их состава, например, «Сухари ванильные», «Лепешка сырная», «Булочка чесночная», или с топонимом – «Лаваш Киреевский», «Плюшка Московская», «Сдоба Выборгская». Единственным исключением из этой классификации является слойка «Каприз», название которой не имеет сырьевой или географической основы, но указывает на легкость и оригинальность данного хлебобулочного изделия, которое удовлетворит потребности самых капризных покупателей.

Литература

1. Алексеева А.П. Хлеб как объект филологического исследования // Вопросы филологии. – 2021. – № 6. – С. 100–115.
2. Демьяненко И.И., Фролова А.Г., Сапунова Т.И. Хлебобулочные изделия: история, современное состояние и перспективы развития рынка. – Томск: Светофор, 2021. – 288 с.
3. Кузина Ю.С. Проблематика исследований происхождения названий хлебобулочных изделий // Русский язык. Сборник статей. – Пермь: Зеркало, 2019. – С. 100–120.

РАБОТА С ТЕКСТОМ КАК МЕТОД ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК НЕРОДНОМУ

Чиркова А.

anytachircova@yandex.ru

Научный руководитель: к.ф.н, доцент Бреусова Е.И.

elenabreusova@yandex.ru

Сургутский государственный педагогический университет

г. Сургут, Россия

Обучение русскому языку как неродному предполагает ориентацию на практическое применение языка во всех его формах, так как учитываются потребности учащихся в приобретении знаний и их использование в различных ситуациях. Поэтому в условиях, которые диктует современный мир, одной из ключевых компетенций школьника становится оперативность получения необходимой и актуальной информации. В связи с этим встает еще одна задача обучения инофонов – работа с текстом с максимальным пониманием прочитанного

и умениями размышлять о прочитанном и строить монологические высказывания об этом.

Чтение текста как вид речевой деятельности является не только целью обучения, но и средством формирования коммуникативной компетенции (языковой, речевой, социокультурной, учебно-познавательной). Работа с текстом включает в себя работу над пониманием устных и письменных текстов, отработку умения извлекать необходимую информацию из прочитанного и услышанного. Все это в совокупности помогает ученику научиться создавать собственный текст, в котором он осознанно, грамотно и выразительно излагает свои мысли и чувства в определенной речевой ситуации.

Важно отметить, что огромную роль в процессе работы с текстом играет правильно выбранный текст. Он должен соответствовать возрасту, отражать культуру, менталитет, историю русского народа. Это необходимо для лучшего понимания контекста и функционирования лексических средств в нем.

Так, тексты могут быть устными и письменными; учебными (включенными в учебные пособия методистами) и аутентичными (тексты, создаваемые в процессе общения); художественными, деловыми, публицистическими и т.д.

Работа с этими текстами происходит линейно, то есть на начальном этапе учащиеся работают с учебным текстом, главная цель использования которого – дать минимальное представление о его целостности, лексических, пунктуационных, синтаксических средствах. Со временем тексты усложняются. Например, в процесс обучения включаются тексты публицистического стиля. Цель их использования – знакомство с языком СМИ, различными сферами общественной жизни. Самым сложным является работа с художественным текстом, так как его понимание учащимися осложнено несколькими факторами: особенностями неродного языка, незнанием русской действительности.

Художественный текст изучается для следующих целей:

1) **языковая цель** ориентирована на практическое владение языком, т.е. через изучение лексики определенной тематики учитель обращает внимание на грамматически правильное построение предложений. Языковая цель ставится при изучении художественного текста для формирования навыков монологической и диалогической речи учащихся-инофонов [2: 20].

2) *неязыковая цель* ориентирована на познание культуры России и её исторического наследия.

В процессе работы с художественным текстом нужно учитывать следующие особенности: образность, которая скрывает часть информации и которую учащемуся необходимо найти в тексте, проанализировать этот фрагмент, а также критически его осмыслить, дав собственную оценку. Поэтому художественные тексты разделены по уровню сложности на легкий, средний, сложный.

По мере того, как учащиеся работают с художественным текстом, начинается их усложнение – дополнительно к тексту предлагаются индивидуальные текстовые задачи. Например, подобрать заголовок к тексту, дописать концовку, разделить текст на абзацы, расставить предложения из текста в хронологическом порядке.

Подводя итог всему вышесказанному, мы делаем вывод об эффективности работы с текстом как метода обучения учащихся-инофонов. Письменная речь предполагает наличие опоры у учащихся – возможность перечитать некоторые предложения, в которых он упустил какую-то информацию или её не понял. Это помогает при осмыслении изученного материала. Письменная речь помогает в формировании устной, так как уже предполагает минимальную сформированность у учащихся речевых клише, наличие комплексных знаний об обществе, истории страны, пополнение активного словарного запаса. Ученик при работе с текстом не только улучшает технику чтения, учится строить предложения, но и с помощью наглядности сталкивается с грамматикой, орфографией, пунктуацией и синтаксисом. Чем больше ученик будет понимать из того, что прочитал, тем легче будет проходить его адаптация к языковой среде и взаимодействие в ней.

При работе с текстом учащийся-инофон учится правильно оформлять предложение, строить фразы, доступные для понимания носителям языка и культуры, учится быстрому анализу текста и формированию своего мнения по проблеме/теме прочитанного и решает основную задачу РКИ – погружается в культуру изучаемого языка.

Литература

1. Хромов С.С. Традиции и новации в профессиональной деятельности преподавателя русского языка как иностранного: уч. монография. – М., 2002. – С. 87-97.

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ДЕТСКОМ СЛОВОТВОРЧЕСТВЕ

Шевченко А.

anastasia03_02@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Шакенова М.Т.

maigul1379@mail.ru

Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова

г. Шымкент, Казахстан

Исследование окказионализмов в детском словотворчестве является актуальной темой для лингвистов, логопедов, психологов, учителей-словесников. В данной статье рассматривается процесс образования окказионализмов в период овладения ребёнком речью, а также описание причин образования окказионализмов. Материалом исследования послужили более 100 окказионализмов, извлеченных из интернет-портала «Говорят дети» [1].

Вопросами детского словотворчества занимались и занимаются ведущие ученые-лингвисты Н.В. Крушевский, В.А. Богородицкий и И.А. Бодуэн де Куртэне и др. И.А. Бодуэн де Куртэне считал, что изучение образования новых слов в речи может помочь предсказать будущее состояние языка [2]. Л.В. Щербы использует детские окказионализмы для определения тех или иных изменений языковой системы [3].

Наиболее лаконичное определение слову «окказионализм» даёт Л.П. Крысин, понимая под ним «слово, образованное применительно к данному случаю, к данному контексту» [4]. Образованные в речи ребёнка новые слова – это его собственный творческий процесс, который происходит в результате поиска мотивированности в новообразованиях.

При разделении выявленных окказионализмов на группы мы использовали классификацию Е.М. Солодовник, представленную в работе «Окказионализмы в детской речи»: аналогические, обратные, этимологические, морфологические, сложные и омонимические окказионализмы в детской речи [5].

Аналогические окказионализмы (20%). Даже в дошкольном возрасте, ещё не зная таких понятий, как суффикс и приставка, дети хорошо видят структуру слов. Это доказывает большое количество слов, созданных детьми «по аналогии» с уже существующими и

знакомыми им словами. Данные слова создаются по освоенным детьми моделям, но при этом нарушая лексическую сочетаемость. Например: **человеченок** – детеныш человека: человек (к – ч) + онок/енок; **ср.кот** – котенок; **нашейник** – приставка На + (о)шейник; **подметатель** – тот, кто подметает, дворник; **лужные сапоги**, которые надевают когда лужи, резиновые сапоги; **обоспаться** – приставка Обо + спаться; ср. **выспаться**; **травоятники** – животные, которые едят трав, ср. хищники; **цикадина** – цикада большого размера; ср. громадина; **мерилка** – существительное от глагола мерить; ср. линейка; **обзыватель** – тот, кто обзывается; **заберезовик** – приставка За+ березовик; ср. гриб подберёзовик; **шурш** – действие по глаголу шуршать, то же, что шуршание. От шуршать; ср. стучать – стук. Словообразование с помощью нулевого суффикса.

Обратные окказионализмы (12%). Данные окказионализмы образованы с помощью обратного словообразования. Созданные детьми новые слова становятся не производными, а его производящими. В результате происходит опущение суффиксов для создания уменьшительного значения слова: **коша** – кошка; **косына** – косынка; **моркова** – морковь. А также удаление приставок для создания антонима: **вежа** – невежа; **поседа** – непоседа; **гритёнок** – негритёнок; **вык** – привык; **крепиться** – подкрепиться.

Этимологические окказионализмы (18%). Данные окказионализмы создаются ребёнком, когда он стремится опираться на свойства и значение предмета, давая при этом ему соответствующее его видению название. В результате уже существующее слова либо меняет свою форму, либо заменяется новым, созданным ребёнком. Например: **зоопарковые** – животные, которые живут в зоопарке; **обтябкивать** – выполнять работу тяпкой, окучивать; **лампочница** – то, во что вкручивают лампочку, плафон; ср. вафельница; **дулка** – то, чем надувают, вместо насос; **уколка** – то, чем колет пчела, жало; **баюльная** – то же, что и колыбельная; образовано от слова баюкать.

Морфологические окказионализмы (14%). Очень часто дети принимают суффикс «а» за показатель женского рода и таким способом, удаляя этот суффикс, создают слова мужского рода с нулевым окончанием. Или же проделывают обратную работу, добавляя в конец слов мужского рода суффикс «а». В результате образуются следующие слова: **баранка** – баран; **гусиха** – гусь; **примат** – примат-

ка; *дурака* – дурак; *енота* – енот; *медведка* – медведь; *принца* – принц; *лягух* – лягушка; *мафий* – мафия.

Сложные окказионализмы (14%). Другими словами, этот способ можно назвать «сложением основ». Ребёнок получает новые слова путём сложения производных основ, делая для себя из словосочетаний одно слово. Например: *мегаскреб* – мега + небоскреб; *шлангосос* – шланг + о + насос; *лизык* – лизать + язык; *норкнула* – норка + юркнула; *летовать* – лето + (зимо)вать; *торторист* – человек, который печет торты; торт + о + суффикс ист (от профессий; ср. тракторист).

Омонимические окказионализмы (22%). Иногда ребёнку удаётся придумать слова, которые уже имеются в русском языке, но в их интерпретации они имеют совершенно другое значение. Например: *кричалка* – та, которая кричит; *путаница* – та, которая все путает; *самогоночная* – гоночная машина, которая едет сама; *гречка* – жительница Греции, ср. гречанка; *унизиться* – то, что становится меньше в размерах; ант. увеличиться; *насупиться* – наесться супа.

Таким образом, образование окказионализмов в детской речи во многом обусловлено возрастными факторами и протекает параллельно с развитием у ребёнка речемыслительной деятельности.

Литература

1. Говорят дети // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://det.org.ru>
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые отделы сравнительной грамматики славянских языков // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. – М.: Издво АН СССР, 1963. – Т.1. – 118 с.
3. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – 214 с.
4. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: «Русский язык», 2001. – 483 с.
5. Солодовник Е.М. Окказионализмы в детской речи. – Саратов: СГУ им. Н.Г. Чернышевского, 2013. – 183 с.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И КУЛЬТУРА ДИАЛОГА

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЙ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ В РУССКОМ И АРМЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

Арустамян М.

MArustamyan@stud.kantiana.ru

Научный руководитель: к.п.н., доцент Кузенная Т.Ф.

TKuzennaya@kantiana.ru

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта
г. Калининград, Россия*

В современном мире между различными нациями и странами возникает стремление к общению и сотрудничеству. Это и заставляет людей обращаться к культуре и истории друг друга, изучать обычаи и традиции другой нации, специфику мировосприятия и менталитета. Язык – это зеркало нации. Он отражает в себе историю, культуру, религию, обычаи, опыт, традиции, духовные ценности народа, которому он принадлежит. Фразеологизмы являются атрибутом культуры народа, несут в себе отражение жизни и истории нации.

С давних времен люди присваивали физические и нравственные качества, свойственные человеку, животным, которым также оказались близки данные характерные особенности. Обычно во фразеологизмах используются названия таких животных, как лиса, волк, медведь.

Лиса – это образец хитрости как для русской, так и для армянской ментальностей. Например, *прикидываться лисой* – *խորամանկ օղիտ* [*khoramank aghves*], а волк – символ алчности и жестокости: *голоден как волк* – *կաղտատ ցալի բէ* [*kaghtats gayli pes*]. Медведь в обеих культурах – образец грубости и неуклюжести: *медвежья услуга* – *արջի ծախարկություն* [*argy tsarayutyun*]. Заяц – символ трусости и робости: *заячья душонка* – *նարստակի սիրտն* [*napastaki sirt uni*]. Кротость и смирение символизирует овца: *покорная овечка* – *անլէզու ցարնիկ* [*anlezu garnuk*].

Волк – один из центральных персонажей, который является символом хищности, жестокости, жадности и враждебности. Фразеологизм «*волк в овечьей шкуре*» строится на антитезе: символ агрессивности (волк) противопоставляется символу кротости и смирения

(овце). В армянском языке есть соответствующий эквивалент этому фразеологизму – «*գայլ Գարան Վոչխարի մորտով*» [*gayl garan vochkhari mortov*], однако в армянском языке есть и выражение – «*գայլի մորտի հագնել*» [*gayli morti hagnel*] (*надеть волчью шкуру*)». Здесь говорится о человеке, который кажется волевым и сильным, но на самом деле – простой и скромный человек. Образ волка как опасного животного проявляется и во фразеологизмах «*бросить на съедение волкам*» – «*գայլի բերան թողնել*» [*gayli beran tohnel*]. Однако образ волка имеет и положительную коннотацию – «*морской волк*» – «*ծովալի զիլ*» [*tsovan gile*], здесь волк уподобляется бывалому, опытному моряку.

Медведь – образ, который занимает одно из центральных мест в восточнославянской мифологии. Это персонаж многих русских и армянских сказок. Например, про человека, который полностью лишен музыкального слуха, говорят, что ему «*медведь на ухо наступил*». А в армянском языке есть фразеологизмы «*կոշիկ արջ*» [*corit arj*] (*грубый медведь*), «*սարի արջ*» [*sari arj*] (*горный медведь*), так говорят о грубом и невоспитанном человеке. О злом и свирепом человеке говорят «*վայրի արջ*» [*vayri arj*] (*дикий медведь*), «*վիրավոր արջ*» [*viravor arj*] (*раненый медведь*).

Лиса – это символ хитрости, изворотливости, ловкого ума. В армянской традиции, как и в русской, лиса является символом пронырливости и лицемерия. Об опытном, бывалом человеке говорят «*старая лиса*» – «*ծեր աղվես*» [*tser aghves*]. О пронырливом хитром человеке – «*хитрый, как лиса*» – «*խորամանկ աղվես*» [*khoramank aghves*]. В русском языке фразеологизм «*прикидываться лисой*» означает льстить кому-либо с корыстной целью, а «*вертеться лисой*» – заигрывать и кокетничать. В армянском языке есть эквиваленты этому фразеологизму, но они употребляются без зоонима – «*պոչ Գամաթնել*» [*poch gamatnel*] – *вертеть хвостом* или с замещенным зоонимом «*շան պես քոչ քտտնել*» [*shan pes poch pttetnel*] – *вилять хвостом, как собака*.

Также и в русском языке, и в армянском есть много фразеологизмов, которые отражают процессы, связанные с проявлением психической деятельности человека. *Сжечь мосты* – *Վարել կամուրջները* [*varel camurgese*]. *Абсолютный ноль* – *Բացարձակ զրո* [*bacaryouak zero*]. *Бросать деньги на ветер* – *Փռնելը քսիմնի տալ* [*pogherye kamun tal*]. *На краю света* – *Աշխարհի եզրին* (*ծերին*) [*ashkhari egrin (tserin)*]. *Принимать близко к сердцу* – *Սրտին մոտիկ*

ընդունել [srtin motic endunel]. Жить как кошка с собакой – Շիրիշ շունն ու կատվի պես [aprel shun u catvi pes]. Красота обманчива – գեղեցկությունը խաբուսիկ է [geghetskutyune khabusik e]. Выйти сухим из воды – Ջրից չոր դուրս գալ [js chor dours gal]. Камень с души – Հոգուց քար [hogut kar].

Таким образом, можно сделать вывод, что системы фразеологических образов русского и армянского языков имеют много общих черт. Есть как точные эквиваленты, так и различающиеся по своему составу единства, что и доказывает культурную и национальную специфичность фразеологизмов и их способность выражать языковую картину мира народа.

Литература

1. Акопян И. Лингвокультурологический анализ некоторых образов-эталонов в русских и армянских анималистических фразеологизмах // Сб. ст. междунар. конф. «Государства де-факто на постсоветском пространстве: пути и перспективы их развития». – Степанакерт, 2018.
2. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. – М.: Слово, 2000.
3. Мартиросян А.Г. Русские и армянские фразеологизмы: смысл, реалии и особенности перевода / А.Г. Мартиросян, Л.Г. Петрова // Проблемы лингвистики и лингводидактики: междунар. сб. науч. ст. / НИУ «БелГУ». – Белгород, 2014.

ЧЕРТЫ ПОСТМОДЕРНИЗМА В ПРОЗЕ Б. АКУНИНА

Ауез С.

sauka_20_01@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Исина Н.У.

n.isina61@bk.ru

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

г. Нур-Султан, Казахстан

Литература второй половины XX века характеризуется обновлением идейного содержания и жанрово-стилевого направления. Этому во многом способствовало распространение философских учений, кардинально изменивших мышление современного читателя. Широкое распространение философии экзистенциализма обусловило зарождение в искусстве и литературе постмодернизма.

Термин «постмодернизм» был введен в научный оборот в 70-80-е годы XX века французскими учеными (Ж. Лиотар, М. Фуко, Ж. Деррида, Ю. Кристева, Р. Барт и др.). По мнению исследователей, постмодернизм – явление кризисное, закономерное. Это новый этап в развитии художественно-эстетической культуры. Постмодернизм содержит ощущение и осознание бытия, истории, культуры как игры.

По определению В. Руднева, постмодернизм – это «основное направление философии, искусства и науки» [1: 168]. Как направление современного искусства, постмодернизм обладает рядом отличительных свойств, к которым относятся:

- смешение и уравнивание массовой и элитарной литературы;
- гиперцитатность мышления, то есть обилие множества цитат, высказываний;
- интертекстуальность, многократное кодирование текста;
- свехироничность, преобладание пародий;
- наличие аудиовизуальных средств передачи – радио, телевидения, видео- .

Изучению феномена постмодернизма в русской литературе посвящена книга И.С. Скоропановой «Русская постмодернистская литература» [2].

Постмодернизм, по мнению ученого, «это своеобразная реакция культуры на общемировой кризис, чреватый самоуничтожением человеческого рода, гибелью всего живого на Земле» [2: 283]. Он принес с собой новый взгляд на мир, новые представления о пространстве и времени, новые концепции человека, истории, общества, культуры, природы, т. е. новую философию и новый язык культуры, способный эту философию воплотить» [2: 285]. Как литературное направление, постмодернизм представляет собой «совокупность написанных в разных странах мира произведений, мировоззренческий фундамент которых составляют идеи и концепции постфилософии» [2: 285].

Для постмодернистской литературы характерны деконструкция, демифологизация, деканонизация, развенчание стереотипов массового сознания. Писатели-постмодернисты демонстрируют новые модели мышления. В их произведениях утверждаются такие концепты, как мир как текст, мир как хаос, смерть автора, чистая игра, смерть Бога и т.д. Русскую постмодернистскую литературу представляют В. Пелевин («Омон Ра»), Вен.Еорфеев («Москва-Петушки»), В. Сорокин

(«Роман»), Д. Пригов («Моя Россия»), А. Битов («Пушкинский Дом») и др.

Борис Акунин – известный российский переводчик, эссеист, беллетрист, знаток японской, английской и американской литератур. По признанию автора, литературное творчество для него – это *«...игра. Часто серьезная игра»* [3].

Б. Акунин – автор исторических, детективных романов, составивших цикл «Приключения Эраста Фандорина». Главный герой его романов – Эраст Фандорин, образ которого отсылает к произведениям классической мировой литературы. Это литературный герой, составленный из портретных характеристик героев всей классической русской и мировой литературы.

Поэтика романов Б. Акунина подчинена эстетике постмодернизма. Сюжетную основу его произведений составляют события из истории России, оригинально интерпретируемые автором. Наглядным примером может служить «Турецкий гамбит», сюжетом которого является фрагмент из истории русско-турецкой войны.

Эраст Фандорин Б. Акунина – это своеобразный литературный коллаж, составленный из портретных характеристик героев русской классики. В образе героя сочетаются черты литературных героев А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого и др.

Жанровая природа произведений Б. Акунина отличается соединением различных жанровых форм: в них преобладают черты исторического, приключенческого, детективного, любовного романов.

Характерной чертой романов Б. Акунина является интертекстуальность, проявляющаяся в кодировании текстов. К примеру, роман «ФМ» явно отсылает к произведению Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Отличие лишь в том, что события в нем происходят в современную эпоху, а герои и сюжетные линии остаются те же. То есть автор воспроизводит сюжет романа русского классика.

В произведениях Б. Акунина имеют место цитаты, выдержки из произведений русской классики, что также свидетельствует о наличии признаков постмодернизма.

Романы Б. Акунина адресованы широкой аудитории, массовому читателю. Сюжеты их увлекательны, а герои и персонажи вызывают глубокие симпатии. В то же время прочтение их требует от современного читателя глубоких знаний в области истории, культуры, литературы.

Литература

1. Руднев В. Словарь культуры 20 в.: ключевые понятия и тексты. – М.: Аграф, 1996. – 289 с.
2. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: учеб. пособие. – 3-е изд., изд., и доп. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 608 с.
3. Акунин Б. Интервью с писателем // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.livelib.ru/articles/post/37520-dzen-i-postmodernizm-tvorchestva-borisa-akunina>

«АФГАНСКАЯ» ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ О. ЕРМАКОВА

Жунусова К.

katila.zhunusova00@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Исина Н.У.

n.isina61@bk.ru

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

г. Нур-Султан, Казахстан

Литературный процесс второй половины XX века отличается многообразием тем и сюжетов, подсказанных реальной действительностью. И одна из них – война в Афганистане, в которую оказалась вовлечена страна Советов. Тема войны в русской литературе не новая. На протяжении многих десятилетий создавались повести, романы, рассказы о Великой Отечественной войне, создавались стихи, поэмы, баллады, повести, романы. В 1980-е годы военная тема нашла отражение в произведениях писателей, ставших очевидцами и участниками афганской войны.

Первым произведением об афганской войне является роман известного писателя-публициста А. Проханова «Дерево в центре Кабула», основанный на документальных фактах. Длительное пребывание на территории Афганистана в качестве корреспондента «Литературной газеты» позволило автору воссоздать правдивую историю военных событий. Сюжетную основу романа составляют пережитые А. Прохановым события. Писателю довелось побывать на самых тяжелых и опасных участках военных действий. Герои его романа – русские солдаты и афганцы.

Композиционно роман А. Проханова «Дерево в центре Кабула» состоит из двух частей: первая часть посвящена рассказу о прошлой

жизни главного героя, Волкова, вторая часть – военным событиям. Герой, находясь далеко от родины, в афганском городе, вспоминает о прошлой жизни. Именно этот период жизни является важным в раскрытии и понимании духовного мира главного героя.

Афганской теме посвящены рассказы, повести и романы А. Проханова: «Кандагарская застава», «Родненький», «Мусульманская свадьба», «Сон о Кабуле», «Третий тост», «Война с Востока». Творчество А. Проханова стало объектом литературоведческого анализа Евдокимовой М.А. [1].

Имя С. Алексиевич известно современному читателю по книге «У войны не женское лицо», за которую автор была удостоена Нобелевской премии в 2015 году. Афганской теме посвящена книга «Цинковые мальчики». Это документальный роман содержит воспоминания участников, свидетелей войны, среди которых оказываются офицеры, солдаты, военные врачи, медсестры. В нем описываются военные действия на территории Афганистана, воспоминания людей, переживших ужасы этой войны. Главным объектом авторских размышлений оказываются душевные переживания матерей, потерявших сыновей на этой войне.

Документальный роман С. Алексиевич «Цинковые мальчики» вызвал широкий общественный резонанс. На автора обрушились с обвинениями в искажении фактов истории. Несмотря на это, по мотивам книги создавались киноленты, ставились пьесы.

«Афганская» тема нашла отражение в творчестве писателей, ставших участниками и очевидцами военных событий в Афганистане. Это А. Соколов, Э. Пустынин, О. Буркин, О. Ермаков и др.

Олег Ермаков – российский писатель, автор сборника «Афганские рассказы», «Зимой в Афганистане», «Знак зверя» и др. Творчество писателя практически малоизучено, в основном это заметки, рецензии. Более предметно анализ прозы писателя осуществляется в диссертации Ключинской О.В. [2].

Впервые «Афганские рассказы» О. Ермакова были опубликованы в журнале «Знамя» 1989 года, № 10. Сборник состоит из шести рассказов, расположенных в определенной логической последовательности. Открывает его рассказ «Весенняя прогулка». Далее следуют «Н-ская часть провела учения», «Зимой в Афганистане», «Марс и солдат», «Пир на берегу фиолетовой реки». И завершает цикл рассказ «Занесенный снегом дом». Все эти рассказы объединяет одна общая тема – война, и один сквозной герой – участник военных

действий. Поэтическая картина природы, воссоздаваемая писателем в рассказе «Весенняя прогулка» передает душевное состояние героя накануне отъезда на войну. Автор рисует картину весенней природы, наполненной цветением, пением птиц, жужжанием пчел, стрекотом стрекоз. Всюду царит мир, покой, тишина. Всё это воспринимается героем и его спутницей как вполне закономерное и естественное. Гармония в природе противопоставляется внутреннему состоянию молодого человека, охваченного тревогой. В последующих рассказах действия разворачиваются на поле битвы.

Писатель О.Ермаков реалистически воссоздает будни солдат: артподготовка, атака, передышка, стрельба. Герои рассказа – молодые бойцы – вступают в неравный бой с мятежниками, проявляя мужество и героизм. Война не щадит никого. Мотив жизни и смерти проходит через все рассказы цикла. Завершается повествование возвращением героя на родину. Образ дома-родины – ведущий в цикле «Афганские рассказы». Герой, находясь на чужой земле, не забывает о своей родине, постоянно думает о ней. Символично название рассказа «Занесенный снегом дом», завершающего весь цикл. Герой возвращается на родину. Центральная идея рассказа заключается в том, что для человека нет ничего дороже отчего дома, родного края. Пройдя долгий путь испытаний, герой О. Ермакова начинает постигать истинный смысл слов «Дом», «Родина».

Литература

1. Евдокимова М.П. Афганская тема в произведениях А.Проханова // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/afganskaya-voyna-v-proizvedeniyah-a-prohanova/viewer>
2. Ключинская О.В. Военная проза О.Ермакова: проблема жанрово-стилевого единства // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/voennaya-proza-ermakova>
3. Ермаков О. Афганские рассказы // [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://rrojdestvo.narod.ru/text1.html>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ШКОЛЬНЫЙ УЧЕБНИК РУССКОГО ЯЗЫКА

Курманбаева А.

zhasmin1123@mail.ru

Научный руководитель: к.п.н., доцент Асмагамбетова Б.М.

Batima_2010@mail.ru

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

г. Нур-Султан, Казахстан

Важным фактором в современном глобализированном мире является межкультурная коммуникация. У людей появляется необходимость общения с представителями других стран и соответственно других культур. «Межкультурная коммуникация – это общение людей, которые представляют разные культуры. Теория межкультурной коммуникации является относительно молодой наукой, несмотря на то, что люди становятся участниками межкультурных контактов с древних времен» [1: 6].

Культура включает в себя такие явления, как искусство, музыка, литература, традиционные блюда, фестивали, наследие, а также повседневный образ жизни населения в целом, группы людей или отдельного человека, семейную и общественную жизнь. Культура создается людьми и может отличаться в зависимости от национальной принадлежности, географического положения, образования, интеллекта и т.д. Культура определяет поведение человека, его взаимодействие с другими людьми, его убеждения.

Известно, что умение свободно говорить на тех или иных языках не исключает проблем межкультурного общения, потому что восприятие людей разных культур о мире может сравнительно отличаться. Культура и коммуникация взаимно влияют друг на друга. «Так, например, в каждой культуре существуют свои представления о вежливости. Во многих арабских странах считается крайне невежливым спрашивать о чем-то партнера по сделке, если нет уверенности, что он может дать точный ответ. Если американцы прямо говорят, что думают, то для японцев или арабов важно не допустить, чтобы их партнер покраснел из-за того, что у него спросили нечто такое, на что он не смог ответить» [2:20].

Предполагаемый смысл любой информации может отличаться, если он закодирован человеком определенной культуры и декоди-

рован человеком другой национальности. Общение людей разных культур будет более результативным, если каждый из них будет владеть межкультурной коммуникацией, чему нужно, конечно же, обучаться.

Вопросы межкультурной коммуникации рассматриваются в учебнике «Русский язык» для 9 класса обновленного содержания под редакцией З. Сабитовой [3]. Данной теме посвящена III глава учебника «Традиции и культура». Глава имеет подразделы: «Национальная специфика культуры», «Что такое традиции», «Язык и культура».

В упр.71А даются словарные статьи к слову «культура», в упр. 73 представлены отрывки из текстов о культуре разных стилей и типов речи, в упр. 80 предлагается, используя прием «мозгового штурма», обсудить, почему существуют разные культуры. Вопросы межкультурной коммуникации рассматриваются в упр.82, 99, 100; в упр. 82Б спрашивается: «Как перевести на другие языки русские слова *матрешка, хоровод, Масленица*; казахские слова *аксакал, шанырак* на русский язык». В упр.84 приводятся казахские и английские пословицы, которые выражают один и тот же смысл по-разному. Упражнения 87, 89, 92, 93 посвящены понятиям «национальные традиции». Связи языка и культуры представлены в упражнениях 105, 107, 112, 115, 116.

Задания учебника носят разнообразный характер, в начале параграфа даются цитаты известных общественных деятелей, например, слова М.Шаханова: «Народ, нацию составляют три обязательные части: земля, язык, культура». Каждое высказывание должно осознаваться учащимися, поэтому к ним идут вопросы, активизирующие мыслительную деятельность учащихся: Чем один народ отличается от другого? Какие представления у вас связаны с понятием культура? При работе с текстами предлагаются разные приемы, например: «Зигзаг» (с. 53), «Мозговой штурм» (с. 56), «Толстые и тонкие вопросы» (с. 57), составление «штрихов» к понятию культура (с. 59), «Коллективная запись» русских традиций (с. 66) и т.д. Термины «язык», «культура», «традиция» неспроста введены в учебник 8 класса. Знание понятий и особенностей в области межкультурной коммуникации весьма важно в современном мире. В учебной программе, имеющей социокультурную направленность, основное внимание уделяется выявлению, как общих нравственных ориентиров жизни народов, так и их различий.

Межкультурная коммуникация позволяет перейти к новому этапу, предполагающему совершенствование личности обучающихся на основе их знаний об иноязычной реальности другой культуры. Экономические и политические изменения, происходящие в мире, способствуют интенсивному развитию межкультурного общения, взаимопроникновению культур, актуализируют изучение иностранных языков. Взаимопонимание возможно при учете особенностей своей и чужой культуры, при диалоге культур. Поэтому в современных казахстанских учебниках русского языка уделяется внимание вопросам лингвострановедческого и культурологического направления (традиции, праздники, обычаи, история разных народов и т.д.).

Литература

1. Фрик Т.Б. Основы теории межкультурной коммуникации: Учебное пособие. – Томск: Томский политехнический университет, 2013. – 160 с.
2. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов / Под ред. А.П. Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 200 с.
3. Сабитова З.К., Бейсембаев А.Р. Учебник для 9 кл. общеобразоват. шк. – Алматы: Мектеп. – 2019. – 256 с.

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЯ К ПОНЯТИЮ «ПРАВДА» В ПОСЛОВИЦАХ РАЗНЫХ НАРОДОВ

Лучинина Л.

ladalu31@mail.ru

Научный руководитель: к.п.н., доцент Кузенная Т. Ф.

TKuzennaya@kantiana.ru

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

г. Калининград, Россия

Пословица есть «цвет народного ума, самобытной стати; это житейская народная правда», – писал В.И. Даль [1: 1]. Так, пословица есть правда, а правда, согласно русской пословице, дороже золота, но, чтобы раскопать это золото народной мудрости, необходимо смотреть на родной язык с различных позиций, а также смотреть на различные языки для сопоставления с родным.

В данной работе рассматриваются пословицы с компонентом *правда*. Исследование основано на анализе 515 русских пословиц из

сборника В.И. Даля [1: 98-99]; также в рамках сопоставительной работы рассмотрено более 100 пословиц других языков: 43 белорусских, 26 украинских, а также казахские, молдавские, английские, литовские, чешские пословицы. В каждой из них к понятию *правда* выражено определённое отношение – в некоторых правда выступает как высшее благо и значимая ценность, в некоторых, напротив, как обуза, бремя и анти-ценность. Целью данной работы стало выявление доминантного типа отношения к понятию «Правда» в пословицах.

Очевидным, на первый взгляд, могло стать предположение, что к исследуемому понятию, в большинстве случаев должно, должно быть выражено положительное отношение, которое реализует «представление народа о важности правды для человека» [2: 72]. В исследовании В.Л. Карякина и А.С. Гладышева оно выделяется как одно из доминантных и характерных для фразеологических единиц, выражающих менталитет русского народа, однако по результатам нашего исследования, условно положительное отношение к правде эксплицируется только в 28% пословиц. Характерными для данной группы являются пословицы, в которых содержится указание на высокий статус правды, например, *Правда светлее солнца. Правда дороже золота (рус.), Правда ярче солнца (молдавск.), Правда – дитя божье (чешск.), Без правды нет и света (литовск.), В мире десять благ, и все десять – правда (азербайджанск.)* и др. – во всех этих пословицах *правда* соотносится с высшими ценностями как материального (золото), так и духовного (солнце, свет, Бог) порядка, и, соответственно, к ней выражается положительное отношение.

Нередки также случаи, когда в рамках одной пословицы положительно-оцениваемая правда противопоставлена отрицательно-оцениваемой неправде или лжи, например, *В правде Бог помогает, в неправде карает, Правда – кус молёный, неправда – проклятой (рус.), Ложь – перекасти-поле, правда тяжелее соли (казах.)* и др.. Однако в сопоставлении (и не только) к правде также иногда выражается и негативное отношение, например *С кривдою жить больно, с правдою тошно, Правда глаза колет (рус.), Правда, как осы: лезет в глаза (укр.), Правда, как соль в глаза (белорус.)*. Группа пословиц, в которых подобным образом эксплицируется негативное отношение к понятию *правда*, включает в себя 15% от исследуемого объёма текстов. Признаком правды, лежащим в большинстве негативных коннотаций, подобных тем, которые отражены в примерах, является

постоянная «проявленность» правды, её вездесущность и непотопляемость.

Стоит отметить, что в значительно большем количестве пословиц этот признак не оценивается как негативная данность, а лишь констатируется при общем нейтральном отношении. Так, группа пословиц, в которых к понятию *правда* выражается нейтральное отношение, является наиболее обширной – в неё входит 34% исследуемых текстов. Признак постоянной «выраженности», «непотопляемости» правды проявляется в пословицах более 10 языков, в частности, *Правда – елей, везде наверх всплывает (рус.)*, *Правда в огне не горит и в воде не тонет (белорус.)*, *Правда и со дна морского вынырнет сухой (укр.)*, *От солнца не закроешься ладонью, правду не задавишь силой (монгол)*, *Всё сотрётся, только правда останется (ком.)*, *Сказать правду – мало места, а скрыть её – не хватает и 16 страниц (франц.)*, *Правда просачивается сквозь камень (англ.)*.

Проведенный анализ пословиц делает очевидным тот факт, что спектр вариантов отношения к понятию «Правда» весьма широк – в ряде пословиц оно негативное, в значительном количестве пословиц оно положительное, в большинстве – нейтральное. В основе положительной оценки лежит признак «значимости» правды, подтверждающий её статус как ценности высокого как материального, так и духовного плана. В основе негативного и нейтрального значений лежит признак постоянной «проявленности / выраженности / непотопляемости» правды. Также необходимо констатировать, что в большинстве языков спектр вариантов отношения к исследуемому понятию близок или тождественен, однако языковая реализация, образно-символический ряд в пословицах каждого из языков уникален.

По итогам работы можно сделать вывод, что для носителей народного мировоззрения правда выступала одновременно значимой и трудно достигаемой ценностью; в пословицах «Правда» – многозначное понятие и многогранное явление, обладающее уникальным лингвоаксиологическим статусом.

Литература

1. Даль В.И. Пословицы русского народа // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/dal/index.php (дата обращения 22.01.2022).

2. Карякин В.Л. Отражение особенностей национальной картины мира в русских пословицах и поговорках / В.Л. Карякин, А.С. Гладышев // Поволжский педагогический вестник. – 2019. – Т. 7. – № 2. – С. 71-74.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В СТИХОТВОРЕНИИ Н.С. ГУМИЛЕВА «ФАРФОРОВЫЙ ПАВИЛЬОН»

Мазалова М.

mazalowa.masha@gmail.com

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Абрамова В.И.

istinijobraz@mail.ru

Тульский государственный педагогический

университет им. Л.Н. Толстого

г. Тула, Россия

Поэты Серебряного века часто обращали свое внимание и отражали в собственных стихотворениях наследие мировой культуры. Причиной же этому можно назвать желание авторов того времени обнаружить яркие и свежие образы, новое поэтическое слово, которое позволило бы литературе открывать новые горизонты. Данная литературная эпоха совершает большой сдвиг от человека и его бытия, являвшими собой некий творческий центр любого произведения, к взаимоотношениям культуры России и культур не только других стран, но и других времен. Художники, творящие на границе веков, наиболее остро чувствовали этот переломный момент, поэтому охотно обращались к корням литературы, соединяли когда-то оборванные связи.

Серебряный век стал для творцов синтезом. Стерев обособленный подход к прошлому, настоящему, будущему, он стал пространством, объединившим поэтов всех времен и стран. Художники данной эпохи видели в литературе единство всех существовавших когда-либо образов и сюжетов, сформированных мировым литературным процессом.

В статье нас будет интересовать творчество Николая Степановича Гумилева в контексте диалога культур, а именно диалог с Китаем и его многовековой культурой. Она пробудила в поэте вдохновение, став для основателя русского акмеизма сосредоточением мудрости, поэзии, традиций. Гумилев не сомневался в том, насколько

значимо влияние, оказанное Поднебесной на культуры не только России, но других стран.

Мы обратимся к *«Фарфоровому павильону. Сборнику китайских стихов»*, написанному в июле 1918 года. Стоит отметить, что на создание сборника поэта подтолкнула французская поэтесса Жюдит Готье и ее *«Яшмовая книга»* (сема «яшма» будет встречаться в стихотворениях Гумилева данного цикла множество раз, придавая им семантическую целостность).

В одноименном стихотворении данного сборника мы видим образ фарфорового павильона, ставшего временным пристанищем для поэтов:

*«Среди искусственного озера
Поднялся павильон фарфоровый.
Тигриною спиною выгнутый,
Мост яшмовый к нему ведет.*

*И в этом павильоне несколько
Друзей, одетых в платья светлые,
Из чаш, расписанных драконами,
Пьют подогретое вино»* [1].

Павильон здесь выступает в роли скрытой от глаз обычного человека обители, где могут остановиться лишь богоизбранные души (подобный образ фигурирует и в стихотворении *«Китайская девушка»*, там он предстает в виде голубой беседки).

Также интересен символ яшмового моста, который здесь является переходом от мирского к небесному, к великому творческому началу. Яшма для китайского народа представляет наибольшую ценность, он *«считается воплощением творческой силы Неба и всех человеческих добродетелей»* [2]. Также прилагательное яшмовый в Китае был синонимичен прилагательному красивый, что вновь подводит нас к тому, насколько особенным и сакральным представлялся этот камень для жителей Поднебесной.

Яшмовый мост выгнут в форме тигриной спины, что, конечно, не будет случайным средством выразительности. Тигр в древнем Китае был царем зверей, олицетворявшим собой бесстрашие и честь верного своей родине китайского солдата.

Чаши в руках друзей-поэтов украшены изображением дракона, который символизировал власть императора и избранность Поднебесной самими богами.

Обратим внимание и на головные уборы:

*«...Заламывая шляпы желтые,
Засучивая рукава»* [1].

Желтый цвет, как и дракон, являлся символом императорской власти, использование этого цвета была прерогативой лишь правителей. Он также символизировал некий центр всего мира, вечность. Это вновь указывает на избранность, даже святость роли поэта.

После проведенного нами исследования, мы можем сделать вывод о том, что сакральный фарфоровый павильон представляет собой земной рай, отраженный в озере от рая небесного. Поэты же здесь как соединительное звено между мирским и божественным.

Николай Гумилев вобрал в себя всю атмосферу китайской традиции, будто бы сам превратившись в поэта Поднебесной.

Литература

1. Гумилев Н.С. Фарфоровый павильон// Николай Гумилев. Электронное собрание сочинений. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gumilev.ru/collections/7/>
2. Яшма (символ) // Megabook. Универсальная энциклопедия Кирилла и Мефодия. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://megabook.ru/article/>

СПОСОБЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ В КАЗАЧЬИХ ПЕСНЯХ

Машенцова Е.

eva.mashentsova@mail.ru

Научный руководитель: к.п.н., доцент Кузенная Т.Ф.

TKuzennaya@kantiana.ru

*Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта
г. Калининград, Россия*

Каждый народ обладает своей неповторимой культурой, отраженной в языке. Восстанавливая духовные традиции всего казачества, необходимо обращаться к фольклорному наследию донских, уральских, гребенских, сунженских и других казаков. Анализу подвергаются эмотивные лексические единицы, с помощью которых вербализуется эмоциональная картина мира казаков, отраженная в

разножанровых песнях.

При вербализации эмоции, прежде всего, в языке манифестируются как эмоциональная окраска, возникающая, когда в речи субъекта отражается его эмоциональное состояние. Также эмоции отображаются с помощью языковых знаков как «объективно существующая реальность, подобная любой другой наблюдаемой реальности» [1: 11]. Так, имеются два способа проявления эмоций в языке: их описание и выражение.

В связи с этим появилось разграничение терминов *лексика эмоций* и *эмоциональная лексика*. Первый тип выполняет номинативную функцию, а второй – экспрессивную [Там же: 12].

К эмоциональной сфере «относят не только эмоции как таковые, но и настроения, чувства» [2]. Грань между ними настолько тонкая, что значения этих слов часто не дифференцируются. В данной работе понятия *эмоция* и *чувство* эквивалентны в употреблении.

Лингвистический подход к изучению эмоций показывает, что они могут обнаруживаться в значениях слов, предложений или текстов. Однако доминантой отображения эмоций в языке выступает лексика. Эмоции могут выражаться посредством слов, принадлежащих к разным частям речи: существительным, прилагательным, глаголам, наречиям и т.д. Они составляют грамматические классы эмотивной лексики, которая отражает «анатомию» человеческих чувств.

Основанием для объединения отдельных лексем и их описания служит лингвистическая категория эмотивности, благодаря которой каждое слово имеет разную степень эмотивной заряженности. Данная категория представляет собой внутреннее свойство языка отражать «психологические состояния и переживания человека» [3: 5] с помощью эмотивов.

Понятия *эмотивность* и *эмоции* разграничиваются. Так, на уровне языка эмоция трансформируется в эмотивность, поэтому первая представляет собой категорию психологическую, а вторая – языковую.

Эмотивные лексемы имеют классификацию. Она основывается на следующих характеристиках: «эмоциональное состояние, становление эмоционального состояния, эмоциональное воздействие, внешнее выражение эмоций, эмоциональная характеристика, эмоциональное качество» [1: 144]. В каждой группе та или иная эмотивная лексема имеет собственную интерпретацию.

Так, в духовном стихе уральских казаков «Уж вы, голуби» пред-

ставлена эмотивная лексема **мука**: «*А мне, душень(и)ке, мука вечная*» [4: 126]. Она принадлежит к классу эмотивных существительных, обозначающих эмоциональное состояние человека [5: 189]. Лексема **мука** выражает состояние душевной печали, вызванное каким-либо несчастьем.

В песне уральских казаков «Вы, комарики звончатые мои» употребляются две лексемы, **цаловать** и **миловать**, принадлежащие к классу эмотивных глаголов: «*Начал меня цаловать да только миловать*» [4: 179]. «Именно глагол как стилистически и семантически богатая категория располагает большими возможностями для изображения чувств в разных ракурсах и оттенках» [1: 65]. В данном случае эмоции передаются глаголом-эмотивом как внешнее проявление чувств.

Лексическая единица **горькою**, встречающаяся в свадебных песнях гребенских и сунженских казаков, относится к классу эмотивных прилагательных. Она отражает психическое и эмоциональное состояние невесты, указывая на её нежелание расставаться с девичеством: «*Ой, буду куковати я / Горькою кукушечкой*» [6: 53].

Таким образом, эмотивные лексемы имеют структурированную классификацию, позволяющую понять, к какому типу относится та или иная эмоция.

Литература

1. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Из-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.
2. Вербина Г.Г. Психология эмоций // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.lib100.com/emotion/psy_emotions/html/ (дата обращения: 20.01.2022)
3. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
4. Песни уральских казаков / Запись, нотирование, сост., вступ. статья и коммент. Т.И. Калужниковой. – Екатеринбург: «Сфера», 1998. – 236 с.
5. Бабенко Л.Г. Большой толковый словарь русских существительных. – М.: АСТ-Пресс, 2005. – 864 с.
6. Песни Терека. Песни гребенских и сунженских казаков / публ. текстов, вступ. статья и примеч. Ю.Г. Агаджанова; отв. ред. Б.Н. Путилов. – Грозный, 1974. – 240 с.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.С. ТУРГЕНЕВА

Мосина А.

alexandra.mosina@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Абрамова В.И.

istinijobraz@mail.ru

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого
г. Тула, Россия*

О привязанности И.С. Тургенева к Европе свидетельствуют не только биографические факты, но и творчество писателя. Опытный читатель подметит диалогическую структуру тургеньевских произведений, где соприкасаются европейские и русские взгляды. Они могут идти параллельно или противопоставляться, однако мы видим, как в интеграции разных культур взаимодействуют герои рассказов, повестей, романов [4]. На следующих примерах попробуем это показать.

Связь с немецкой культурой можно проследить через тургеньевский рассказ в девяти письмах «Фауст». Чтение гетевского «Фауста» главными героями произведения русского классика меняет их привычный жизненный уклад. Эта книга пробуждает в них истинные чувства, которые скрываются за нормами, привитыми с детства. Однако же это осознание приводит к страданию, смерти и переосмыслению. *«Жизнь не шутка и не забава, жизнь даже не наслаждение... жизнь – тяжелый труд»*, – говорит рассказчик [3]. Как и оригинальное произведение немецкой литературы затрагивает темы смысла жизни, так и герои И.С. Тургенева приходят к осознанию смысла бытия.

Переплетаются произведения И.С. Тургенева и с английской литературой. Например, ученые Н.В. Захаров, Вл.А. Луков объясняют, что Тургенев считал шекспировские образы более понятными именно русскому народу. Для писателя Шекспир выносил на свет темные стороны души, где они озарялись и очищались. Русский народ также не боится выносить на свет собственные слабости, отличается жаждой самопознания. И как раз эта связь с английской культурой раскроется в «Гамлете Щигровского уезда» и в «Степном короле Лире» [1]. Там мы и увидим, как персонажи способны открывать миру свои нелучшие качества. Однако через понимание

этого читатель приходит к осознанию того, к чему все же следует стремиться.

Через диалог культур И.С. Тургенев также пытался определить и типы людей. Таким образом, в статье «Гамлет и Дон Кихот» на примере героев Шекспира и Сервантеса писатель выделил два типа поведения. Гамлеты со своими одиночеством, эгоизмом, безверьем и авторефлексией не смогут вести за собой людей. Дон Кихоты, наоборот, способны возглавить «восстание масс», хотя вначале над ними и потешаются. У этого типа есть беззаветная вера и энтузиазм [2]. Причем обе личности существуют вне времени, это вечные образы. И как раз на примере «Гамлета Щигровского уезда» мы видим судьбу русского человека, который хотел быть оригиналом, а оказался всего лишь посредственностью. Но благодаря такому герою, читатель сможет избежать подобных ошибок.

К типу Дон Кихота можно отнести болгарского революционера Инсарова, героя романа «Накануне». Именно этого молодого человека выбирает в мужа Елена Стахова, хотя на ее руку претендуют ученый Берсенева, будущий художник Шубин и успешно строящий карьеру чиновник Курнатовский. Олицетворяющая Россию девушка выбирает сознательно-героическую натуру. Именно такие люди, по мнению Тургенева, нужны в эпоху перемен.

На этих примерах мы видим, что произведения русской литературы, в частности, И.С. Тургенева, неразрывно связаны с мировым литературным процессом, пропитаны интертекстуальными связями. Автор пытается осмыслить всеобщие проблемы, перенеся их на русскую почву.

Литература

1. Захаров Н.В., Луков Вл.А. Шекспир и шекспиризм в России // Знание. понимание. умение. – 2009 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/shekspir-i-shekspirizm-v-rossii>
2. Тургенев И.С. Гамлет и Дон-Кихот // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/turgenev-gamlet-i-don-kihot.htm>
3. Тургенев И.С. Фауст. // Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Сочинения в пятнадцати томах. Том седьмой. – М.-Л. «Наука». 1964 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/t/turgenev_i_s/text_0100.shtml
4. Хомич Э.П. Диалог культур в поэтике тургеневской повести // Культура и текст. 1997 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

«РОССИЙСКИЙ ТУРИСТ» КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Попова Е.

ep2306@bk.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Пантелеев А.Ф.

afpanteleev@sfedu.ru

Южный федеральный университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

Направление лингвистики, изучающее лингвокультурные типы (далее – ЛКТ), лишь недавно начало стремительно развиваться и набирать популярность среди исследователей, соответственно, большинство типов еще не анализировалось в науке о языке. Например, до сих пор не рассматривался ЛКТ «российский турист». Отсутствием работ по выбранной нами теме и обуславливается её актуальность. Под ЛКТ подразумеваются «узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [1: 8]. Также ЛКТ следует понимать как «совокупность ассоциативно хрестоматийных образов в языке и культуре одного народа, где все прецедентные элементы гендерной внутренней и внешней характеристики подчинены одной знаково-символической идее, выступают в строгом единстве» [2: 34], а также «как обобщенный образ представителя определенной социальной группы в рамках конкретной культуры, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» [3: 28]

Для моделирования рассматриваемого ЛКТ мы обратились к толковым словарям, где нашли следующие определения: «Человек, который занимается туризмом, совершает туристические путешествия» [4], «Человек, занимающийся туризмом, путешествующий для отдыха, развлечения и удовлетворения своей любознательности» [5], «Туристом называют того, кто занимается активным спортом на природе, путешествует с рюкзаком и палатками и т. п.» [6]. Таким образом, нам удалось выяснить, что под типом «туриста» можно понимать любого путешествующего человека.

При обратном поиске от реакции к стимулу мы получили следующий результат: турист ← иностранный – 11; рюкзак – 10; гостиница, палатка, спутник – 2; бревно, будущий, в путь, велосипед, делегация, завтрак, запах, инопланетянин, консервы, ленинский, напористый, немец , товарищ, перевал, поток, поход, путник, разборчивый , свободный, чайник, юрист – 1 [7]. Обращение к данному словарю позволило определить предметы жизнедеятельности, на ассоциативном уровне присущие лингвокультурному типу «турист».

Для конкретизации ценностных характеристик «российского туриста» мы обратились к такому средству моделирования ЛКТ, как социолингвистический опрос. В опросе приняло участие 100 человек возрастом 17-74 года. Мы попросили респондентов подобрать несколько слов-определений, описывающих внешность и черты характера «российского туриста». Наиболее популярными характеристиками оказались: *любопытный* (31 ответ), *веселый* (22 ответа), *невоспитанный* (14 ответов), *пьяный* (14 ответов), *экономный* (10 ответов). Также присутствуют ответы, свойственные только женщинам: *ленивый, выносливый, заправливый, в головном уборе, светловолосый, богатый, любящий экскурсии, настойчивый, опрятный, привлекательный, уставший*. Среди молодого поколения наиболее частыми характеристиками являются: *экономный, добрый, шумный, неряшливый, авантюрист, любящий покупать сувениры*. Ответы, свойственные только старшему поколению: *с гитарой, мобильный, здоровый, с путеводителем, уважительный, аккуратный*.

Можно сделать вывод о том, что типаж «российский турист» в целом схож в сознании людей, однако в понимании молодого поколения он представляется как достаточно противоречивая личность, тогда как в сознании старших данному типу более присущи положительные черты. Кроме того, благодаря проведенному опросу представляется возможным описать внешность «российского туриста»: *бородатый мужчина средних лет/молодой, с гитарой/рюкзаком/фотоаппаратом/путеводителем, в солнцезащитных очках/головном уборе/босоножках*.

При обращении к газетному корпусу НКРЯ нам удалось выявить следующие упоминания, связанные с рассматриваемым типажом: *«Российский турист выпал с балкона во время отдыха в Таиланде после ссоры с возлюбленной», «Российский турист разбил нос пассажиру самолета за пролитый на него кофе», «Пьяный российский турист провалился через крышу на кухню бара, расположенного на*

тайском курорте Патайя» [8]. Представленные аспекты жизнедеятельности могут подтвердить выявленные нами ранее такие ценностные характеристики «российского туриста», как «пьяный, невоспитанный».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ЛКТ «российский турист» совмещает в себе достаточно противоречивые характеристики. В сознании старшего поколения преобладает положительная окраска типажа, в современных реалиях он скорее олицетворяет негативные черты.

Литература

1. Карасик В.И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: сборник научных трудов. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 5-25.
2. Берельковская О.И. К вопросу о классификации лингвокультурных типажей (на примере лингвокультурного типажа «злодей» / «антигерой» в англосаксонской саге «Беовульф») // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. – М., 2016. – № 30. – С. 33-38.
3. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: соотношение понятий «идиостиль» и «лингвокультурный типаж» // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Томск, 2014. – С. 27-31.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ozhegov>.
5. Ушаков Л.Н. Толковый словарь // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ushakov>.
6. Дмитриев Д. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/dmitriev>.
7. Русский ассоциативный словарь // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/>.
8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?lang=ru&mode=paper&p=2&req=%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82&sort=i_grtagging&text=lexform.

НИКОЛАС ФАНДОРИН Б. АКУНИНА КАК ВТОРИЧНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

Постнова Е.

sallirzhevskaya.kf@gmail.com

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Треблер С. М.

gendel@gmail.com

Казахстанский филиал МГУ им. М.В. Ломоносова

г. Нур-Султан, Казахстан

Ю.Н. Караулов вывел важный тезис об актуальности исследования языковой личности: «нельзя познать сам по себе язык, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [1: 7]. Впервые термин «языковая личность» был введен В.В. Виноградовым в его работе «О языке художественной литературы», в которой объектом исследования стала не реальная человеческая речь, а язык художественной литературы. Исследовать языковую личность настоящего живого человека – трудновыполнимая задача, потому что личность многогранна, а, следовательно, постоянно изменяется. Литературный же герой предстает перед нами открытой книгой, ведь у нас есть зафиксированные воспроизведенные им тексты. В связи сказанного мы избрали объектом исследования художественный персонаж романа Б. Акунина «Алтын-толобас» Николаса фон Дорна, или, на русский манер, – Николая Александровича Фандорина [2].

Николас рожден и воспитан в Британии. По профессии он историк, специализирующийся на XIX веке, однако, как он сам считает, «малокалиберный», потому что все его исследования связаны с историей его рода без попыток больших научных открытий до определенного момента в его жизни. В связи со спецификой своей профессии он, помимо английского, прекрасно знает русский язык, хорошо разбирает древнерусские тексты, знаком с латинским. Русский язык Николас изучал самостоятельное, практикуя его еще в Британии на русскоговорящих путешественниках: *Милая Наташа, не завалиться ли нам в Челси? Там нынче улетная тусовка* [2: 7].

После смерти отца Николас приезжает в Россию, а, соответственно, попадает в новую для него культурно-языковую среду, потому стоит говорить о феномене билингвизма по отношению к Николасу: русский/английский. Русский язык для него не родной, потому иссле-

дуемая нами языковая личность является «вторичной»: «новая картина мира накладывается на уже имеющуюся и не существует независимо от нее» [3: 85]. Так, Николас делает записи новых слов и выражений в специальный блокнот, проводя параллели с английским: *«отстой»* вероятно, близкое к *«sewage»*; *«скрысятить»* – близкое к *to rat* [2: 6]. Создание таких параллелей – характерная черта языковой личности билингвов. Иногда Николас не может подобрать полностью отражающую смысл конструкцию на русском, поэтому использует конструкции родного языка (английского): *в стране of no return (по-русски так не скажешь)* [2: 16]; *уже готовый самым беззащитным образом вторгнуться в чужую privacy* [2: 20].

Так как культурное коммуникационное пространство для Николаса как для вторичной языковой личности является знакомым лишь понаслышке, возникают некоторые коммуникативные барьеры. К примеру, фраза *птичку жалко* ассоциируется у Николаса со знакомым ему детским стишком, а не с известным советским фильмом «Кавказская пленница». Упоминание этого же фильма в диалоге с Алтын вызвало у Николаса непонимание: *Какая пленница? – не понял магистр. – При чем здесь пленница?* [2: 180].

Николас часто рассуждает о русском языке, потому можно говорить о его метаязыковых высказываниях. Например, используя выражения из словаря арго, Николас думает: *Здесь важно было не сфальшивить, не ошибиться в словоупотреблении* [2: 49]. Или же, выпивая *на старые дрожжи* (Николас вспомнил это выражение из своего записного блокнота), он раскрывает для себя коннотацию слова «запой»: *Наверное, это и называется «запой»* [2: 265]. Рассуждая о слове «бардак», он дает ему положительную оценку: *хорошее слово, еще из прежних, старорусских времен* [2: 134]. О выражении у человека *поехали мозги* Николас говорит так: *отличное идиоматическое выражение из фольклорного блокнота* [2: 86].

Из проделанной нами работы можно сделать вывод, что Николас в романе изображен как вторичная языковая личность, находящаяся в процессе становления, но уже далеко продвинувшаяся в своем развитии. В течение романа он активно пополняет свой лексикон: *попутка, запопал, по барабану, перепихон* и т. д.

Языковая личность Николаса Фандорина отражает современную действительность русской языковой среды в глазах иностранца, а так же включает в себя актуальный для современных исследователей-

лингвистов феномен билингвизма, который все больше распространяется в нашем обществе и требует к себе внимания.

Литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – 7-е изд. – М: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
2. Акунин Б. Алтын-толобас. – М.:ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 383 с.
3. Ружицкий И.В., Потемкина Е.В. Проблема формирования билингвальной личности в лингводидактике // Мир русского слова. – М., 2013. – №2. – С. 81-90.

ДНЕВНИК Л.Н. ТОЛСТОГО КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ

Родикова А.

rodikova.nastasia@mail.ru

Научный руководитель: д.ф.н, профессор Романов Д.А.

kafrus@rambler.ru

Тульский государственный педагогический

Университет им. Л.Н. Толстого

г. Тула, Россия

Под понятием языковая личность понимается сочетание в лице говорящего его языковой компетенции, стремление к творческому самовыражению, свободному осуществлению разносторонней языковой деятельности [1: 174]. Данное понятие находится в тесной связи с языковой индивидуальностью, целью которой является стремление личности к расширению сферы своей деятельности, а также индивидуальному развитию.

Л.Н. Толстой всегда стремился к развитию и самосовершенствованию. Он отмечал: «...глядя на природу, я вижу, что все в ней постоянно развивается и что каждая составная часть ее способствует бессознательно к развитию других частей; человек же, так как он есть такая же часть природы, но одаренная сознанием, должен так же, как и другие части, но сознательно употребляя свои душевные способности, стремиться к развитию» [5: 29]. Как художник слова он требовал от себя точного и ясного выражения своих мыслей. Работая над словом, погружаясь в стихию родного языка,

писатель старается передать не только фактический материал, но и эмоциональные порывы. Именно по дневнику молодой Л.Н. Толстой оценивал ход своего художественно-эстетического развития. Определив для себя ориентир, изначально он фиксировал знания, которые помогали развитию способностей: анализ прочитанных книг. Кроме этого, есть правила, касающиеся самодисциплины и самопознания. Основная цель – литературная. Дневник способствовал становлению его как писателя.

Постичь в полном объеме художественное мастерство Л. Толстого невозможно без изучения языка его дневников, которые занимают большое место в его творческом наследии. *«Два года не писал дневника и думал, что никогда уже не вернусь к этому ребячеству. А это было не ребячество, а беседа с собой, с тем истинным, божественным «я», которое живет в каждом человеке. Все время «я» спало, и мне не с кем было беседовать»* [8: 230] – отмечает Л. Толстой. Работу с дневником он интерпретирует по-разному: записи эволюционируют от фиксации планов и впечатлений к широкой форме религиозно-философских размышлений о жизни и смерти. Изменение тематики дневникового текста связано в первую очередь со сменой мировоззрения, а также с окружающими его людьми и событиями. Данный материал отражает не только внутренний мир писателя, но и языковые, стилистические особенности. Стилль дневников характеризует Л. Толстого как индивидуальную личность. Лаконичные, краткие записи свидетельствуют о его душевных переживаниях, развернутые – о работе над самим собой.

Для писем Л.Н. Толстого изменение стиля посланий связано напрямую с адресатом, в дневниках можно увидеть истинный стиль языка, в котором он мыслил, чувствовал и жил.

Л.Н. Толстой придавал языку большое значение, подчеркивал неразрывную связь языка и мышления, великую силу слова. Он отмечал: *«Слово – выражение мысли, мысль – проявление Божественной силы, и потому слово должно соответствовать тому, что оно выражает»* [4: 310]. Признаками языка являются сила производимого словом впечатления, «живописность», ясность выражения мысли, простоту, отказ от «искусственности», «насыщенности». В дневниках «простота языка» сочетается с точностью и конкретностью словоупотребления. Для Л.Н. Толстого точность и ясность выражения мысли были главными качествами показателя «хорошего» текста.

В дневниках Л.Н. Толстого можно проследить двойственное его мнение по отношению к манере повествования и отбору языковых средств. *«То, что читают и списывают мои дневники, портит мой способ писания дневника. Хочется сказать лучше, яснее, а это не нужно. И не буду. Буду писать, как прежде, не думая о других, как попало»* [6: 428]. С одной стороны, отсутствует определенный отбор выразительных черт, т.к. текст создан для себя, с другой стороны, подсознательно он осознает значимость дневников для будущего поколения, и стремление быть точным принуждает его вести некоторый отбор, не погружаясь в долгую мыслительную операцию.

Л.Н. Толстой восхищался красотой русского народного языка. Описывая происходящие события общественно-политического характера, личной жизни, он пользуется литературным языком, а также присутствуют разговорные и просторечные выражения. Например: *«Саша едет. Она грустна. Я хорошо говорил с ней. Оба расхлюпались»* [6: 451]. В отличие от повествования в художественных произведениях, дневниковые записи лишены художественно-эстетической функции, т.е. воздействия на читателя. Характерная особенность дневникового текста состоит в менее тщательном отборе языковых средств. Это связано с тем, что отправитель и получатель информации совмещены в одном лице. Свернутый, фрагментарный вид понятен писателю, следовательно, не требует выразительных языковых средств.

В дневниках Л.Н. Толстой часто не использует известные ему слова, создает собственные, представляющие необычные сочетания составляющих их морфем. Например: *«Не надо смешивать: тщеславия с славолубием и еще менее желанием любви – любвелюбием»* [6: 282].

Характерной особенностью дневников Л. Толстого является наличие пословиц и поговорок, отличающихся разговорно-просторечной окраской. Например, *«Встал довольно бодро, вышел – и первый блин комом: мужик новосельский просит помощи, и я спешил идти и недобро поговорил с ним. И сейчас же стыдно»* [6: 190].

Таким образом, дневниковый текст представляет особую форму фиксирования авторских мыслей. Наиболее полно раскрываются свойства и процессы языкового совершенствования в индивидуальном творчестве писателя с присущими ему особенностями в дневниках.

Данные языковые факты свидетельствуют о личности Л.Н. Толстого как многогранного мастера художественного слова.

Литература

1. Азарова Л.Э. Понятие языковой личности в лингвистике // Vinnytsia National Technical University. 2017. – С. 180.
2. Гусев Н.Н. Толстой в расцвете художественного гения. – М.: Художественная литература, 1923. – 390 с.
3. Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении. – М.: Эксмо, 2010. – 240 с.
4. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Дневники и дневниковые записи (1854-1857). – Т.47. – М.: Художественная литература, 1937. – 721 с.
5. Толстой Л.Н. Дневник. Полное собрание сочинений (1847-1854 гг.). – Т. 46. – М.: Художественная литература, 1937. – 609 с.
6. Толстой Л.Н. Собр. Соч. в 20 т. – М.: Художественная литература, 1965. – Т. 20. – 789 с.
7. Чертков В.Г. Свод мыслей Л.Н. Толстого. – Т.13. – М., 2019. – 477 с.
8. Чертков В.Г. Свод мыслей Л.Н. Толстого. – Т.14. – М., 2019. – 435 с.

СОВРЕМЕННАЯ КРИТИКА КОНЦЕПЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Рахматуллин С.

samatrakhmatullin@gmail.com

Научный руководитель: к.п.н., доцент Никонорова Л.М.

rochtaegeu@gmail.com

Казанский государственный энергетический университет

г. Казань, Россия

Хотя межкультурный диалог как теория, концепция, политика и практика получил широкое признание и одобрение в научных кругах, некоторые ученые высказывают критические замечания по поводу его дискурсивного значения и использования в качестве того или иного инструмента, в связи с чем в данной работе представляются основные недостатки и ограничения обозначенной темы, рассмотренные в научных кругах за последнее десятилетие.

Концепция межкультурного диалога была разработана в ответ на растущее культурное разнообразие в западных обществах, а также для содействия взаимодействию, взаимному уважению и пониманию между людьми с разным культурным происхождением. Несмотря на эти предпосылки, она подвергается критике в научном сообществе за то, что культуры в них рассматриваются как внутренне однородные. Критики воспринимают концепцию как категоризацию людей на

отдельные и четко идентифицируемые культурные единицы, несмотря на то, что в довольно диверсифицированных обществах культурные различия носят пересекающийся характер и не имеют четких демаркаций [1: 30].

Большинство критических взглядов на теорию межкультурного диалога подчеркивают дисбаланс власти, присущий дискурсам, политике и практикам, связанным с ним. По мнению исследователей, межкультурный диалог воспринимается как глубоко западная концепция, с помощью которой западные ученые и общества пытаются решить вопросы с незападными «другими». По их рассуждениям, причиной, из-за которых в исследованиях межкультурного диалога доминирует Запад, является тот факт, что большинство ученых в рассматриваемой области, вне зависимости от их места рождения и жительства, освоили и усвоили западные подходы к науке [2: 240].

Ученые также отмечают, что политические дискурсы межкультурного диалога включают явные и неявные иерархии власти, основанные на западных или европоцентристских взглядах на разнообразие и культурные различия. Дискурсы, политика и практика межкультурного диалога рассматриваются как имплицитно закрепляющие различия между западными или европейскими людьми и упомянутыми «другими» – и, таким образом, конструирующие позиции «нас» и «их» – вместо того, чтобы объединять различные субъекты в единое сообщество [3: 1016].

Следующее критическое замечание в адрес практики межкультурного диалога заключается в том, что она по большому счету является элитарной. Исследователи [2: 240] отмечают, что различные научные проекты, отчеты и наборы данных по межкультурному диалогу, а также образовательные программы, направленные на его расширение, фильтруются через призму образованных элит. Аналогичным образом, в статье [1: 27] показывается, как неблагоприятные условия в сфере образования и занятости, бедность, маргинализация и дискриминация представляют собой структурные барьеры для практик межкультурного диалога, поскольку люди, пострадавшие от этих явлений, менее способны принимать участие в обозначенной коммуникации.

Авторы политики межкультурного диалога подвергаются критике за нечеткое определение понятия и его неоднозначное объяснение, а также за то, что они подходят к межкультурному диалогу универсализирующим образом, слабо признавая социальные или истори-

ческие различия между обществами, что ставит под сомнение возможность применения рассматриваемой политики к различным социальным реалиям [4; 5: 339; 6: 276].

Также ученые отмечают, что эти авторы возлагают далеко идущие надежды на практику межкультурного диалога и тем самым недооценивают структурное неравенство и неблагоприятные условия в западных обществах, которые сложно решить только с помощью одной межкультурной коммуникации [1: 30]. По мнению специалистов, решение этих проблем требует конкретных структурных мер и экономических ресурсов для их реализации [7: 27].

Литература

1. Barrett M. Interculturalism and multiculturalism: similarities and differences. – London : Council of Europe, 2013. – 97 p.
2. Lee E. Intercultural dialogue in theory and practice: A review // Journal of multicultural discourses. – 2016. – Т. 11. – № 2. – P. 236-242.
3. Aman R. The EU and the recycling of colonialism: Formation of Europeans through intercultural dialogue // Educational Philosophy and Theory. – 2012. – Т. 44. – № 9. – P. 1010-1023.
4. The Ambiguities of Intercultural Dialogue: Critical Perspectives on the European Union's New Agenda for Culture [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.immi.se/intercultural/nr23/nass.htm> (дата обращения: 11.01.2022).
5. Lähdesmäki T. et al. Negations and negativity as linguistic devices in policy discourse of intercultural cities // Journal of Multicultural Discourses. – 2015. – Т. 10. – № 3. – P. 332-348.
6. Elias A. 2017. Racism, anti-racism and intercultural dialogue. In Interculturalism at the crossroads: Comparative perspectives on concepts, policies, and practices. – Paris : UNESCO, 2017. – 343 p.
7. Lähdesmäki T., Wagener A. Discourses on governing diversity in Europe: Critical analysis of the White Paper on Intercultural Dialogue // International Journal of Intercultural Relations. – 2015. – Т. 44. – № 1. – P. 13-28.

ВОЕННЫЙ РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В РОССИИ И РОДНОЙ СТРАНЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРУНДИ)

Сабиумве Ф.

25alex@rambler.ru

Научный руководитель: к.п.н., доцент Бурченкова А.А.

25alex@rambler.ru

*Военная академия войсковой
противовоздушной обороны Вооруженных Сил РФ
им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского
г. Смоленск, Россия*

В настоящее время много исследований посвящено речевой культуре представителей разных профессий, в том числе военнослужащих. Как и национальный этикет имеет свои особенности в каждой стране, так и военный речевой этикет отличается в армиях разных государств.

Военный речевой этикет – это совокупность правил, речевых стандартов, которые должны соблюдать все военнослужащие.

Быть одновременно гражданином и военным – значит быть примером для подражания, вежливым, честным, пунктуальным, умным, опытным, что должно отражаться и в его речи.

В России военный речевой этикет имеет долгую историю. Современные требования определяются Уставом внутренней службы Вооружённых Сил Российской Федерации (введён в действие Указом Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495 – с изменениями по 2 января 2017 г.).

Требования к воинскому и военному речевому этикету Республики Бурунди регулируются Уставом внутренней службы РБ, общение в данной сфере осуществляется на французском языке, поскольку французский язык является государственным языком Бурунди.

Сравним особенности военного речевого этикета в наших странах.

Этикетная ситуация	Поведение и речевые формулы (Россия)	Поведение и речевые формулы (Бурунди)
Приветствие	На приветствие начальника или старшего по званию («Здравствуйте, товарищи»)	Младший при виде старшего топает ногой, отдаёт воинское приветствие.

	все военнослужащие, находящиеся в строю или вне строя, отвечают: «Здравия желаем». Если старший по званию проходит мимо, отдается только воинское приветствие.	По команде старшего младший приближается на расстояние 6 шагов и отдает воинское приветствие; после получения приказа говорит «A vos ordres» (к вашим услугам) + mon + воинское звание, отдает воинское приветствие. Когда старший проходит мимо, тот, кто первым его видит, командует «A l'Ordre!» (Будьте внимательны! Порядок!), самый старший в этой группе отдает воинское приветствие.
Обращение	Товарищ+воинское звание	Старший к младшему: Mon (мой) + воинское звание или «Mes respects» (моё уважение) + его сообщение. Младшие к старшему: Топают ногой, останавливаются на расстоянии 6 шагов + Mon(мой) + воинское звание или Mes respects+ его сообщение.
Рапорт (доклад)	Товарищ+ воинское звание!+ Текст доклада. В конце звание и фамилия того, кто докладывал.	Младший называет своё воинское звание + своё имя + номер матрикулы + номер своего поступления в армию + свою должность в данный момент и далее следует рапорт, в конце он говорит A VOS ORDRES + MON + воинское звание старшего.
Прощание	Если начальник или старший прощается («До свидания, товарищи»), то военнослужащие отвечают: «До свидания». При этом добавляются слово «товарищ» и воинское звание.	1. Если самый старший по званию уходит, старший среди оставшихся командует «A l'Ordre!», все встают и старший отдает воинское приветствие. 2. В других случаях кто уходит, просто отдаёт воинское приветствие.

Таким образом, мы видим, что в военном речевом этикете есть общие черты и национальные особенности, но в любой стране речевая компетентность является важным компонентом профессиональной подготовки военнослужащих, так как позволяет строить общение в сфере военно-профессиональной деятельности, чувствовать себя уверенно в любой ситуации, правильно оформлять документы, получать информацию из различных источников и адекватно ее воспринимать, выступать с докладами, сообщениями. Военнослужащему, который является примером поведения для всех категорий граждан, необходимо соблюдать и этические нормы, и воинские уставы, и нормы литературного языка.

Литература

1. Белотелов А. Воинский этикет и культура общения военнослужащих // Ориентир. – 2000. – № 7. – С. 58-60.
2. Воинский этикет и культура общения военнослужащих // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://goup32441/narod.ru/files/ogp/001_oporn_konspekt/2008/2008-08-2.html
3. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный аспект. – М.: Русский язык, 2002. – 160 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЕМОВ МНЕМОТЕХНИКИ ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ СЛОВАРНЫХ СЛОВ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ КЛАССЕ

Садыгова А.

sadygova-a.sadygova@yandex.ru

Научный руководитель: к.ф.н, доцент Руднева О.В.

soulina@inbox.ru

Сургутский государственный педагогический университет

г. Сургут, Россия

На сегодняшний день в современных условиях развития российская образовательная среда характеризуется полиэтническим составом обучающихся, что связано, прежде всего, с многонациональностью страны. Сложность заключается в занятиях по изучению

языка, поскольку в ходе образовательного процесса обучающиеся допускают множество орфографических ошибок в силу непонимания фундаментальных правил и базовых аспектов русского языка [1: 49].

Данная проблема исследовалась многими экспертами в области лингвистики и психологии. Так, например, известный лингвист и методист Л.В. Щерба в своих научно-исследовательских работах отмечает, что обучающиеся такой категории не могут проводить целостное сравнение языковых систем и проводить параллели между ними, что формирует проблему восприятия нового изучаемого языка [6: 56]. Исследователь А.А. Реформатский обосновал, что трудностью является акцент, определяемый автором как «подчинение чужой фонетики фонологическим навыкам своего языка» [4: 508]. Немало трудностей испытывает обучающийся-инофон (носитель иностранного языка) в написании словарных слов, которые не поддаются объяснению правилами. В связи с этим появляется необходимость реализации соответствующих техник, позволяющих помочь преодолеть орфографические ошибки в классе с полиэтническим составом обучающихся.

Наиболее эффективной и результативной методикой является мнемотехника, которая способствует успешному запоминанию словарных слов. Ведущие ученые включают данную методику в структуру процесса обучения орфографии. Например, неалгоритмизируемым единицам языка посвящена работа М.Б. Успенского «Приёмы мнемотехники на уроках русского языка». В своей работе он выделяет различные мнемоприёмы, которые способствуют лучшему запоминанию трудных слов [5: 24-27]. Л.М. Мегалинская делит приемы обучения на традиционные (выборочный диктант /ответ, запись слов по алфавиту, группировка слов по орфографическим признакам, дописывание орфографических таблиц и т.д.) и нетрадиционные [3: 25]. В работе И.Ю. Матюгина, Е.И. Чакаберия, И.К. Рыбниковой и Т.Б. Слоненко выделяются графические и фонетические ассоциации, а также метод рифмовки [2: 148].

Рассмотрим на нескольких примерах как используются приемы мнемотехники в работе со словарными словами 5-7 классов:

1. Найди расшифровку: *миллион* (в этом слове зашифрован вопрос: «Мил ли он?»); «*О пали листья в садике*» (в данном предложении спрятано слово «палисадник»; *жокей* (запомните рифмовку: «*Вот английский жокей! У него все о'кей!*»).

2. Какие женские имена можно увидеть и прочитать в словах *Галерея, Продлевать, Затмевать, Стеллаж, Подлинная, Истинная*? Это задание хорошо развивает наблюдательность, внимательность и фантазию.

3. Словарные слова, которые «любят счёт»: 1) *Пренебрегать* – три гласных буквы *Е* подряд; 2) *Примитивный* – три гласных *И* подряд; 3) *Барабан, Карнавал, Карандаш* – три гласных *А* подряд; 4) *Дисциплина* – три *И*.

4. Работа с удвоенными согласными: *аппетит после аппендицита; жужжат пчёлы и пахнет жжёным кофе; аккорды на аккордеоне; алла на аллее* (но: *Галя в галерее!*); иллюстрации к новеллам и балладам и т.д. В данном задании можно также спросить у детей, как они понимают незнакомые слова, чтобы они могли выстроить свой ассоциативный ряд.

Мнемотехника, ориентируясь на ассоциативные, образные связи, способствует легкому и эффективному запоминанию словарных слов у детей инофонов, формированию знаний по орфографии, орфографических навыков, повышению познавательной активности и интереса к изучению русского языка.

Литература

1. Аль-Кайси А.Н. Использование мнемонических приемов и опор в процессе обучения русскому языку билингвов // Полилингвильность и транскультурные практики. – № 14 (1). – М., 2018. – С. 47-59.
2. Матюгин И.Ю. Быстрочтение и мнемотехника. – М.: Эврика-фильм, 2006. – 148 с.
3. Мегалинская Л.М. Наиболее эффективные приемы и методы проверки слов с непроверяемыми написаниями // Канск. педагогич. колледж. – Канск, 2004. – 25 с.
4. Реформатский А.А. Фонология на службе обучения произношению родного языка. – М.: Наука, 1970. – 590 с.
5. Успенский М.Б. Приемы мнемотехники на уроках русского языка // Русский язык в школе. – М., 1996. – № 6. – С. 24-27.
6. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. – М.: Юрайт, 2020. – 148 с.

РЕЧЬ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА: ЯЗЫКОВАЯ МОДА

Сейдвелиқызы А.

asel.237372@gmail.com

Научный руководитель: PhD, ст. преподаватель Логинова М.В.

mariatjo@mail.ru

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

г. Нур-Султан, Казахстан

В последние десятилетия исследователи в области междисциплинарных направлений, школ чаще стали обращать внимание на такое явление, как языковая мода, языковой вкус. Изучение языковой моды обусловлено прежде всего тем, что в устной и письменной речи каждого поколения есть специфические черты, которые выделяют их в обществе. Как правило, этим социальным объектом является молодёжь, в частности студенты, в речевом поведении которых можно отметить веяния языковой моды.

В.Г. Костомаров в своей книге «Языковой вкус эпохи» даёт объяснение: как 1) мода есть «крайнее проявление вкуса, более индивидуальное, быстро преходящее, бросающееся в глаза и обычно вызывающее раздражение у старшей и консервативной части общества» [1: 21], и такое объяснение вкусу (и моде): как 1) «категории, воздействующей на развитие языка, даже определяющей направление его динамики» [1: 11];. А главным «поставщиком моды» учёный определяет английский язык, а также «другие влиятельные иностранные языки современности» [1: 34]. Действительно, сегодня поколение носителей молодёжного языка, а именно поколение Z отличается от остальных тем, что использует в речи иноязычные, в особенности английские, слова и превращает их в жаргоны в собственном социальном кругу. Это связано с тем, что английский язык стал очень востребованным, и каждая социально-возрастная группа обязана им владеть.

В современном устном общении студентов, да и в целом молодёжи часто можно услышать табуированную, немного грубоватую лексику (*эта девушка такая токсик, я ловлю с неё кринж и хэйчу*). Как правило, среди поколения Z такие слова как *токсик* (человек, который думает, что он выше остальных, пытается испортить жизнь другим), *кринж* (мерзость, ощущение отвращения), *хэйтить* (ненавидеть), *забанить* (заблокировать кого-либо в Интернете), *кикнуть*

(исключить из общих чатов) имеют явную негативную окраску, но и такое слово *рофлить*, связанное со смехом, в основном используется с негативной интонацией (*подкалывать, троллить*). Однако, сами носители не сильно обижаются на такой тип критики. Наряду с отрицательными маркерами в речи студентов присутствуют модные слова с положительной оценкой и нейтральным значением: *стэнить* (*восхищаться кем-то*), *чиллить* (*отдыхать*), *раш* (*некто, к которому испытываешь симпатию*), *вайб* (*энергетика, исходящая от человека или места*) и др.

Мы также согласны с утверждением В.И. Карасика, что «вовсе не все случаи заимствований английских слов и выражений свидетельствуют о заимствовании связанных с этими словами концептов, существуют паразитарные по отношению к родному языку концепты, они имеют общеоценочный характер и объясняются сегодняшней языковой модой...» [2: 186]. Безусловно, складывается однозначное впечатление, что заимствования в речи современных студентов являются некой отрицательно воздействующей модой. На наш взгляд, особенности такого модного речевого поведения студента определяются факторами, связанными и с раскрепощенностью и демократичностью коммуникативного поведения современного студента, и с проводимой языковой политикой триединства [3: 107].

В настоящее время многие исследователи пишут о языковой моде, языковом вкусе, даже о языковой агрессии. Но следует отметить исследование О.А. Дмитриевой, которая рассматривает языковую моду как «поведенческий регулятив». Вот как объясняет ученый: «одним из поведенческих регулятивов является мода, которая, будучи социальным феноменом, представляет собой характеристику языковой личности с точки зрения вербального и невербального проявления, что позволяет говорить о языковой моде» [4: 535]. Можно отметить, что языковая мода является определяющим фактором, влияющим на формирование языкового образа современного студента. Поскольку мы оцениваем и характеризуем языковую личность студента с позиции его вербального и невербального поведения.

Некоторые исследователи выделяют внеязыковой фактор модного слова – это «биологические аспекты, стремление продемонстрировать свое Я» [5: 87]. К примеру, взять существование субкультур в студенческой среде. Следует отметить, что молодёжные жаргоны делятся между собой из-за различных субкультур, которых очень много. В частности, можно встретить такой тип девушек как

American girl. По нашим наблюдениям, в их лексиконе чаще встречаются слова, заимствованные из США (*тут такой другой вайб, давай я чекну эту инфу, сейчас почилиим немного*). Или сейчас часто можно услышать в речи студентов такое модное сочетание как *вип-казашка* или *вип-казах*. *Вип-казашка, вип-казах* – это те люди, которые ходят по дорогим кафешкам, обязательно у *вип-казаха* должна быть камри⁷⁰, у *вип-казашек* есть свои особенности в макияже и в поведении, они всегда и везде должны выглядеть как *вип-клиенты*.

Помимо особенностей в устной речи современного студента, также присутствует языковая мода в письменной форме. Такое явление можно наблюдать в основном в общих чатах. Если поколение Y использовали стены зданий, рисовали граффити, различные поверхности, то поколение Z показывает свои особенности в мессенджерах и в социальных сетях. Самым распространённым примером является смех, а именно *lol* (*громко смеюсь*), *lmao* (*смеюсь до слез*), *kekeke* (*пришел с корейских чатов, там они использовали «кекеке» чтобы показать смех*). Другой собеседник с лёгкостью может понять, как отреагировали на его слова.

На наш взгляд, студенты – это та категория языкового коллектива, которая если не определяет траекторию развития языковой моды, но точно является носителями и яркими представителями современного общества, воплощающими модные языковые тенденции.

Литература

1. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. – М.: Златоуст, 1999. – 135 с.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
3. Логинова М.В. Нарративное измерение языковой личности (на примере лингвокультурного типажа «студент»): дисс... на соискание степени доктора философии (PhD). – Нур-Султан, 2021. – 162 с.
4. Дмитриева О.А. Языковая мода как поведенческий регулятив // Гуманитарные и социальные науки. – Ростов-на-Дону, 2014. – №2. – С. 535-538.
5. Врублевская О.В. К трактовке понятия языковая мода в современной лингвистике // Вестник КемГУ. – Кемерово, 2015. – №1-1 (61). – С. 84-88.

ОСОБЕННОСТИ ИГРОВОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА

Темирбек А.

aixxtemirbek@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент: Шакенова М.Т.

Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова

maigul1379@mail.ru

г. Шымкент, Казахстан

На сегодняшний день компьютерные технологии и Интернет окончательно обосновались в жизни человека. Практически все современные дети и молодежь являются игроками тех или иных компьютерных и онлайн-игр. В игровом мире существует особый вид дискурса – виртуальный дискурс – текст, погруженный в коммуникативную ситуацию виртуальной действительности, в качестве персонажей выступают пользователи данной игры и сети Интернет. Исследование виртуального игрового дискурса, функционирующего в особом коммуникативном поле, в связи с этим является актуальным в современной науке. В настоящей статье мы рассмотрим особенности игрового коммуникативного пространства такого жанра компьютерных или же видеоигр, как РПГ (Role-Playing Game), где основой игрового процесса является отыгрывание игроком своего персонажа от первого лица. Сюжет многопользовательских ролевых онлайн игр может варьироваться от научно-фантастического жанра до имитации реальных исторических событий [1]. Одной из таких игр является Genshin Impact – компьютерная игра в жанре action-adventure с открытым миром и элементами RPG.

Все игроки используют определенный язык геймеров, созданных для коммуникации в виртуальном игровом пространстве. Данный язык позволяет быстро и легко взаимодействовать и достигать успешных результатов. Геймеры используют специальный набор терминов, который понятен в рамках одной или нескольких игр. На просторах Интернета можно найти и словари геймера, где написаны часто используемые выражения любителями игр. Речь участников виртуального дискурса – смесь устной и письменной речи, включающий в себя компьютерный или игровой жаргон (например, *инет не ловит* – сеть плохо работает, *скрафтить оружку* – создать оружие, *его акк забанили* – его аккаунт заблокировали). На просторах Интер-

нета существуют не только специальные игровые сайты, но бывают и форумы, посвященные этим играм. Могут быть и приложения, сайты, где игроки постят свои достижения в игре, косплеи на того или иного персонажа, обсуждают обновления, кат сцены или сюжетку. Таким сайтом и приложением любителей игры «Genshin Impact» является «HoYolab», где игроки постят также смешные и интересные моменты в игре, мемы с разными персонажами, фанфики, точки спавна опыта дружбы, переписки в многопользовательском режиме, интерактивные карты и т.п.

Фундаментом любой РПГ являются аналогично эпический сюжет и ролевая система, но в игре «Genshin Impact» также присутствует гача-система, с помощью которой игроки получают игровых персонажей или оружия. А чтобы получить персонажей, нужны множественное количество круток или примогемов. Персонажи, как и отличные оружия, по редкости делятся на *эпичные* и *легендарные*. А сами легендарные персонажи делятся на стандартные и на ивентовые. Каждый играбельный персонаж имеет свои имена, созвездия, роль в игре и особое блюдо. Приведём ряд примеров: *Дилук – стандартный персонаж, но он не уступает некоторым ивентовым легендаркам. Думаю, буду спидранить гемы, мне нужен хороший меч для Аяки. Легендарное копьё Посох Хомы всем копейщикам подойдёт, а насчёт Камнеруба ничего не знаю.*

Теперь рассмотрим другие особенности игрового коммуникативного пространства игры «Genshin Impact». Ролевая система в игре включает в себя такие элементы, как наборы игровых рас персонажей (*человек, архонт, зверочеловек* и т.п.); игровых классов персонажей (*ДД, хилер, саппорт* и т.п.); элементов (*анемо, гео, электро, дендро, гидро*); профессии (*алхимик, рыцарь, экзорцист* и т.п.); оружий (*древковое, лук, катализатор, двуручный меч*); уникальных способностей и пассивных талантов; подборку реакции (*таяние, пар, заморозка, кристаллизация, горение, рассеивание, перегрузка*); комплекс боевых характеристик (*обычная атака, элементальный навык, взрыв стихий, атака в падении*); локации (*Моништадт, Ли Юэ, Энканомия*). Например, *Я, до ивента «Белая пыль и Снежная тень», читала комменты под одним видео, где писали, что Альбедро из Ордо Фавониус, гомункул. В Энканомии ни одного NPC, там только призраки и монстры.* В игре существует своя валюта «мора», это тоже своего рода катализатор, так как без нее нельзя ничего купить в

прилавках, возвышать персонажей, качать таланты, создавать разные зелья или материалы.

Материалами возвышения являются кристаллы (*фрагмент нефрита Шивада, кусок аметиста Варджарда* и т.п.); материалы, полученные с боссов (*инеевое ядро, призма молнии, незрелый нефрит, роса отречения, эмблема разрыва* и т.п.); награды с еженедельных боссов (*кольцо Борея, коготь Двалина, тень воина* и т.п.); артефакты (*цветок жизни, перо смерти, пески времени*) и др. Приведем примеры использования в коммуникации среди игроков: *Представляешь, мне, чтобы возвысить Итто не хватило драгоценного топаза Притихва, пришлось тепнуться в алхимия и скрафтить его. У меня в инвентаре оказывается нет призмы молнии, срочно надо пойти в электро куб.*

Коммуникация между игроками игры осуществляется различными способами. Пользователи могут общаться внутриигровом чате, это обычно личные сообщения с определённым игроком или групповой чат в кооперативном режиме. В каждом чате есть спектр готовых фраз или же набор эмотивов, то есть стикеров. Игрок может выбирать любой из стикеров в зависимости от отношения к происходящему или от настроения. Коммуникация через голосовой чат является самым простым и наиболее увлекательным. Во многих играх есть встроенные голосовые чаты, одобренные разработчиками, но в игре «Genshin Impact» игроки пользуются разными приложениями для голосовой коммуникации, которые работают в игровом режиме в форме вторичного окна.

Литература

1. Лутовинова О.В. К проблеме категорий виртуального дискурса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2006. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-kategoriy-virtualnogo-diskurs>

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ СТУДЕНТОВ РАЗНЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ ТГПУ ИМ. Л.Н. ТОЛСТОГО

Швец К.

k.i.shvets@gmail.com

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Красовская Н.А.

nelli.krasovskaya@yandex.ru

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого
г. Тула, Россия*

Речевое портретирование – это актуальная проблема современной лингвистики, так как благодаря развитию методологии реконструирования языковой личности появилась возможность выявить речевой портрет как отдельных личностей, так и целых социальных групп. Речевой портрет определяется с помощью различных методик, часто с помощью письменных источников, к которым можно отнести ассоциативный тест [1, 2]. На основе таких тестов составляются ассоциативные словари [2].

Речевой портрет формируется благодаря коммуникации с другими людьми и рефлексии – это основные факторы его образования. По мнению М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой [1], их можно разделить на внешние и внутренние. К внешним факторам относится социум, ко внутренним – биологические и психологические особенности личности.

В рамках социокультурного аспекта в ходе речевого портретирования исследователями учитываются гендерные, психологические, возрастные особенности языковой личности.

Именно совокупность уникальных черт языковой личности способствует ее «узнаваемости» и созданию целостного образа.

Создание речевого портрета включает в себя психолингвистический подход, так как, с одной стороны, анализируется содержание сказанного или написанного, а с другой – происходит выявление мотивов личности, являющейся автором сказанного и выбравшей из сотней тысяч лексических единиц именно данные слова [1].

Слова-реакции на стимул могут дать отсылку к мыслям человека в текущий момент. Возможно выяснить, какими категориями мыслит данная личность: антонимичными или синонимичными единицами. Или, может быть, в мышлении встречается больше синтагм. Иссле-

дование языковой личности позволяет выявить когнитивные свойства как определенной группы, так и конкретного человека. Вполне возможно определить, в каком кругу человек чаще всего общается.

Выбор студенческой социальной группы в качестве респондентов представляется разумным вариантом вследствие достаточной физиологической и психологической зрелости этой возрастной группы.

Исследования проводились на базе ТГПУ им. Л.Н. Толстого. Исследованию подвергались студенты с разных факультетов (ИиП – истории и права, ИСиГН – искусства, социальных и гуманитарных наук, МФиИ – математики, физики и информатики, РФиД – русской филологии и документоведения, ФИЯ – иностранных языков, ФЕН – естественных наук, ФП – психологии, ТиБ – технологии и бизнеса), обоих полов, носители русского языка. Студентам были предложены опросники, созданные на платформе Гугл. Для проведения теста были отобраны слова-стимулы из русского ассоциативного словаря Ю.Н. Караулова, Г.А. Черкасовой, Н.В. Уфимцевой и др. (всего 50 слов): *анализ, армия, брат, быстро, вечер, видеть, знать, дело, деревня, дом, есть, ехать, жадный, жить, журнал, зелёный, играть, интересный, история, который, камера, клетка, курс, любовь, мнение, ненавидеть, определенный, полный, право, прекрасный, простой, пять, ребенок, река, сессия, слава, смерть, сон, тёмный, товарищ, Толстой, точка, тяжелый, угол, умный, университет, читать, хорошо, шпигат, экзамен.*

Эти слова характеризуются разными свойствами (разные части речи, отличается происхождение и т.д.), что позволяет сделать исследование более объективным.

В результате нам удалось прийти к следующим выводам:

1. Больше всего ассоциаций набрали слова, касающиеся ‘проблемных вопросов’ и ‘студенческой жизни’. Высший показатель креативности выявлен у студентов факультета МФиИ, низший – у ФИЯ.

2. В исследовании по факультетам преобладают общеупотребительные слова. Встречаются ассоциации, связанные с профессиональной деятельностью.

3. Ассоциации могут выдать гендерную принадлежность анкетированного. В среднем и девушки, и юноши имеют сходные ассоциации.

4. Могут преобладать синтагматические или парадигматические ассоциации. В ассоциациях встречаются слова из разных сфер упот-

ребления. Не всегда возможно определить факультет студента в зависимости от его ассоциаций.

Было выявлено, какие факторы (внешние и внутренние) могут повлиять на результат. Внешние факторы – принадлежность к определённой социальной группе (в данном случае, факультету университета); количество человек, прошедших опрос. Внутренние факторы – принадлежность к определённому гендеру, особенности мышления конкретного человека.

Были обнаружены особенности языковой личности студентов: специфика мышления, количество слов из разных жизненных сфер.

Литература

1. Соколова О.И., Станиславская С.А. Речевой портрет журналиста В.М. Пескова как носителя полнофункционального типа речевой культуры // *Litera*. – 2020. – № 3. – С. 41- 47.
2. Национальная энциклопедическая служба, педагогическая энциклопедия, ассоциативные словари // Справочный проект группы энтузиастов из Сибири // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://didacts.ru>.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ И МЕДИАДИСКУРСЕ

МЕТАЯЗЫКОВЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ИНТЕРНЕТ- КОММУНИКАЦИИ: ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Аукатова Л.

aukatova.linara@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Байгарина Г. П.

oirat60@mail.ru

Казахстанский филиал МГУ имени М. В. Ломоносова

г. Нур-Султан, Казахстан

Изменения, происходящие во всех сферах реальной действительности, по-разному воздействуют на общество, что может проявляться как в его позитивной реакции на преобразования, так и вызывать сопротивление к переменам. Именно подобные реакции мотивируют языковую личность эксплицитно выражать свое отношение к происходящему, которое, в том числе, проявляется и в виде метаязыковой деятельности носителей языка.

По определению Н.Д. Голева, метаязыковое сознание как составная часть обыденного языкового сознания представляет собой «набор более или менее осознанных представлений рядовых носителей языка о самом языке в его разных проявлениях» [1].

Отмечаемая всеми «языковая свобода» как яркая особенность языка новейшего времени, одной из причин которой является стремительное развитие интернет-коммуникации и в целом медиа-дискурса, проявляется в процессах производства и распространения различных по происхождению и стилистической окраске слов, в возможности подвергать оценке любой предмет речи, а также в стремлении выразить отношение к употреблению каких-либо лексических единиц.

Рефлексивную деятельность и метаязыковые высказывания, в которых она вербализована, рассматривают как осознанный мыслительный процесс по интерпретации языковых единиц и в целом считают «неотъемлемой чертой языковой личности».

В современном медийном дискурсе метаязыковые высказывания представлены в различных формах. Вслед за И.Т. Вепревой мы будем

квалифицировать их как метаязыковые комментарии по поводу употребления отдельных слов, выражений и метаязыковые интерпретации. Добавим, что многие исследователи в качестве основной единицы языковой рефлексии используют предложенный И.Т. Вепревой термин рефлексив [2: 76].

Общепризнанным является мнение о том, что метаязыковые высказывания, как правило, предполагают «не столько модель действительности, сколько субъективно-авторский комментарий к изображающим событиям и фактам» [2: 95], который имеет установку на определенную реакцию. Важно отметить, что использование метаязыковых высказываний в речи способствует достижению личных целей и возможности манипулирования общественным сознанием.

Например, *«Мне кажется, с распространением общения в соц. сетях в эпоху ковида язык, «обогащенный» этими анτισловами, выражениями и обильно приправленный орфографическими ошибками и нецензурными выражениями, очень обеднел»* (facebook.com). Здесь представлено авторское мнение-полагание о языке ковидной эпохи, в котором выдвигается предположение, но сделанное с большой степенью уверенности, поскольку это мнение аргументировано. Выражена оценка в виде иронии – «обогащенный» – с помощью кавычек как средства выражения иронии, сигнализирующих о том, что слово употреблено в противоположном значении. Кроме того, в высказывании дана оценка явления в форме избыточной метафоричности, как это свойственно культуре постмодернизма.

А в следующем примере представлен субъективно-авторский комментарий по поводу того, как в социальных сетях реагируют на одну из типичных для современной действительности ситуаций: *«Как только в очередной раз дорожают продукты питания, сразу в сми начинают трюндеть о вреде мяса, рыбы, всего и вся. Идите к чорту! Сами ешьте свой гидролизат из отходов деревообработки, из которого делают почти «все отечественные протухты питания»* (72.ru). Как видим, воздействующий характер этого комментария достигается соответствующими оценочными средствами, среди которых авторский неологизм – контаминант «протухты», образованный продуктивным способом словообразования – контаминацией: «протухты» – это «продукты, которые протухли», слово образовано путем объединения частей двух лексических единиц.

Явление метаязыковой интерпретации реализуется в образованиях, которые «оцениваются как аксиологические высказывания с преобладанием рациональной или эмоциональной реакции, направленной на собственное отношение к слову, но апеллирующей к мнению адресата» [2: 80]. И.Т. Вепрева отмечает, что метаязыковая интерпретация помимо эксплицитной языковой информации, поставляемой через текст, вербализует также интерпретирующее, или «глубинное», понимание лексической единицы [2: 80].

В метаязыковом контексте *«Знаешь, для меня вот продуманность, в том смысле которой она есть, это такая история, где ты себе пытаешься везде подстелить соломки, что-то просчитать, где-то как-то подсуеиться. А что я говорю – это поток, течение реки»* (youtube.com) представлена авторская интерпретация явления «продуманности». Используемый разговорный метаоператор «в том смысле, которой она есть» уточняет, что именно таким образом понимает это явление автор высказывания.

Метаоператоры, являющиеся структурно-семантическим компонентом метаязыковых высказываний, могут пояснять как в целом рефлексивный контекст, так и отдельную языковую единицу. Считается, что метаоператоры, относящиеся к тексту в целом, являются преимущественно клишированными, к примеру, «грубо говоря, короче говоря, как принято говорить, между прочим» и т.д. [3: 7]. Метаоператор может выступить заместителем имплицитно выраженной интерпретации того или иного явления, как, например, «– *А грести в этом течении нужно? – ох... эээ, ну короче нет*» (youtube.com). Здесь, вместо ответа на вопрос, один из коммуникантов помимо звуков, заполняющих паузу, в силу определенных прагматических причин с помощью метаоператора «ну короче» выразил отказ от объяснений, которые бы прояснили суть дела.

Метаоператоры, комментирующие языковую единицу, дающие оценку словам, словоформе и даже их звучанию, более разнообразны, их можно отнести к индивидуально-авторским.

Например, *«Мне это понравилось «Хамостийность – независимость от общественного мнения, сочетающаяся с приверженностью принципу «хамить всегда, хамить везде»* (facebook.com). В этом высказывании слово «хамостийность» получило положительную авторскую оценку в виде метаоператора «мне понравилось», который употребляется при комментировании слова, вызывающего у говорящего в силу индивидуально-вкусовой оценки позитивные,

приятные эмоции [3: 82]. Оценочный характер этого рефлексива усиливается и за счет использования модификации прецедентного феномена *«хамить всегда, хамить везде»*.

А в высказывании *«еще: в переводе сказки С. Кинга есть дракониха, положительная, в сущности героиня. Слово бесит. Как бы еще можно перевести dragon lady?»* (rusforus.ru) глагольный метамаркер «бесит» употребляется говорящим при комментировании звукового комплекса слова, вызывающего у адресанта негативную оценку.

Таким образом, в медийном дискурсе для носителей языка широко представлена возможность свободно выражать свое отношение к любому компоненту коммуникативного акта, давать оценку используемым лексическим единицам. Метаязыковые высказывания, являющиеся проявлением личностного начала в языке, можно отнести к характерным особенностям современного медийного дискурса.

Литература

1. Голев Н.Д. Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-391405.html>.
2. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 380 с.
3. Сидорова В.В. Метаязыковые высказывания: лексикографическая интерпретация и эвристический потенциал: дис. ...магистра филологии. – Екатеринбург, 2014. – 149 с.

СПЕЦИФИКА ИЗУЧЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ И СВОЕОБРАЗИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Байрак К.

bayrak1999@mail.ru

Научный руководитель: к.п.н., доцент Куртева О.В.

oxana-curteva@mail.ru

Комратский государственный университет

г. Комрат, Молдова

Каждое художественное произведение подобно драгоценному камню с многочисленными гранями, отражающими культуру народа, своеобразие стиля, мировоззрение автора, а также дух и настрой

исторической эпохи. В виду этого, многочисленные научные деятели и, собственно, литераторы, широко рассматривают вопрос языкового своеобразия и особенностей художественных произведений. Важно изучать специфику создания художественного текста, на основе чего образуется фундамент отличительных черт произведений. Обращая внимание на первые шаги авторов, можно проследить «красную нить», демонстрирующую особенности конкретного произведения. Каждое авторское «детище» уникально по-своему и изучить «общую» специфику художественных произведений возможно лишь, рассматривая каждую литературную работу в отдельности.

При изучении данной языковой категории целесообразно отмечать, что она обширна и практически не имеет границ. Автор художественного произведения обладает свободой в выборе языковых средств. Этим, в свою очередь, авторы текстов других стилей не могут похвастаться. Язык художественной литературы многолинеен, незамкнут, не имеет специфических примет. Приятно осознавать, что авторы свободны в выборе стиля, в передаче эмоциональных окрасов, а также в подборе всевозможных локальных и характерных выражений как из литературной речи, так и из разговорной, со своими особенностями, потешными, но добрыми формами высказывания, а также некой прелестью и ностальгической меланхолией.

Углубляясь в изучение художественного слова, нельзя не затронуть тот факт, что это явление многогранное, имеющее два внушительных столпа, на основе которых держится общая «конструкция». Так, первый столп отвечает за вымышленную предметность, фантастические образы, а также разнообразные былинные действия, и порой виртуальную действительность. Вторая опора художественной литературы – это речевые конструкции, чёткие и точные «уставы» словесных структур. Таким образом, данная особенность, а собственно, двухаспектность литературных произведений позволила учёным основательно говорить о том, что художественная словесность совмещает в себе два разных направления, два, граничащих друг с другом, искусства: искусство вымысла и искусство слова – языкового чутья и умения грамотно, но стилизовано представить вымысел [3: 54].

Нельзя забывать тот факт, что каждая художественная словесность подвластна прихотям исторического периода. Она эволюционирует и развивается, расширяет горизонты, вбирая в себя новые особенности и многоуярусность, характерную для той или иной эпохи.

Такие классики, как Пушкин А.С., Гоголь Н.В., Чехов, А.П. и многие другие занимались выявлением особенностей художественной словесности. Однако, выделяя главное, можно отметить, что *«общая стилистика языка меняется во времени, и перемены эти связаны с теми открытиями, которые делают писатели и поэты в своих произведениях.»*

Художественное произведение может и должно изучаться, с одной стороны, как процесс становления идейно-творческого замысла автора, и с другой – как конкретно-исторический факт, как закономерный этап в общем развитии словесно-художественного искусства народа. *«Исторический подход к изучению языка художественной литературы и специфических закономерностей его развития убеждает в том, что развитие русского литературного языка и его норм различны в разные периоды истории культуры народа»* [1: 72].

Немаловажным в сфере изучения самобытности художественной литературы является понимание и осознание индивидуального стиля автора, его своеобразия, мировоззрения и особенности передачи личного опыта сквозь призму литературных оборотов, метафор, аллегорий и прочих средств выразительности.

Особенности языка художественной литературы в целом определяются несколькими факторами. Для него характерна широкая метафоричность, образность языковых единиц, наблюдается использование синонимов всех типов, многозначность, разные стилевые пласты лексики. *«Все средства, в том числе нейтральные, призваны служить здесь выражению системы образов, поэтической мысли художника»* [1: 167].

Языковое содержание художественных произведений одного и того же автора может иметь множество отличительных черт. Нет точного алгоритма и волшебного секрета, который всегда бы давал идеальный результат. В каждом отдельном произведении заключен уже свой особый способ создания работы, что подтверждает главную идею данной статьи – нет точно определённых параметров, по которым можно охарактеризовать и изучить особенности всех художественных произведений как единого, цельного явления. Безусловно, может быть общий каркас, структура, но на них всегда нарастают новые особенности и тонкости, характерные для конкретного произведения, но чуждые для другого, или наоборот.

Целью и задачей изучения языка художественного произведения является показ тех лингвистических средств, посредством которых выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературных произведений. Такими средствами, в частности, являются изобразительно-выразительные средства языка, к которым относятся эпитеты, метафоры, литоты, гиперболы и другое.

Указанные особенности и своеобразие художественных произведений учтены при выборе учебных текстов в действующих учебниках, составленных в соответствии с национальным kurikulumом Республики Молдова. Интегрированный характер построения уроков русского языка и литературного чтения, предусматривающий изучение языковых категорий на базе текста, поликультурный компонент, проявляющийся в художественных произведениях, а также самобытность молдавских и гагаузских писателей и поэтов, – все это находит свое отражение и в выборе лингвистических средств учебных текстов [2].

Итак, для лучшего усвоения художественного произведения важно осознавать семантическое значение использованных автором высказываний. Необходимо хорошо ориентироваться в средствах выразительности, которые обязательно укажут на специфику того или иного текста. Изучая структуру и строение художественной словесности, немаловажно обращать внимание на исторический период создания того или иного произведения, т.к. именно от этого может зависеть своеобразие сюжетных линий, каноничность содержания, структурное оформление и логическая поэтапность. Нельзя забывать о мировоззрении и опыте самих писателей, их восприятии мира и эстетических наклонностей. Также важно помнить и о том, что нет единого секрета, который даст клишированное и категоричное представление об особенностях художественных произведений.

Таким образом, изучая самостоятельно особенности художественных произведений, вовлекая в эту деятельность коллег, студентов вузов или даже юных дарований, важно делать упор на неповторимость, своеобразие данного вида литературы, его богатство и, практически, отсутствие границ.

Литература

1. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М.: Госполитиздат, 1959.

2. Дрозд Г.Д., Бородаева О.Ф., Куртева О.В. Родное слово: Русский язык: 4 класс. Учебник для школ с обучением на русском языке. – Кишинэу, 2017. – 224 с.
3. Хализев В.Е. Теория литературы: учебник. – М.: Высш. шк., 2004.

КОНЦЕПТ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Бакытжан Н., Сулейменова Х.

bakytzhann_a@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Шакенова М.Т.

maigul1379@mail.ru

Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова

г. Шымкент, Казахстан

Важным условием современной коммуникации во всех сферах человеческой жизнедеятельности является толерантность, поскольку она составляет основу моральной устойчивости личности и общества. Важно проявлять уважение к различным взглядам, культурам, языкам и др. Толерантность также должна быть составляющей современных массмедиа, поскольку, как известно, СМИ справедливо называют «четвертой властью», так она представляет собой инструмент формирования общественного мнения и настроения и может отражать радикальную информацию, негативно влияющую на широкую массмедийную аудиторию. Такая информация может формировать новую мораль либо выходить за рамки общепринятой морали, формировать определенные предрассудки и стереотипы, разжигать раздоры и призывать к дискриминации и др.

В научной литературе существует множество определений термина «толерантность». Так, исследователь Л.М. Романенко отмечает, что это явление еще зародилось в античный период и понимает под ним «признание и уважение прав и свобод человека, которые, несмотря на все различия, должны быть одинаковыми для всех» [1]. Авторы книги «Коммуникативные аспекты толерантности» понимают ее как «терпение к другому, иному, не такому, как ты» [2]. Исследователь И.А. Долгова подчеркивает, что основным в понимании толерантности является «готовность принять «других» такими, как они есть, и взаимодействовать с ними на основе понимания и согласия» [3].

В текстах массмедиа часто можно увидеть толерантное или интолерантное отношение к тем или иным явлениям и процессам, при этом автор использует определенные языковые средства и способы построения и оформления текста. В своей работе мы используем классификацию толерантности, представленную в работах М.С. Мацковского: политическая, межнациональная, расовая, религиозная, гендерная, возрастная, физиологическая, образовательная, географическая, межклассовая, сексуально-ориентационная, маргинальная толерантность [4]. Данную классификацию мы дополнили еще одним видом толерантности, продиктованным новыми сложившимися условиями – пандемией и угрозой распространения COVID-19. В связи со сложившейся эпидемиологической ситуацией во всем мире и нашей стране, в частности, на страницах газет актуальной является тема вакцинации населения, которая получила неоднозначную трактовку в массмедиа. Рассмотрим три вида толерантности, которые активно представлены в современном русскоязычном медиадискурсе Казахстана.

Межнациональная толерантность/интолерантность – отношение к различным нациям. Примеры: *Ежегодно в целях укрепления межнационального понимания и согласия проводится празднование особенной даты – Дня единства народов Казахстана, что свидетельствует о важности толерантности (daz.asia). Несмотря на то, что казахи позиционируют себя как толерантный этнос, в современном Казахстане население нередко испытывает к большинству мигрантов неприязнь и в некоторой степени страх (edu.e-history.kz/ru).*

Религиозная толерантность/интолерантность – отношение к различным конфессиям со стороны верующих и неверующих. Примеры: *Разгром суфистов привел к укреплению позиций ваххабитов, и они как никогда близки к тому, чтобы Казахстан превратился в территорию синкретического ислама – так считает автор, пожелавший остаться неизвестным. ... Его основным идеологическим содержанием является пропаганда экстремизма под религиозными лозунгами (zonakz.net).*

Межклассовая толерантность/интолерантность – терпимое отношение богатых к бедным, бедных к богатым. Например: *Пропасть между богатыми и бедными как будто бы уменьшается. Но это чисто статистическая опция. По ощущениям, она наоборот увеличивается – богатая прослойка населения получает все больше*

доходов, а заработные платы бедных не увеличиваются так быстро – им не хватает образования, квалификации (yvision.kz). Чем больше бедных в стране, тем больше потребуется увеличивать социальные расходы на поддержку уязвимых слоев населения. На это наши чиновники всегда идут неохотно. К тому же официальное признание роста количества бедных людей в Казахстане негативно бьет по репутации страны (forbes.kz).

Толерантность/интолерантность к вакцинации, невакцинированным – отношение к вакцинации, вакцинированным и невакцинированным от COVID-19. Например: По поводу вакцины "Спутник V" мы направили запрос в Духовном управлении мусульман России. ... Нет подтверждения, что компоненты вакцины являются харамом (запретными для мусульман – прим. автора). Мы считаем, что "Спутник V" относится к халяльной вакцине (<https://yandex.kz>). Неприятный «сюрприз» подготовили для невакцинированных казахстанцев. С 5-го января жителям с "синим" статусом запретят посещать ТРЦ, ЦОНы, банки, отделения Казпочты, фитнес-центры, караоке и сауны. Астанчане непопулярное решение Минздрава восприняли без энтузиазма. Даже вакцинированные считают такие меры дискриминацией (astanatv.kz).

Таким образом, в массмедиа очень часто отражается как толерантное, так и интолерантное отношение к важным понятиям, явлениям и процессам, поэтому борьба с проявлениями интолерантного поведения в масс-медийном пространстве является одной из важнейших проблем современного общества.

Литература

1. Романенко Л.М. Лики российской толерантности. Размышления участницы симпозиума // Полис.– М., 2002. – № 6.
2. Стернин И.А., Шилихина К.М. Коммуникативные аспекты толерантности. – Воронеж: ИСТОКИ, 2001. – 110 с.
3. Долгова И.А. Лингвокультурный концепт «толерантность» // Проблемы лингвокультурологии и теории дискурса: сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика, Н.А. Красавского. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 61-64.
4. Мацковский М. Толерантность как объект социологического исследования / М. Мацковский // Век толерантности. – 2001. – № 3-4.

ЯЗЫК СМИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА: К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЕЙ

Горячева С.

astahowa.yul@yandex.ru

Научный руководитель: ст. преподаватель Астахова Ю.Г.

svatlashfin@mail.ru

Лунецкий государственный технический университет

г. Лунецк, Россия

В настоящее время средства массовой информации динамично развиваются, что обусловлено тенденциями глобализации медиапространства и международного информационного обмена. Национальные СМИ активно обсуждают проблемы, свойственные другим странам, и при этом очень важно, чтобы их язык был не только грамотным с точки зрения журналистики, но и чтобы соблюдалась политкорректность в процессе передачи информации.

При этом очень важно, чтобы перевод иноязычных материалов, которые используются национальными СМИ в процессе формирования информации, был качественным и верным. Это очень важно в связи с тем, что при недостаточно корректном описании чужой культурной реальности могут возникнуть проблемы, связанные с неверным восприятием информации, которую преподносят средства массовой информации, с частичной или полной потерей ее смысловой нагрузки, глубины, выразительности для реципиентов. Все это говорит о том, что язык СМИ и национальная языковая картина не только связаны, но и взаимозависимы [1: 89].

Кроме того, язык массовых коммуникаций сегодня является мощным средством манипуляции общественным сознанием. В зависимости от того, как он используется, зависит и состояние всей информационной среды в целом, ее окраски и характеристик [3].

В современных исследованиях на передний план при изучении особенностей языка СМИ становится проблема объективности отражения фактов. Многие теле-, радио- и интернет-каналы в настоящее время обладают высокой степенью политизированности, и в связи с этим нередко комментируют те или иные события, происходящие в мире, исходя из национальных политических доминант. Ярким примером является освещение военной операции в Сирии и роли в ней

России со стороны разных СМИ. Например, перед освобождением сирийского города Ракки на канале «Euronews» прозвучала информация о том, что «в Сирии бойцы курдских формирований «пешмерга» и силы сирийской оппозиции начали наступление на город Ракку, считающийся оплотом террористической группировки «Исламское государство». Военная операция проводится в координации с международной коалицией во главе с США. К освобождению Ракки присоединяется и Россия. В МИД России заявили, что Москва приветствует любые действия по борьбе с ИГ» [5]. Заявление МИД России о том, что Москва приветствует любые способы по борьбе с ИГ, размещенное «Euronews», применительно к действиям армии ВС США в Ракке вырвано из контекста, поскольку такие методы, к примеру, как бомбардировка для целей зачистки от террористов, в ходе которой погибает и мирное население, для нашей страны неприемлемы. Тем не менее, позиция России в борьбе с ИГИЛ по факту максимально конструктивна, и это признают все средства массовой информации.

Говоря о зарубежных СМИ, можно отметить, что в последнее время, на фоне обострения отношений некоторых стран с Россией, у них нередко расходятся версии, описывающих события, в разных информационных источниках, а также прослеживается доминирующая роль оценочных суждений и прогнозов над фактами, приведение мнений анонимных либо неизвестных и малоизвестных общественности исследователей, и даже наличие провокаций и приведение оскорбительных для России мнений [7]. У российских СМИ прослеживается четкая последовательность изложения хронологии событий, нейтральная оценка действий других стран, отсутствие оскорблений политических оппонентов, приведение мнений официальных представителей от дипломатических и военных ведомств (например, освещая события в Сирии, российские журналисты ссылались чаще всего на Минобороны РФ, МИД РФ или Сирии, официальное информационное агентство Сирии «SANA», в отличие от зарубежных корреспондентов, которые редко использовали ссылки) [8].

Таким образом, представленные примеры позволяют сделать вывод о том, что язык СМИ в настоящее время является мощным средством воздействия и влияет на восприятие носителями языка событий и фактов реальной жизни в том виде, в котором они представлены и изложены средствами конкретного языка. В свою очередь, от того, насколько профессионально работает то или иное средство

массовой информации, во многом зависит его рейтинг и популярность.

Литература

1. Акопян А.Г. Язык СМИ и национальная языковая картина мира: к проблеме взаимосвязей и взаимозависимостей // Научная мысль Кавказа. – 2019. – №1 (97). – С. 89-95.
2. Богдановская Н.Б., Мавлина И.Т. Организация преподавания иностранных языков в неязыковом вузе. // Проблемы гуманитарных и социальных наук в современном мире: Сб. материалов международной научно-практической конференции. – Тамбов: Изд.-во Першина Р.В., 2013. – 191 с.
3. Ерофеева И.В. Язык современных СМИ: проблема миромоделирования // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. – 2012. – №4 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>
4. Стриканова Е.Н., Компьютерные технологии в изучении иностранных языков. // Актуальные вопросы современного гуманитарного образования: Сб. научных и творческих работ. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2016. – 340 с.
5. Сирия: начало операции по освобождению Ракки // Ru.euronews.com // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.euronews.com/2016/05/24/>
6. Томилина Н.Ю. Языковая специфика тексто-электронной коммуникации в эпоху культурной виртуализации. // Гуманитарные технологии в современном мире: Материалы VIII Международной научно-практ. конф. – Калининград: Изд.-во «РА Полиграфычъ», 2020. – 169 -176 с.
7. Качалкин А.Н. Роль СМИ в межнациональном общении. Менталитет и речевой этикет нации // Специфика межкультурной коммуникации в текстах СМИ // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vartist.narod.ru/text12/>
8. Фадина Е.Ю. Иностранный язык как средство активизации профессионально-личностного развития студента // Профессиональное лингвообразование: материалы десятой международной научно-практической конференции. – Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2016. – 468 с.
9. Юсупова А.М. Интернет-культура в языке современных СМИ // Гуманитарно-педагогические исследования. – 2018. – №2. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДИЙНОЙ СУРГУТСКОЙ РЕКЛАМЫ

Голубенко Д.

Dasha5582@yandex.ru

Научный руководитель: д.ф.н., доцент Сироткина Т.А.

sirotkina71@mail.ru

Сургутский государственный педагогический университет

г. Сургут, Россия

Развитие Интернет-коммуникации и мобильной связи раздвинуло границы публицистического стиля. Если в конце XX века предприятия в качестве презентации способов предоставления своих товаров и услуг чаще всего использовали объявления в газетах, на радио и телевидении, то с момента перехода индустриального общества к постиндустриальному стал актуален такой метод конкуренции, как реклама, в частности, реклама в интернет-пространстве.

В современном мире «без рекламирования немыслима успешная деятельность производителей в условиях рыночной экономики, когда на первое место выступает задача не произвести как можно больше товаров и услуг, а больше их предложить и продать» [2: 436].

Исследователи выделяют такие виды рекламы в Интернете, как медийная, контекстная, тизерная, вирусная реклама и т.д. Что касается структуры рекламного текста, то в ней обычно присутствуют такие композиционные компоненты текста, как заголовок, подзаголовок, лид, основной текст, эхо-фраза. Данные компоненты не являются обязательными и могут варьироваться. Но заголовок в любой рекламе важен, поскольку именно он привлекает внимание аудитории.

Жанр рекламы имеет следующие признаки: воздействующий и информационный характер; краткость информации, но в то же время разнообразие стилистических приемов; адресация информация не определенному кругу лиц, а масштабной аудитории вне зависимости от пола, возраста, национальной принадлежности и т.д.

В данной исследовательской работе анализируются 30 примеров медийной рекламы Сургута на русском языке, размещенных в сети Интернет в социальной сети ВКонтакте в трех часто посещаемых гражданами группах «О, Сургут!», «Сургут», «ОД 'Дай лапу' (г.

Сургут, ХМАО): <https://vk.com/osurgut>, https://vk.com/obl_sgt4, https://vk.com/daylapu_surgut.

Реклама выбрана по 7 темам: спорт, еда, животные, детские развлечения, реклама услуг, обучение, кино. Чаще всего реклама в данных группах встречается по темам «Еда» (10%), «Детские развлечения» (13%) и «Реклама услуг» (30%). Менее всего по темам «Обучение» и «Кино».

Рассмотрим выявленные нами синтаксические особенности медийной рекламы г. Сургут:

– в рекламных текстах используются односоставные предложения (назывные – 63% и определенно-личные – 37%). В основе определенно-личного предложения – сказуемое в форме 2 лица повелительного наклонения, это способствует побуждению читателей к действию, создает диалогизированную форму между адресантом и адресатом. Сказуемые «*совершите*», «*помогите*», «*запусти*» и т.д. содержат мягкое побуждение читателей. Например:

– в сургутской рекламе чаще всего встречаются простые глагольные сказуемые (93%), реже – составные глагольные (4%) – «*может прийти и погулять*», «*помогите покормить*» и составные именные сказуемые (3%) – «*акция доступна*»;

– в рекламных текстах мы отметили употребление парцелляции для более лаконичной передачи информации;

– основными элементами структурного осложнения простых предложений в рекламе являются однородные члены предложения – «*Тревога, проблема или ресурс?*»;

– в сургутской рекламе часто используются вопросительные и восклицательные предложения, например: «*Самый лучший подарок!*», «*Распродажа горит!*»;

– средством воздействия на сургутских читателей в рекламе является графика: хештеги «#городаЮгры», иконки социальных сетей, смайлики;

– второстепенные члены предложения используются в равной мере. Определения встречаются 32 раза (среди них есть приложение «*Кешка-сладкоежка*»), дополнения – 27 раз (чаще встречаются косвенные дополнения), обстоятельства – 25 раз (мы отметили обстоятельства места «*в сети магазинов*», «*в Сургуте*», «*в приложении*», «*на парковке*» и обстоятельства времени «*с 23 апреля*», «*в 10:00*»).

Таким образом, графика, второстепенные и однородные члены предложения, восклицательные и вопросительные предложения, парцелляции и односоставные предложения помогают рекламодателям умело проинформировать и заинтересовать сургутян.

Литература

1. Вартанова Н.Г. Особенности синтаксиса рекламных текстов / Н.Г. Вартанова, М.С. Володина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – М., 2019. – № 7. – С. 238-242.
2. Таюпова О.И. Реклама как вид медиатекста // Российский гуманитарный журнал. – 2017. – №5. – С. 435-441.
3. Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов / Под ред. М.Н. Володиной. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. – 760 с.

ШУТКА КАК ТАКТИКА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОМ ТЕЛЕДИСКУРСЕ

Колосова А.

anastasia_kolosova@inbox.ru

Научный руководитель: д ф.н., профессор Шестерина А.М.

shesterina8@gmail.com

Воронежский государственный университет

г. Воронеж, Россия

Речевое поведение телеведущего, включающее его навыки и особенности устного публицистического стиля речи, способно воздействовать на чувства и эмоции массовой аудитории. По мнению А.А. Давтян, важная функция эмоций заключается в способности привле-

катель внимание человека [1: 170]. Очевидно, что речь, вызывающая сильную эмоциональную реакцию, мгновенно вызывает интерес со стороны телезрителей, заставляет смотреть программу дальше.

Предлагаемое исследование основывается на материале вечерней развлекательной программы «Вечерний Ургант», российской адаптации американского формата late night show. Во время телешоу ведущий Иван Ургант в непринужденной манере общается с героями программы, большинство из которых являются представителями эстрады, кино и других творческих профессий. Так как передача позиционируется как юмористическая, ведущий часто использует шутки, которые Н.Н. Горяинова классифицирует как отдельную тактику речевого воздействия, способную влиять на восприятие реципиента [2: 12]. Для развлечения телеаудитории и поднятия настроения гостей студии Иван Ургант обращается к их положительным эмоциям, шутя различными способами. Рассмотрим их подробнее.

Прежде всего, Иван Ургант применяет тактику шутки, апеллируя к прецедентным феноменам, к которым относятся общеизвестные имена, ситуации, высказывания и тексты. По утверждению М.В. Черноморец, прецедентная личность, как правило, обладает определенным культурным авторитетом или антиавторитетом у людей, имеющих общие фоновые знания и говорящих на одном языке. В связи с этим телеведущий может использовать её концепт для оказания воздействия на аудиторию [3: 40]. То есть одновременно с развлекательной реализуется и персуазивная функция данного языкового явления. Приведём пример: «*По хореографии я узнал Аллу Духову*» («Вечерний Ургант», выпуск от 01.10.2019). Ведущий, прибегая к хорошо известному речевому образу, создает ассоциативный ряд со знаком плюс или минус, который телезритель может легко соотнести со своей апперцепционной базой и распознать отношение говорящего к собеседнику. Так в приведенном выше примере мы видим, что Иван Ургант, оценивая танец блогера Анастасии Ивлеевой, обращается к личности Аллы Духовой, художественному руководителю международного балета «Тодес», вследствие чего его речь обретает иронический подтекст.

В следующей реплике Ивана Урганта прецедентное имя выступает в качестве символа определенных событий. Телеведущий с помощью упоминания «России 1» в шутливой форме делает отсылку к собственному уходу с данного телеканала:

– *Ты вот бегаешь, я знаю.*

– Нет, я не бегаяю. Откуда ты знаешь? Нет, то, что говорят на канале «Россия», что я бегаяю... Я просто один раз убежал с канала «Россия», и всё («Вечерний Ургант», выпуск от 08.10.2019).

Далее актуализируется информационно-фактуальный компонент концепта «телеканал «Спас»». Во время разговора со спортивным комментатором Дмитрием Губерниевым ведущий апеллирует к знаниям телезрителей, которым, по его мнению, известно, что телеканал «Спас» отличается православной тематикой: «Это на другом канале. Когда тебя на «Спас» позовут!» («Вечерний Ургант», выпуск от 08.10.2019).

Иван Ургант, используя тактику шутки, может специально нарушать нормы публицистической речи. Телеведущий, стремясь создать непринужденную атмосферу в студии и раскрепостить приглашенного гостя, обращается к разговорной и просторечной лексике, которая обладает эмоционально-экспрессивной окраской:

– У меня появились первые хейтеры. Они говорят: «Наши дети поют: «Алкоголичка»! Перестаньте!»

– Они мешают нам пить! Мы не можем спокойно сидеть! У нас водяра не лезет! («Вечерний Ургант», выпуск от 11.10.2019).

«У тебя биполярочка, Саш!» («Вечерний Ургант», выпуск от 11.10.2019).

Иван Ургант также намеренно искажает произнесённые гостем слова для создания комического эффекта. Нарушая нормы русского языка, Иван Ургант придает своей речи оттенок неофициальности, который весьма важен для успешного проведения неформального интервью с селебрити. Например:

– Где какая-то жизнь? Я её не нащупала тогда.

– Ага, но потом сменив «шуп»... («Вечерний Ургант», выпуск от 13.09.2019).

– Ванечка, прости, но на следующий год тебе хана.

– Да что ты! А я думал, как будет выглядеть моя «хана». А она пришла ко мне вот в такой кепке со стразами и футболке с маленьким Димочкой Губерниевым («Вечерний Ургант», выпуск от 08.10.2019).

Таким образом, мы видим, что с помощью юмора телеведущий не только реализует рекреационную функцию программы «Вечерний Ургант», но и воздействует на телезрителей для удержания их внимания. Так, например, используя прецедентные феномены, Иван Ургант придает выразительность своему юмору и актуализирует в

сознании аудитории определенные образы, через призму которых она воспринимает и оценивает объект шуток. В речи телеведущего подобные концепты выражены чаще всего эксплицитно, то есть он не делает скрытых отсылок, а прямо называет имена известных личностей, названия телеканалов, которых он упоминает в своих шутках. В приведенных выше высказываниях содержатся также сниженные, просторечные слова и лексические ошибки, имеющие яркий эмоциональный характер, которые, с одной стороны, настраивают собеседника на разговорный стиль общения, а с другой – привлекают внимание телезрителей и веселят их.

Литература

1. Давтян А.А. Роль эмоции в процессе рекламного воздействия на потребителей // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж, 2005. – № 2. – С. 170-181.
2. Горяинова Н.Н. Стратегии и тактики речевого поведения с применением высказываний похвалы и одобрения: автореф. дисс.... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2010. – 20 с.
3. Черноморец М.В. Коммуникативно-прагматические особенности функционирования концептов прецедентных личностей в масс-медийном дискурсе (на материале современных немецких СМИ) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Волгоград, 2008. – № 2(26). – С. 37-41.

НАИМЕНОВАНИЯ ЖИВОТНЫХ В СТИХОТВОРЕНИЯХ В. ВЫСОЦКОГО

Ло Чунь

1317535303@qq.com

Научный руководитель: доцент Бурцева Т.А.

tat-bura@yandex.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет

г. Казань, Россия

Данная статья посвящена вопросу наименования животных в стихотворениях В.С. Высоцкого. Согласно Толковому словарю русского языка, «наименование – то же, что название» [1: 382]. Как и многие писатели, В. Высоцкий в своем творчестве часто использовал образы различных животных, с помощью которых передавал свои мысли, чувства, отношение к тем или иным событиям и людям.

В мировой и русской литературе многие авторские произведения связаны с животными, произведения В. Высоцкого не исключение.

Большое место в поэзии Высоцкого принадлежит образу *волка*. Волк в мифологии народов мира часто символизирует родоначальника племени, лидера. Для большинства народов мира *волк* – символ злобы, агрессивности и свирепости, алчности и кровожадности, но также и символ бесстрашия, благородства и победы [2: 65]. Волк часто сравнивается с человеком, искушенным в каком-либо деле, много испытавшим, привыкшим к невзгодам, опасностям. Русские считают, что волк воет, когда он голоден или попал в беду, чтобы вызвать сочувствие у другого волка. У В. С. Высоцкого образ волка более сложен и многозначен. Так, например, используя отлицетворение, относя себя к волчьему племени и показывая невинность и ребячество волчьих щенков при рассмотрении проблем, Высоцкий усиливает эффект внутреннего конфликта, через образ волка он отражает уродство социальной психологии и оковы образа мышления того времени: *«Волк не может нарушить традиций, //Видно, в детстве слепые щенки. //Мы, волчата, сосали волчицу, //И всосали: нельзя за флажки! //Те, кто жив, затаились на том берегу. //Что могу я один? Ничего не могу! //Отказали глаза, притупилось чутье...//Где вы, волки, бывшее лесное зверье, //Где же ты, желтоглазое племя мое»?*

Наименование «медведь» также занимает немаловажное место в поэтических текстах В. Высоцкого. В русском фольклоре, культуре медведь выступает как популярный герой, в сказках о животных, волшебных сказках его часто называют *хозяином леса, сластёной*. Хотя в русских сказках образ медведя разный, но в большинстве случаев он является символом силы, доброты и хозяина. У Высоцкого часто медведь не хозяин леса, не смельчак, а смутьян и плут. Например: *«Медведь – баламут и плут //Обхамит //кого-нибудь по-медвежьему, //Враз Козла найдут, приведут и бьют: //По рогам ему и промеж ему...»*. Видно, что образ медведя в творчестве Высоцкого отличается от традиционного, и хотя медведь в его поэзии олицетворяет смутьянов и плутов, он также может отражать искаженное социальное статус-кво.

Таким образом, поэзия В.С. Высоцкого насыщена различными наименованиями животных, имеющих символический смысл, их персонификация и необычное ситуативное использование помогли автору ярче изобразить общество и человека в иерархии межличностных,

производственных, бытовых, социальных, национальных и многих других видах отношений. При этом в каждой песне и стихотворении просматривается собственная позиция поэта.

Литература

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 944 с.
2. Иванов В.В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // Изв. АН СССР. сер. Литературы и языка. – 1975. – Т. 34. – №5.

ЖЕНСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В БЛОГОСФЕРЕ КАЗАХСТАНА (НА ПРИМЕРЕ ПОСТОВ ОБЩЕСТВЕННОГО ФОНДА «НЕМОЛЧИ.KZ»)

Макулбекова А.

aizhan.mak2000@gmail.com

*Научный руководитель: д.ф.н., профессор Журавлева Е.А.
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
г. Нур-Султан, Казахстан*

На сегодняшний день «в казахстанском сегменте сети Интернет развивается собственная коммуникативная блогосфера, освещающая актуальные для казахстанцев проблемы и явления и отражающая национальные особенности государства» [1, с. 176]. Наибольшую популярность получили страницы с развлекательным контентом (Yuframe), личные блоги казахстанских знаменитостей (Аша Матай, Ерке Есмахан) и блоги независимых изданий (Vlast.kz). Блог представляет собой достаточно часто обновляемую веб-страницу, состоящую из датированных записей, расположенных в обратном хронологическом порядке [2], каждый блог можно рассмотреть с точки зрения гендерной идентичности их авторов. В данной статье представлено исследование женской языковой личности в казахстанской блогосфере.

Интерес для анализа представляет страница «НеМолчи.Kz» – одного из самых крупных общественных фондов в Казахстане, в частности, посты основательницы и лидера «НеМолчи.Kz» Дины Смаило-

вой. С 2016 года организация работает на волонтерских началах с жертвами бытового и сексуального насилия, что и освещается в социальных сетях. Основательница фонда в юности стала жертвой насилия и смогла рассказать об этом только спустя 25 лет в Facebook, участвуя во флешмобе с хештегом #ЯНеБоюсьСказать. Это дало толчок для организации движения, а позже общественного фонда «НеМолчи». Благодаря тому, что автор блога сама пережила ситуацию и с подобными помогает справляться другим женщинам, в ее постах чувствуется эмпатия и сопереживание.

Фонд ведет блоги в нескольких социальных сетях – в Instagram, Facebook, Youtube, Telegram и Вконтакте. Для общественных организаций наличие страниц на разных блог-платформах необходимо для увеличения охвата читателей. Только за 2020 год охват публикаций в соцсетях составил более 25 млн.

В названии фонда «НеМолчи», благодаря побудительной интонации и неформальной форме обращения, слышен призыв говорить о повсеместном насилии. Глагол с отрицательной частицей «не» написаны слитно, как это принято при написании хэштегов, а сокращение Kz указывает на страну движения (в других странах СНГ существуют организации с аналогичным названием, например, в Узбекистане это «НеМолчи.Уз»).

Все посты в блоге «НеМолчи» объединены хэштегами #НеМолчиKZ, #ЖасырмаKZ, #НеМолчиДетиKZ, #НеМолчу. Хэштег – это метка, которая используется для распределения сообщений по темам в социальных сетях и блогах. Наличие хэштегов упрощает поиск нужных записей.

Для анализа мы взяли 4 поста за 2017, 2019, 2020 и 2021 годы. Слоган общественного фонда: «Молчание порождает безнаказанность, безнаказанность порождает новое преступление!»

В посте под названием «Как искоренить насилие?» 13 сентября 2017 года Смаилова рассказывает о проведенных лекциях по проблеме насилия. В первом абзаце написан ответ на вопрос, поставленный в заглавии: «#Немолчать, #нестыдить жертв насилия, #нетерпеть насилие рядом, понять, что в насилии всегда виноват насильник, нулевая терпимость к насилию, это и есть искоренение!»

Автор ставит знак решетки в самом тексте, стилизуя некоторые слова как хэштеги (ср.: «в зале тишина гробовая и #молчание», «#немолчать и #кричать во весь голос»). Все посты «НеМолчи» написаны на русском языке, однако в тексте встречаются казахские слова

и производные от них, подчеркивающие национальную ментальность и отнесенность к стране. Например, автор часто использует слова «уят» и «уятмен» (каз. «уят» – «стыд», англ. «man» – «человек»). «Уятмен» – тот, кто борется за соблюдение традиционных норм нравственности; моралист (ср.: «трусливые уятмены», «мы виноваты в глазах этих уятменов»).

Пост 30 декабря 2019 года написан в форме отчета по приговорам за прошедший год. Дела названы по именам (или другим обозначениям) пострадавших либо по городу происхождения (ср.: «Дело вдовы», «Дело Дианы Ивановой», «Дело Медеуского насильника»). По каждому делу дана краткая фактическая информация – фамилия преступника, по какой статье осужден, на какой срок, сумма компенсации. В конце поста написан номер телефона доверия и данные карты для пожертвований фонду. Правозащитница призывает граждан к поддержке: «ПОМОГАЙТЕ, ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ! Если мы – простые люди, журналист и продюсер смогли, значит и вы тоже сможете, главное #немолчите!»

В посте 16 ноября 2020 г. говорится о ситуации, в которой двое братьев, обвиненных в педофилии их падчерицами, уходят от ответственности. В тексте Смаилова обращается к конкретным лицам (руководителю Департамента полиции Атырауской области, врачам-психиатрам) с просьбой о помощи. Из 49-и предложений 23 восклицательных, 5 содержат риторические вопросы, что делает текст очень эмоциональным. Автор также использует графические средства – выделяет важные моменты прописными буквами (ср. «уже в декабре ПО АМНИСТИИ»).

13 сентября 2021 года на YouTube-канале HeМолчи.kz появилось видеообращение именитой спортсменки, в котором она рассказала о переживаемом насилии и преследованиях со стороны бывшего молодого человека, о бездействии полиции и спортивной федерации. Под видео опубликован текст Смаиловой, в котором она подробно описывает ситуацию, часто обращаясь к датам событий. Тональность текста взволнованная, автор возмущена несправедливостью и равнодушием окружающих. Из 37 предложений 17 восклицательных, что составляет 45% от текста. Автор снова использует графические средства, передавая повышение голоса (ср.: но есть и процветает дискриминация по половому признаку...в любой сфере ДОСТИЖЕНИЯ ЖЕНЩИН ОБЕСЦЕНИВАЮТ).

За четыре года существования блога «НеМолчи» в Facebook было написано 1885 постов. За это время авторский стиль претерпел существенные изменения. Первые посты были слабо структурированы, в них авторские размышления перемежались рассказами пострадавших, тексты не имели введения и заключения. За несколько лет посты разделились на два типа: отчеты с выжимкой главной информации, включающие в себя только сухие факты, и тексты, описывающие преступления, состояние пострадавших и трудности в попытках добиться правосудия. Речь автора в свежих постах стала более жесткой, откровенной и безапелляционной. Можно заметить, что большая часть текстов написаны в публицистическом стиле, характерными особенностями которого являются актуальность проблематики, политическая страстность и образность, острота и яркость изложения. Они обусловлены социальным назначением публицистики, – сообщая факты, формировать общественное мнение, активно воздействовать на разум и чувства человека [3].

Таким образом, языковой анализ постов лидера «НеМолчи» выявил следующие особенности женского текста: 1. Эмоциональность (восклицательные предложения, риторические вопросы графические выделения). 2. Побудительная интонация (общий призыв не молчать о насилии, обращения к определенным лицам и инстанциям, повторы ключевых слов).

Литература:

1. Журавлева Е.А., Левченко М.А. Блог в казахстанском сегменте сети интернет: формирование и тенденции развития // Приоритеты современной русистики в осмыслении языкового пространства: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию образования Республики Башкортостан и 110-летию создания Башкирского государственного университета, 27 ноября 2019 г. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. – С. 173-179.
2. Горошко Е.И. Гендер и блоггика Интернета (психолингвистический анализ) // Вопросы психолингвистики. – М.: Московская международная академия, 2007. – Вып. 5. – С. 53-61.
3. Особенности публицистического стиля речи // Электронный ресурс: <http://ebooks.semgu.kz/content.php> [Дата обращения: 18.11.2020 г.]

ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ В СОВЕТСКОЙ БАЛЛАДЕ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Набиева З.

zamikn@bk.ru

Научный руководитель: к.ф.н., ст. преподаватель Параскева Е.В.

afina-tiras@yandex.ru

Сургутский государственный педагогический университет

г. Сургут, Россия

Одним из самых значимых жанров в русской советской поэзии, в рамках которого раскрываются события и люди Великой Отечественной войны, стала баллада. Она сочетает лирический психологизм с яркой сюжетной линией, позволяя рассказывать о человеческой душе в сложный исторический период, о душе, поставленной на грань бытия и вынужденной решать вечные вопросы. Историческое художественное сознание уступает ведущую роль личному, индивидуальное художественное сознанию. Проникновение в жанровую структуру авторского начала, авторское раскрытие образа героя и конфликта произведения можно найти в этот период во многих произведениях. Все балладное наследие переосмысливается, вводится, как нам представляется, новый лирический герой.

Отличительными свойствами традиционной баллады являются, как мы знаем, яркий сюжет, двоемирие, особый перечень сюжетных ходов и мотивов (тайна, преступление, чудесное и т.д.), когда в центре находится лирический герой, романтический пейзаж, особый балладный хронотоп. Но советская военная баллада отличается, прежде всего, тем, как в ней переосмысливается роль лирического субъекта, его задач в тексте, как отражается философско-тематическое содержание через систему персонажей.

Советская баллада, конечно, продолжает традицию русской баллады (В.А. Жуковский, А.С. Пушкин), в которой человек был центром космического по своей масштабности конфликта, что продолжает, народно-православную линию в нашей поэзии. Во-первых, в русской балладе двоемирие представлено как столкновение божественного и демонического, света и тьмы, и в советской военной балладе суть этого конфликта сохранена, но произошло усиление, то есть, противопоставляется не фантастическое с реальным, а реальный народ, за которым стоит божественная правда, и демоническое тем-

ное начало (фашизм). Во-вторых, центральный персонаж – весь советский народ. Но образ народа, его борьба за право жить на своей земле реализуется через подвиг одного человека: *«Шел я недаром дорогой побед. // Вновь утро мира горит над страной! // Но за победу, за солнечный свет// Я заплатил дорогою ценою»* [8]; *«В разведку шел мальчишка четырнадцати лет»* [3].

Советская баллада – не исторический роман, она пишется с целью размышления о будущем, а не для того, чтобы рассказать об истории войны. В военной балладе почти всегда за рассказом о прошлом подвиге встает картина будущего всей страны: *«Мы стояли насмерть у тёмной Невы. //Мы погибли, чтобы жили вы»* [5]; *«Я плачу от обиды, что, сидя у костра, не выдержал мальчишка, подумает сестра. //Ей не расскажет ветер, что заметал мой след, как умирал мальчишка четырнадцати лет [3].»*

Мотив подвига затрагивается во всех балладах этого периода. Но подвиг очень разный, у каждого героя он свой. У Владимира Лифшица в *«Балладе о черством куске»* показывается подвиг трёх членов семьи: отец даёт свой кусок хлеба сыну, мальчик же отдаёт его матери, а она возвращает его мужу: *«И кусок этот снова Ему подложила»* [1]. Героизм двух братьев описывает Ольга Берггольц в *«Балладе о младшем брате»*: *«Мой старший брат меня любил. Он все возьмет назад...— ...И штык фашист в него вонзил. И умер младший брат. И старший брат о том узнал. — Прощай, щегленок, — он сказал, — ты постоял за нас!»* [4]. О материнском подвиге говорит Эдуард Асадов в балладе *«Моей маме»*: *«Пуškai ты не сражалась на войне, Но я могу сказать без колебанья: Что кровь детей, пролитая в огне, Родителям с сынами наравне Дает навеки воинское званье!»* [7]. Каждый: ребёнок и взрослый, мужчина и женщина в военный период совершал собственный подвиг во имя своей семьи, своего народа, своей страны.

Рассматривая образ лирического героя в балладах Великой Отечественной войны, мы пришли к следующим выводам. Горечь утраты и радость победы требовали эмоционального выплеска, поэтому все герои баллад при внешней их простоте – душевные, глубоко чувствующие люди, что помогает читателям вместе с ними проживать весь трагизм описанных событий, при этом поэты не скупятся на поэтические средства, создающие трагический пафос, стремятся заставить читателя пережить историю их героя (Ю. Друнина *«Зинка»*). Все сюжеты реалистичны, герой военной баллады – это реаль-

ный человек, но он все-таки необыкновенный, так как стоит на грани человеческих возможностей, потому что война – это испытание, отражающее всю глубину нравственного содержания личности. Лирический герой военной баллады заставляет читателя почувствовать живую боль народа, живую историю, связь поколений, трагическую судьба матерей и отцов того времени и, особенно, детей войны («Отцы и дети»; «Моему сыну», «Моей маме», «Баллада о младшем брате»; «Баллада о маленьком разведчике»).

В советский период баллада обратилась к личности, потому что в одном простом человеке описывалась судьба всего народа. Ситуация, в которой оказывается герой, выражает трагедию всего общества. Поэтому лирическому герою в советской балладе о войне свойственен высочайший героизм и трагизм, так как этот герой совершает святую жертву: спасает Родину и будущие поколения. Он победитель над демонической силой (фашизмом), но это не только мужественный, храбрый воин, но и хрупкая девушка, старушка – мать, или мальчик, убежавший на фронт. В образе героя военной баллады доминирует патриотический пафос, стремление победить мировое зло, сохранить народный дух в жестокой борьбе за свободу Отчизны.

Литература

1. Лифшиц В. Баллада о черством куске // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rustih.ru/vladimir-lifshic-ballada-o-cherstvom-kuske/>
2. Карпов А. С. Русская советская поэма, 1917-1941. – М.: Худож. лит., 1989. – 316 с.
3. Рыленков Н. Баллада о маленьком разведчике // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.liveinternet.ru/users/5636280/post331370270>
4. Берггольц О. Баллада о младшем брате // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/41439/ballada-o-mladshem-brate>
5. Смирнова Н. У Невского пяточка. Стихи. Ру // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stihi.ru/2018/09/06/9085>
6. Спивак И.А. Советская поэзия периода Великой Отечественной войны в жанровом развитии. – Львов : Изд-во Львов. ун-та, 1972. – 158 с.
7. Асадов Э. Моей маме // [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
8. <https://www.culture.ru/poems/46580/moei-mame>
9. Асадов Э. Моему сыну // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.culture.ru/poems/46982/moemu-synu>

НАИМЕНОВАНИЯ ЖЕНЩИНЫ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Новикова Е.

n.e.va-98@yandex.ru

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Красовская Н.А.

nelli.krasovskaya@yandex.ru

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
г. Тула, Россия*

Языковые процессы не всегда успевают за глобальной перестройкой общества. Есть мнение, что использование феминитивов способствует социализации женщин-профессионалов, а употребление мужского рода в данных случаях сохраняет представление о женском как о побочном и маргинальном, что в свою очередь подкрепляет тезис: «В патриархальных культурах «мужественность» ассоциируется с активным, разумным, созидающим началом, а женственность с пассивным, разрушительным началом, основанным на инстинктах» [1: 125]. Означает ли это, что асимметрия мужского и женского грамматического рода мешает носителям языка присваивать женщинам наименования по видам деятельности, если для этого отсутствует специальный феминитив? Для ответа на этот вопрос нами были проанализированы 12 выпусков русскоязычных версий журналов Vogue, GQ и Esquire, вышедших в 2020-2021 годах (по 4 выпуска каждого издания). В ходе анализа наименований женщин мы в том числе ориентируемся на мысль о том, что «женские номинации, образованные путём сложения основ и субстантивации, выполняют задачу выражения грамматического значения рода в той же степени, что и аффиксальные феминитивы» [2].

В журнале Esquire было выявлено 172 наименования женщины, из них 86 феминитивов, 7 лексем, образованных сложением слов, и 6 слов общего рода. В GQ: 96 наименований, из них 64 феминитива, 3 слова общего рода. В Vogue: 203 наименования, из них 114 феминитивов, 3 лексемы, образованные сложением основ, 9 слов общего рода. Разница в количестве найденных наименований объясняется тематической направленностью изданий и их аудиторией. Vogue – преимущественно женский журнал, GQ – мужской, Esquire – изначально мужской, но его аудитория включает и большое число женщин. В

ходе анализа выявленных феминитивов были выделены следующие тематические группы: «Власть», «Наука и техника», «Искусство и мода», «Сила и борьба», «Преступность», «Экономика и деньги», «Образование», «Спорт», «СМИ и литература», «Медицина», а также «Семья и отношения», «Сексуальность», «Национальность и раса» и «Обобщённые наименования». Часть выявленных наименований женщин не удалось компактно классифицировать по группам в силу тематической разрозненности лексем. В группах «Семья и отношения», «Национальность и раса», «Сексуальность» и «Обобщённые наименования», соответствующих традиционным представлениям о женщинах, выявлен наибольший процент феминитивов среди всех наименований: в *Esquire* – 92 %, в *GQ* – 97 %, в *Vogue* – 98 %. В остальных группах процентное соотношение феминитивов (образованных суффиксально и с помощью сложения слов, а также слов общего рода): в *Esquire* – 47 %, в *GQ* – 57 %, в *Vogue* – 53 %. Рассмотрим также статистику представленности тематических групп во всех трёх журналах. Именно в журнале *GQ* с преобладанием мужской аудитории используется наибольший процент наименований женщин, не относящихся к профессиональной деятельности – 32 %, в *Esquire* – 23 %, в *Vogue* – 20 %. Наибольшее тематическое разнообразие наблюдается в журнале *Esquire* со смешанной аудиторией. Заметно отставание статистики упоминаний женщин в тематических группах «Власть», «Наука и техника», «Искусство и мода», «Экономика и деньги» и «СМИ и литература» у журнала с мужской аудиторией. Нередко даже при наличии парного наименования профессии здесь используется слово с мужским грамматическим родом. Отметим, что феминитивы-неологизмы были выявлены только в текстах журнала *Vogue*. Хотя употребление этих лексем нельзя назвать регулярным, мы всё же можем сделать вывод, что редакционная политика *Vogue* допускает использование новых феминитивов.

В ходе исследования мы выявили, что: 1) наиболее богато феминитивы в современных русскоязычных журналах представлены в тематических группах, связанных с традиционными представлениями о социальной роли женщины; 2) женский журнал, в отличие от мужских, стремится показать большее лексическое разнообразие наименований женщины-профессионала, прибегая в том числе к феминитивам-неологизмам, что свидетельствует о важности социальной самоидентификации для женской аудитории; 3) журнал со сме-

шанной аудиторией обладает наибольшим тематическим размахом, что приводит к использованию наибольшего количества тематических групп наименований женщин; 4) парные лексемы мужского и женского грамматического рода взаимозаменяемы, в мужских журналах нередко отдаётся предпочтение мужскому грамматическому роду; 5) способ сложения слов для образования феминитивов используется редко всеми исследуемыми изданиями – вероятно, из-за громоздкости подобного словоупотребления.

Литература

1. Каменева В.А. Идеологическая деконструкция публицистического и рекламного дискурса. Гендерный аспект: учебное пособие: / В.А. Каменева, С.В. Коломиец. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2013. – С. 125. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=232503
2. Кобяков А.В. Русский феминитив: широкий взгляд // Учёные записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2020. – № 8 (33) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1682375>

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ ГЕРОЕВ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Д. ГРАНИНА (ПО МАТЕРИАЛАМ СТАТЬИ «МОИ КОМАНДИРЫ»)

Самарская С.

lsn1503@yandex.ru

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Романов Д.А.

kafrus@rambler.ru

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого*

г. Тула, Россия

Даниил Александрович Гранин известен во всем мире как писатель, общественный деятель, публицист, участник Великой Отечественной войны. Его военная проза и публицистика неподдельно правдива. Благодаря урокам мужества, полученным в период войны, закалился характер будущего писателя, появился бесценный жизненный опыт и мудрость, которыми он делится с читателями. В статье «Мои командиры» Д. Гранин дает характеристику двум комбатам,

двум командирам и двум комиссарам, которые в течение двух первых лет войны проявили пример стойкости духа и неугасающей веры в еще незримую Победу.

Жанр статьи – воспоминание, это позволяет сблизить публицистический текст с дневниковыми записями-размышлениями, которые дают возможность автору задать себе вопросы и найти на них ответ в ходе рассуждения. Так Д. Гранин объясняет, почему в его памяти сохранились образы лишь некоторых командиров, что их отличало от тех, кто был с ним бок о бок на протяжении всех военных лет.

В тексте статьи отмечается использование «живой» лексики: обилие риторических вопросов, метких и красочных эпитетов, метафор, использованных в описании внешнего и внутреннего мира командиров. Примечательно, что Д. Гранин находит в каждом герое что-то удивительное, и именно с помощью верно выбранного языкового приема указывает на отличительную черту героя. Так, создавая образ Александра Ермолаева, *«первого комиссара из нашей Кировской дивизии народного ополчения»*, писатель отмечает неопытность и наивность в военном деле не только комиссара, но и всех рядовых, используя сравнительный оборот с уточняющей семантикой: *«...был так же наивен, как и мы, рядовые»* [1: 14]. Кроме того, употребление личных местоимений в совокупности с соединительным союзом позволяет говорить о силе характера героя и ополченцев, об их единении: *«...мы выходили из окружения, он тащил на себе пулемет», «мы шли лесами, болотами..., и он принимал на себе все тяготы командования»* [1: 14].

Поступки и внутренние качества Саши Ермолаева были противоречивы, так же противоречивы были и поступки рядовых: *«стрелял он плохо, но держался храбро»*. Отметим, что именно в усеченном виде автор употребляет имя командира, демонстрируя тем самым степень доверительности их отношений, душевную близость.

Ведущим за собой стал и комиссар Медведев. В описании его внешности нет примечательных особенностей, как и не было, на первый взгляд, примечательного в его поступках: *«Это был человек неразговорчивый и странно скромный»* [1: 15]. Но автор отмечает, что для него самыми важными были простые, «земные» навыки, без которых невозможно выжить в блокадное время. Рассказывая о поступках героя, Д. Гранин не использует красноречивых оборотов, потому что и его комиссар учил всему просто, не выпрашивая благодарности и награды: *«и все это он умел делать незаметно, почти*

без слов» [1: 15]. Писатель не указывает имени героя, память стерла эти сведения, как и стерла с лица земли могилу комиссара: «...похоронили его на полковом **нашем кладбище**... поставлен **общий обелиск с одной безымянной надписью**» [1: 16].

Об «*отдельном батальоне*», державшем оборону в оккупированном Ленинграде, и «*отдельном командире*», Павле Сильвестровиче Литвинове, Д. Гранин пишет с особым чувством гордости; мы отметили однородный ряд эпитетов: «**высокий, стройный, статный, красивый...выделялся выправкой кадрового военного**» [1: 16]. Кроме того, Д. Гранин подмечает портретные детали, используя краткую форму имен прилагательных: «он всегда был **выбрит, свеж, умыт**» [1: 16]. В образе лейтенанта Литвинова всё прекрасно: и внешний облик, и поступки; к нему не пристаёт «**никакая грязь**». Его талант – способность «*восстановить веру в...командиров и военачальников*» в дни отчаяния и неудач [1: 17]. «*Прирожденный полководец*» – такую емкую и точную характеристику дает автор своему командиру. Примечательно, что встреча бывших сослуживцев, писателя и полковника П.С. Литвинова, тоже описана Д. Граниным. Автор отмечает, что некогда удалой, неуязвимый, но очень чуткий к чудим бедам лейтенант, теперь «**работает на земле всю весну и лето**», но он по-прежнему остается верен своим военным принципам: «...он **наш командир, мы... его починенные**» [1: 18].

Другим по характеру изображен комбат Захар Коминаров. При создании его образа автор использует глаголы, демонстрирующие горячий нрав героя: «...**мог вспылить, мог схватиться за голову от отчаяния и досады, легко воспламенялся и гас**» [1: 18]. Д. Гранин отмечает, что в нем «*совмещался инженер и командир*», любящий своих бойцов, свою работу, не стремящийся к блестящему продвижению по службе. Он так же, как и лейтенант Литвинов, был одаренным и прирожденным командиром, равнодушным к судьбам бойцов.

Так по-разному Даниил Гранин создает образы своих командиров, пишет портреты людей с разной судьбой, но объединяет их то, что они смогли стать наставниками в трудное время, не позвонили отчаяться и отступить.

Литература

1. Гранин Д.А. Интелегенды: статьи, выступления, эссе. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – 600с.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ В РОМАНЕ Б. АЛИМЖАНОВА «СКАЗ СТОЛЕТНЕГО СТЕПНЯКА»

Саматова Т.

samatova.tomiris@mail.ru

Научный руководитель: д.ф.н., ассоц. профессор Анищенко О.А.

olga_alex62@mail.ru

Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова

г. Кокшетау, Казахстан

Фразеология – величайшее сокровище и непреходящая ценность любого языка, уникальная черта культуры. Фразеологизмы в большей степени, чем единицы других языковых уровней, вбирают в себя национальное своеобразие и ценностную ориентацию носителей [1: 93].

Согласно исследованиям А.И. Молоткова, фразеологические единицы могут изучаться в различных аспектах (семантическом, лексико-грамматическом и синтаксическом), но исходным, определяющим всегда будут те из них, которые направлены на раскрытие основных признаков, делающих фразеологизм именно фразеологизмом и выделяющих его в отдельную единицу языка [2: 27]. Установление дифференциальных признаков, как и самой сущности фразеологизмов, автор словаря рассматривает в сопоставлении, сравнении с другими единицами языка – словом, словосочетанием, отмечая общие и отличительные черты. Объективная сущность фразеологических единиц устанавливается лишь в совокупности таких дифференциальных признаков, как специфика фразеологического значения; компонентность состава; грамматические категории, стилистическая значимость. Таким образом, устойчивые выражения очень полно отражают позицию автора произведения.

Актуальным для нашего исследования становится выявление некоторых фрагментов обыденного менталитета русского народа посредством лингвокультурологического анализа фразеологизмов в историческом романе Б. Алимжанова «Сказ столетнего степняка». Цель исследования – определить, как употребление фразеологизмов помогает автору отразить русскую ментальность.

В качестве иллюстративного примера мы можем рассмотреть фразеологизм, описывающий внешность, душевные переживания и

физическое состояние главного героя романа. *«Ата! Как вы остались живы вообще?! И дожили до ста лет в добром здравии и ясном сознании?!»* [3: 11]. В данном контексте автор умело объединяет культуру двух народов, которые по ряду исторических причин взаимовлияли друг на друга. Во время переселения русских крестьян на территорию Казахстана коренной народ не только начал стремительно осваивать новую грамоту и язык, но и обогатил свою речь крылатыми словами и выражениями.

Фразеологизм *танцевать под их дудку* передаёт целую эпоху и жизнь не только казахского, но и русского народа. *«И вот, по прошествии многих лет я понял непростую народную философию выживания и самосохранения: вроде как подчинились, покорно горбились под руководством захватчиков, танцевали под их дудку, но внутренне оставались верными своей вере, культуре и языку»* [3: 79]. События, происходящие в период массовых репрессий и сталинского режима, затронули все народы, проживающие на территории Казахстана.

О жестокости и беспощадности времени также свидетельствуют строки: *«Над всеми людьми того времени без исключения висела, как дамоклов меч, угроза ареста и большого тюремного срока, а то и расстрела по приговору тройки»* [3: 80]. Фразеологизм *дамоклов меч* является фразеологическим сочетанием и раскрывает читателям реалии того времени. В словаре А.И. Молоткова зафиксирован в следующем значении: «постоянно угрожающая кому-либо опасность» [2: 125]. В этот исторический период казахи и русские объединились, как братья, в общем страхе перед диктаторским режимом.

К фразеологическим выражениям русского народа относится и фразеологизм *прошу любить и жаловать*. В высказывании героя романа: *«Это наш человек! Прошу любить и жаловать!»* [3: 59]. В словаре А.И. Молоткова фразеологизм относится к хорошему, достойному человеку, которого уважают и ценят [2: 380]. Русский народ, как и казахский, издавна славился своим гостеприимством и уважением к гостям, поэтому данное выражение обрело свою популярность и на территории Казахстана.

Проведенное исследование показало, что фразеологические единицы, употребляемые писателем, актуализируют связь между аксиологической ориентацией говорящего и свойством обозначаемого объекта, оцениваемого положительно или отрицательно в зависи-

мости от коммуникативной ситуации и общепринятой системы ценностных норм и эталонов [4: 56].

Таким образом, в рамках данного исследования, мы можем утверждать, что употребление устойчивых сочетаний в художественном тексте является одним из основных стилистических приемов в творчестве Б. Алимжанова. Автор творчески использует фразеологические единицы в своих произведениях, сближая язык своей прозы с живой разговорной речью. Автор умело отражает влияние русской культуры на жизнь и быт коренных жителей, но и показывает то, как богатство русской лексики нашли свое место в духовной и культурной составляющей казахского народа.

Литература

1. Куанышбаева Г.Б. Особенности фразеологических оборотов казахского языка // Молодой ученый. – 2016. – № 12 (116). – С. 1012-1014.
2. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.
3. Алимжанов Б. Сказ столетнего степняка. Роман, повести, сказки. – М.: Художественная литература, 2019. – 423 с.
4. Русская фразеология: коннотативный аспект обучения: монография / Р.Р. Баркибаева, Б.О. Жолдасбекова; под ред. Р.Р. Баркибаевой. – Алматы: Қазақ университеті, 2019. – 200 с.

ПРИЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВНИМАНИЯ В ЗАГОЛОВКАХ СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕРНЕТ-СМИ

Сагымбаева К.

kuralajsagynbaeva@gmail.com

Научный руководитель: ст. преп., магистр Потапчук О.С.

olessya0099@mail.ru

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

г. Нур-Султан, Казахстан

Современные интернет-издания ведут борьбу за читателя в информационном пространстве. Задача журналиста – привлечь внимание аудитории. Сделать это с помощью заголовков, а потом удерживать внимание с помощью различных приемов – то, к чему стремится автор текстов СМИ.

Традиционно средствами привлечения внимания служили выразительные средства языка, к которым можно отнести тропы. При анализе заголовков статей отмечена особенность современных интернет-СМИ – использование внешних, иностилевых элементов, которые помогают привлекать внимание читателя. Расширяя ассортимент лексических единиц, традиционно используемых в материалах прессы, внешние элементы приносят в заголовки креативность.

Также при анализе отобранных заголовков отмечается нарушение языковой нормы с целью экспрессии, чаще всего отступления от орфоэпических, грамматических и лексических норм. Данная особенность скорее языковая игра, нежели ошибка, свидетельствующая о недостаточной компетенции авторов текстов.

Термин «языковая игра» берет свое начало в работах Л. Витгенштейна, который всю человеческую жизнь называл совокупностью «языковых игр» [1]. В настоящее время языковой игрой называют широкий круг явлений, имеющих место в разговорной речи, публицистических жанрах, художественной литературе, языке СМИ. Это может быть незатейливая шутка, более или менее удачная острота, которую часто повторяют журналисты, каламбур, а также разные виды тропов (сравнение, метафора, перифраза, метонимия и т.п.).

«БУШевали, президента выбирали» – так называется статья, освещающая выборы президента в США, которые состоялись 3 ноября 2020 года. И хотя в выборах уже не участвовал Джордж Буш-старший, а претендентами на кресло президента были Джозеф Байден и действующий на тот момент президент Дональд Трамп, языковая игра в заголовке указывает на тот факт, что Трамп стал первым президентом США после Джорджа Буша-старшего в 1992 году и одиннадцатым действующим президентом в истории страны, проигравшим заявку на второй срок.

В рамках проведенного исследования и отбора наиболее привлекательных и вызывающих интерес у читателя заголовков имеются и другие примеры использования различных методов для повышения охвата аудитории. Остановимся на некоторых из них.

Удивление. Неожиданное сообщение в заголовке статьи всегда привлекает внимание, так как человеческий мозг настроен на шаблонную информацию. И если попадаетесь удивляющий заголовок, то сразу же пробуждается интерес к теме. Если сравнивать ожидаемые приятные события и неожиданные, то во втором случае часть мозга, отвечающая за удовольствие, активизируется в большей степени:

«Невероятно, но вы можете предложить эти оригинальные подписанные гравюры всего за \$5», «Такой вид обучения вы еще не встречали!».

Любопытство. *«Шотландский пингвин стал генералом норвежской гвардии»* – статья из источника «Русская служба Би-би-си». Психологический феномен, называемый «теорией пробела», описывает разницу между тем, что человек знает, и тем, что он хочет узнать. Эти лакуны в знаниях причиняют людям дискомфорт, поэтому любопытство легко спровоцировать, дав малую часть информации в заголовке. *«Тысячи имеют этот бесценный дар – но никогда его не раскрывают», «Прибыль, спрятанная в вашей ферме».*

Вопросы. Опытные журналисты знают, как умело подать в заголовке информацию, которая привлечет внимание и перекроет пробел в знаниях. Также любопытство может подогреваться с помощью вопросительных заголовков или интригующими названиями статей. Как правило, этим «грешит» желтая пресса. А особенности психологии лишь подталкивают человека, обладающего определенным знанием, к расширению кругозора. *«Вы постоянно немеете от смущения в компании?», «А вы совершаете эти ошибки в английском языке?».*

Негатив. При изучении заголовков было уделено внимание тем, которые содержали в своем составе прилагательные в превосходной степени: самый действенный, лучший, известнейший и т.п. Однако стоит отметить, что прилагательные в превосходной степени, имеющие положительный смысл, не преобладают над прилагательными с негативным смыслом. Нередко в заголовках можно встретить такие прилагательные в превосходной степени: худший, ужасный, самый плохой: *«А вы совершаете эти десять позорных поступков?», «Разве мы тупая нация?», «Самые жуткие совпадения в истории».*

Ограничения. Заголовки статей, которые ограничивают человека в действиях, запрещают что-либо. Человеку сразу хочется знать, что же ему не следует делать. Приведем примеры: *«Преступления, которые мы совершаем по отношению к нашим желудкам», «Не покупайте стол, пока не увидите эту сенсацию!», «Не платите и цента за эту книгу, пока она не удвоит вашу обучаемость!».*

Цифры. Точность и конкретика способны заинтересовать читателя с первых минут, поэтому цифры в заголовках всегда привлекательны: *«Как разбогатеть: 10 правил успешного бизнесмена», «Самые опасные преступники всех времен – ТОП 10», «Врачи*

доказали: 2 женщины из 3 могут иметь более красивую кожу уже через 14 дней». Цифры добавляют тексту конкретики и задают ожидания от статьи.

В современных СМИ журналисты дают необычные номинации для событий и фактов, не вписываясь в традиционные модели словообразования, грамматики, оттого и создавая совершенно новые сочетаемости слов [2]. Новая организация языковых элементов, нетрадиционные способы номинации связаны с поисками содержательной глубины изложения и с преодолением автоматизма при восприятии фактов языка. Приемы, которые затронуты в статье, являются одними из доминирующих по частоте использования в текстах СМИ.

Литература

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы: В 2 ч. – М., 1997. – Ч. 1. – С. 83.
2. Шостак М.А. Сочиняем заголовки // Журналист. – 1998. – № 3. – с. 9-14.

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ПРОЗВИЩ В СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ

Скиба К.

karolinaskiba0330@gmail.com

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Журавлёва Е.А.

zhuravleva_yea@enu.kz

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва.

г. Нур-Султан, Казахстан.

Каждый человек является личностью, и одним из факторов, способствующих этому, бесспорно, является наличие имени. Первое: официальное имя, его человек получает от родителей при появлении на свет и оно является основой платформы его индивидуальности. Второе: прозвище, которое индивид может приобретать в течение всей жизни и не в единичном количестве, а может и не получить совсем. Авторами прозвищ могут быть близкие люди из семейного круга, друзья, одноклассники, коллеги. В исследовании мы опираемся на определение В.В. Лопатина: «Прозвище – название, данное человеку по какой-нибудь характерной его черте, свойству» [1: 623].

Интерес, на наш взгляд, привлекает вопрос: Как формируются прозвища у современной молодежи?

Происхождение прозвищ относится еще к периоду древности. Для этого времени было характерно наличие двух имен: настоящего (официального) и прозвища. Официальные имена употреблялись крайне редко, по причине того, что в те годы была распространена вера в потусторонние силы. Люди свято верили в то, что, называя собственные имена, они притягивали злых духов, которые причиняли им вред. Это и является причиной приобретения людьми прозвищ, которые были своеобразным оберегом. Часто прозвища употреблялись у священнослужителей. В официальных документах встречаются следующие прозвища священнослужителей: поп Григорий Скрипица, ключарь кремлёвского Успенского собора Иван Васильевич Наседка, углецкий вдовый поп Федот Огурец. [2: 90] Сами названия говорят о том, что использовались прозвища в разных сферах и имели большое значение для жизни людей.

Главными функциями употребления прозвищ является выделение человека из группы людей и его определение в социуме. Значение прозвищ в наше современное время достаточно велико, так как они употребляются во многих отраслях нашей жизни, но чаще всего в рамках общения семьи. Кроме того, часто прозвища используются в различных компаниях, в частности, в школьных. К прозвищам сегодня можно отнести и ники в социальных сетях, которыми пользователи «закрывают» свои истинные данные.

Рассмотрим три аспекта использования прозвищ в творчестве: музыкальная среда, кинематограф, литература.

Примером прозвищ в кинематографе является фильм «Мотылёк». Мотыльком называли главного героя фильма, который являлся заключённым в тюрьме, он имел тату в виде мотылька. Мотылёк – это символ свободы, который олицетворяет главное желание героя фильма. Как и в каждом прозвище, здесь присутствует свой смысл.

В сфере музыки примером является песня поп-короля российской эстрады Ф.Киркорова «Зайка моя», в которой он называет свою возлюбленную зайкой, рыбкой и т.п. Такие ласкательные прозвища часто употребляются в парах влюбленных людей.

Примером художественной литературы может послужить прозвище главной героини повести Пришвина «Кладовая солнца» Насти. Автор называл персонажа-девочку Настю «Золотой курочкой», исходя из цвета ее волос. Данное прозвище относится к прозвищам,

происходящим от внешних качеств [3].

Немаловажным фактом является то, что прозвища имели и известные нам люди. Бывало и такое, что прозвище полностью заслоняло собой настоящую фамилию человека. Так, настоящая фамилия Ивана Грозного – Рюрикович, но все его знают именно по прозвищу «Грозный». Есть две версии того, почему же его прозвали Грозным. Первая: из-за его жёсткого и скверного характера, вторая: рождение его произошло во время грозы, то есть прозвище является ситуативным [4]. Известного русского писателя Антона Чехова в детстве называли Антошей Чехонте, что в последующем послужило первым псевдонимом писателя. А.С. Пушкина в студенческие годы прозвали французом, так как он отлично знал французский язык и увлекался чтением французских писателей, особенно Вальтера [5]. Есть и некоторые фамилии известных людей, которые явно произошли от прозвищ. К ним относятся: Ломоносов, Безруков и др.

Представленный экскурс в историю показывает, что совершенно у любого человека может быть прозвище, связанное с какими-либо факторами, например, происхождение, время существования и т.д.

Несмотря на то, что прозвища имеют длительную историю происхождения и развития, они актуальны и для сегодняшней молодежи, только подходы к их придумыванию и последующему использованию совершенно изменились.

Литература

1. Лопатин В.В. Толковый словарь современного русского языка // В.В. Лопатин, М.Е. Лопатина. – М.: ЭКСМО, 2011. – 928 с. //(Библиотека словарей ЭКСМО). – С.623.
3. Успенский Л. Ты и твоё имя. – М: Армада-пресс. – 2002. – 138с. // - С.90.
4. Пришвин М. Кладовая солнца. – М.: Детская литература, 2001. – 172 с.
5. История происхождения прозвища Ивана Грозного (История появления прозвища) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ansya.ru/health/istoriya-vozniknoveniya-prozvisha/main.html>
6. История происхождения прозвища А.С. Пушкина «француз» (Почему Пушкин имел прозвище «француз») // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hronika.su/pochemu-v-lycee-pushkin-imel-prozvishhe-fr/>

ФЕМИНИТИВЫ В РУССКИХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТАХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Советникова А.

anastasiya_sovetnikova@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Колосова Е.И.

hkolosova@yandex.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет

г. Казань, Россия

Один из наиболее значимых, заметных и проблемных процессов, происходящих в современном русском языке, – это образование, изменение норм употребления, стилистической окраски феминитивов (*Nomina feminina*) – в узком смысле производных номинаций женского рода, обозначающих профессиональную, социальную, территориальную принадлежность [1], мировоззренческую позицию и т.д.; в широком смысле существительные женского рода, корень или аффикс которых выражает значение женскости [2: 16]. В лингвокультурологическом аспекте феминитивы являются частью концепта (культурной единицы) феминности или женскости, в котором проявляются особенности национального языка как продукта национальной культуры.

Также навыками выбора лингвоконцепта и поиска средств его выражения определяется уровень коммуникативной компетенции языковой личности [3: 26]. И ещё одной важной характеристикой языковой личности может выступать использование элемента концептосферы – прецедентного текста – цельной и связной последовательности знаков, ценной в эмоциональном или познавательном отношении для определённой культурной группы. Исследователи относят к прецедентным текстам общеизвестные цитаты, имена персонажей, названия произведений и авторов, также некоторые в данную группу относят и невербальные культурные знаки, например: заголовок «*Купчиха с Винной улицы Пространства*» (Лента.ру, 2014) является реминисценцией на картину Кустодиева «Купчиха за чаем».

И так как прецедентный текст всегда вписан в идеологический концепт эпохи [3: 32], рассмотрение функционирования феминитивов в рамках прецедентных текстов позволит определить оценочность и стилистическую окраску феминитивов с учётом их зачастую идеологического происхождения.

И на примере публицистических текстов, в которых текстовые реминисценции к прецедентным текстам используются в качестве стилистического приёма – языковой игры – для привлечения внимания аудитории и выражения большей экспрессии в тексте, можно проанализировать отношение общества к концепту женскости и феминитивам как его части. Чаще всего сфера применения прецедентных текстов в СМИ определяется заголовками материалов.

Однако текстовые реминисценции, образующие новый текст, неоднородны. Прецедентный текст в них может предстать в неизменном (цитация) виде, например, «*Подруга дней моих суровых*» (Пятый канал, 2021) «*Королева людских сердец*»; или же в трансформированном (квазицитация) [4: 159]: заголовок «*Блондинка в воротах*» (Аргументы и Факты, 2016), отсылающий к выражению «блондинка в шоколаде».

Также в СМИ присутствуют как проверенные временем «сильные тексты»: «*Англичанке гадят*» (Лента.ру, 2021) – выражение «англичанка гадит» появилось в 19 веке, «*Авторка с возу*» – трансформация поговорки «баба с возу – кобыле легче»; так и «ключевые тексты текущего момента» [5: 86]: «*Дрессировщица слонов... стала Принцессой цирка*» (Лента.ру, 2021) – данный заголовок является реминисценцией названия телесериала «Принцесса цирка».

Феминитивы активно используются в прецедентных текстах, выполняющие различные функции. Для медиа дискурса характерны: оценочная, персуазивная, людическая и парольная. Оценочную функцию может проиллюстрировать заголовок «*Авторка с возу*» (Газета.ру, 2021). Само выражение «баба с возу...» содержит негативную оценку, что переносится и на восприятие феминитивов в современном языке на примере «авторки» в самом заголовке. Парольная функция, ограничивающая социальную группу, использующую прецедентный текст (деление на свои-чужие), может проявляться, например, в знании определённых литературных произведений. Так, незнающий «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» А.С. Пушкина адресат в заголовке «*Барышня-княжка*» (Коммерсант, 2021) не поймёт языковой игры. Людическая функция, проявляющаяся в добавлении в речь экспрессии, юмористического начала, может быть проиллюстрирована заголовком «*Корона была ужасная, принцесса была прекрасная*» (Коммерсант, 2021), текстовой реминисценцией детского стихотворения «Принцесса и Людоед» Г. Сапгира. Прецедентные тексты с персуазивной функцией служат для убеждения

адресата: «Есть женщины в русских селениях» (Московский Комсомолец, 2016).

Таким образом, присутствие феминитивов в прецедентных текстах говорит об их ограниченной включенности в речевую практику. Так как феминитивы из выявленных текстах являются общеупотребительными, или окказионализмом, или названием произведения искусства. Единственный феминитив в узком значении термина (авторка) употреблен с отрицательной оценкой.

Литература

1. Кобяков А.В. Феминитивы в медиа: проект словаря // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. – 2021. – №1 (1). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/feminitivy-v-media-proekt-slovara>
2. Фуфаева И. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция. – М.: АСТ: CORPUS, 2020. – 304 с.
3. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. – М.: Academia, 2000. – 141 с.
4. Земская Е.А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур. – М., 1996. – С. 157-168.
5. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – М.: URSS, 2004. – 268 с.

ОБРАЗ ВЕТРА В ФОЛК-РОК И РОК-БАЛЛАДАХ

Сурина З.

ravenwood1771@yandex.ru

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Красовская

H.A.nelli.krasovskaya@yandex.ru

Тульский государственный педагогический

университет им. Л.Н. Толстого

г. Тула, Россия

Рок-музыка подразделяется на множество разнообразных направлений и их сочетаний. Некоторые из них хорошо всем известны. Например, рок-баллада или фолк-рок-баллада – хотя представителей жанра достаточно много, стиль нельзя назвать распространенным. Текст баллады выражает чувства исполнителя, такие как любовь или

грусть, тоска. Однако в старину текст всегда заключал в себе сюжет, определенную законченную историю, а для сюжета характерно наличие героев, о которых в данном исследовании и пойдёт речь.

Авторы фолк-рок и рок-текстов часто обращаются к погодным явлениям, т.к. их можно оживить, наделить нужными качествами и осуществить с их помощью передачу атмосферы в песне. Одним из таких героев является ветер. Для того чтобы удостовериться в подлинности вышесказанного, обратимся к текстам таких коллективов, как «Мельница» и «Король и шут», которые обращаются к образу ветра.

В текстах песен «Мельницы» всегда рисуются образы благородных воинов, мужей, таких как Тристан, Вольга, Берен и т.п. Но есть среди них и неодушевленные персонажи, которые обретают жизнь и чувства, оживая и оживляя балладные строки. Среди них появляется и ветер.

В тексте баллады «Ветер» мы видим суженого, который рьяно стучит на рассвете в окна своей любимой. Однако, как и всем мужчинам, ему свойственно непостоянство: *«Где же ветер мой? / Пусто в поле. / Или предал меня мой милый?»*, поэтому героине этой истории полагается ожидать встречи с женихом, когда тот снова явится, при этом не забывая про дела бытовые: *«вышивай жасмин и левкой»*. Также строки: *«с ветром кто будет спорить, решится ветру перечить?»* – указывают на его влияние и силу. Героиня сомневается, что такому величественному и властному существу нужна простая, сельская девушка, ведь у суженого специфичные черты характера и необъяснимые поступки: *«Он играет шёлковой плетью/ Словно нож, он остер и резок/ Пальцы тонких ветреных лезвий»*, поэтому девушка задается вопросом: *«Для чего такому жена/ Ой, да на что, на что сдалась я ему»*.

Однако в то же время ветер раскрывается перед нами в абсолютно ином образе. Он становится ласковым и заботливым: *«Распускает тугие косы / Под масличной юной луною; Мой жених под луною зеленою / Сердце возьмет в ладони»*, искренним и весёлым: *«В тишине танцует, смеется»*, ведь его суженая отреклась от родного дома: *«Будто впрямь и стала женою; Ведь я – я уже не я, / И дом мой – уже не дом мой»*, чтоб вместе окунуться в жизнь полную свободы, которую может подарить ей лишь он – *«жених невесомый»*.

В песне «Король и шут – Смельчак и ветер», два главных героя. Юноша, его же называют смельчаком, которого потревожил наш

антагонист – ветер. История эта начинается в ночное время суток, на это указывает предложение: *«И несмотря на поздний час в округе вряд ли кто-то спал»*, что позволяет установить нам временные рамки. В данном контексте ветер играет отрицательную роль. Это мы видим на примере строк: *«ветер, крыши рвал; ветер закружился, заметался деревья начал с корнем рвать; ветер становился злей, ветер, негодяй»*.

Данную эмоциональную окраску ему придаёт сама ситуация, т.к. в тексте он упоминается, как масштабное действие: *«Стихия не на шутку разошлась»* – не на шутку (фразеологизм) – серьёзным образом. Также сам смельчак говорит нам, что *«ветер, негодяй»*, вызывая неверного на бой.

Недаром слово «рвал/рвать» упоминается в тексте несколько раз. За счет передненебного, звонкого [p] создаётся шумовой эффект. Это сделано для того, чтоб передать агрессию, получить эффект буйства (ведь, когда валятся деревья, землю окутывает грохот).

Позже ситуация разворачивается совсем иначе. Ветер принимает другой образ в этой истории, ведь на самом деле не он кинулся драться: *«Откуда этот сумасшедший взялся, /Что хочет с ветром воевать; Но парень не сдавался и метлой махал; Сильный я и ловкий ветра (р.п.) проучу»*, да и вообще он вовсе не конфликтный персонаж: *«Ветер песни напевал емуи кудри ласково трепал»*.

Проводя исследование в данной области, мы узнали, что ветер имеет широкий спектр характеристик (ветер – невесомый, милый, крылат, сильный, негодяй, злой, остер и резок, танцует, смеется). Мы смогли выявить это с помощью двух песен одного жанра, сопоставив тексты между собой и проанализировав их. Интерес данного исследования был направлен на рассмотрение образа ветра как одушевленного персонажа. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что качества его меняются в зависимости от предпочтений автора и сюжета произведения, но главными (каноничными) и неотъемлемыми остаются могущество, сила, власть.

Литература

1. Красный химик // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rockschool.ru/training/books/other/chto-takoe-rok-ballada/>

СКАЗОЧНЫЕ ГЕРОИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ДИНАМИКЕ ВРЕМЕНИ

Турабекова И.

indiraturabeckova@mail.ru

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Журавлева Е.А.

zhuravleva_ea@enu.kz

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

г. Нур-Султан, Казахстан

Особую значимость для современного языкознания имеют ономастические исследования, поскольку ономастика, согласно утвержденным в словарях определениям, это «раздел языкознания, изучающий все собственные имена как специальный объект лингвистического описания» [1], а именно этот пласт лексических единиц ярче всего показывает изменения, происходящие с языком на каждом этапе его развития.

Исследование антропонимической системы позволяет выявить горизонтальные и вертикальные уровни коммуникации: от связи внутри поколений до связи между поколениями – все это представляет собой трансляцию народной культуры в виде предпочтительных антропонимов. По мнению многих исследователей, имена являются отражением мироощущения, фантазии, художественного творчества народа и исторического развития. Личные имена присваивали во все времена развития человеческой цивилизации.

Как указывает российский ученый В.В. Анисимова, «весь процесс развития именований человека – непрерывный поиск удобной формы, отвечающей потребностям людей в четкой идентификации личности, юридически закреплённой и соответствующей традициям, обычаям, своеобразной моде и, естественно, времени» [2].

Рассмотрим личные имена на примере русских народных сказок, поскольку именно фольклор является отражением культуры и быта, позволяя читателям окунуться в эпоху создания сказки. Одна из известных русских народных сказок – «Снегурочка» – имеет множество форм повествования, при этом, в разные периоды имя главной героини трактовалось по-разному, хотя и не отходило далеко от исконного имени.

Впервые сказку записал М.А. Максимович в 1840 году в альманахе «Киевлянин». Она повествует читателю о стариках-крестьянах

Иване и Марье – его жене, которые не могли иметь детей и слепили «снежное дитя». Получилась очень красивая девочка, на удивление, ожившая. Ей дали имя – Снегурушка. С наступлением лета, на Иванов день, Снегурушка, прыгавшая с подругами через костер, растаяла и превратилась в облачко. Обращая внимание на имя «Снегурушка», нужно отметить уменьшительно-ласкательный суффикс -ушк-, выражающий положительное отношение. Подобное употребление суффиксов отражает важную черту русского народного мировосприятия

По мотивам русской народной сказки «Снегурочка» А.Н. Островский написал пьесу «Снегурочка (Весенняя сказка)», она была опубликована в 1873 году в журнале «Вестник Европы». Здесь Снегурочка предстает перед читателями как дочь Мороза и Весны. От отца ей досталось холодное сердце, по этой причине ей непонятна любовь. В конце сказки Снегурочка умирает от солнечного луча, а ее возлюбленный прыгает в озеро. Для этого варианта сказки характерно огромное разнообразие как событий и героев, так и имен (Купава, Мизгирь, Лель и др.), что характеризует русскую литературу конца XIX – начала XX века. Именно через имена автор мог отразить не только характер, но и культуру народа своего времени.

Современная интерпретация сказки «Снегурочка» выступает в виде мультфильма. Проект Дениса Червяков и Рената Азимова производства ООО студии «Анимаккорд» «Машины сказки» стал популярен среди детей всего мира. В 2012 году вышла серия, в которой Маша – центральный персонаж и повествователь – рассказывает детям историю Снегурочки, но в этой сказке ее уже зовут «Снегурка». Сюжет в целом остается прежним, но подстраивается под современные реалии. В данной интерпретации очень малое разнообразие имен, но причиной тому является не описание быта народа, а создание атмосферы для детей. Имя «Снегурка» описывает простоту сегодняшнего дня, отсутствуют суффиксы -ушк- и -очк-, что является лишь доказательством того, что сказка рассказывается ребенком.

Мы сравнили героев и их имена в трех вариантах сказок. В народной сказке (1840) всего три героя, при этом имя имеет только девочка Снегурочка, оно дано с уменьшительно-ласкательным суффиксом и имеет вариант Снегурушка, также ласкательный. В пьесе А.Н. Островского (1873) уже девять героев, из которых только сама Снегурочка переходит из народной сказки, ее имя практически не варьируется. В современной сказке (2012), представленной в мультфильме, как и в исходной, народной сказке три главных героя, однако ласка-

тельный вариант имени – Снегурочка – используется только в названии сказки, а в самом повествовании заменяется разговорным и более воспринимаемым современными детьми именем – Снегурка.

Модификация имени Снегурочки в каждый определенный период было связано с культурой речи народа в этот период. На примере «Снегурочки» можно охватить три времени: первая половина XIX века, конец XIX – начало XX века, современность (2012 год). Возможно, такая интерпретация имен дает возможность сказкам «жить дольше», как возвращая читателей в историческое прошлое, так и приближая к реальной действительности.

Литература

1. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева и др. / Под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. – Т.1. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 840 с.
2. Анисимова В.В. Развитие русской антропонимики в современном русском языке (на примере личных имен). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук по специальности 10.02.01 – русский язык. – Москва, 2004. – 22 с.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСМЫСЛЕНИЯ НАИМЕНОВАНИЙ ДОЖДЯ КАК ЧАСТИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Федяева Е., Тарасенко П.

fedyaevaekaterina2000@gmail.com

polina.smile2000@gmail.com

Научный руководитель: д.ф.н. Бекасова Е.Н.

bekasova@mail.ru

Оренбургский государственный педагогический университет

г. Оренбург, Россия

Дождь – одно из главных явлений, обеспечивающих жизнь человека. В связи с этим представляют несомненную актуальность исследования особенностей наименования *дождя* в русскоязычной картине мира, прежде всего отражённой в словарях русских народных говоров. Такой подход представляется значимым в настоящее время, когда уникальные образцы народной речи исчезают и стано-

вится важным сохранение диалектного материала, в том числе в аспекте его преломления в современной языковой картине мира и возможностей осмысления и использования лексических единиц носителями современного русского языка. Актуальность данной статьи обусловлена значимостью диалектологических исследований в XXI веке. Цель статьи заключается в изучении особенностей представленных наименований *дождя* и специфики их осмысления современными носителями литературного языка. Такой подход позволяет, как справедливо утверждает Е.Н. Бекасова, «выявить специфику корреляции языковой картина мира с объективной реальностью, сходства и различия лексических единиц, проследить семантическую дифференциацию синкретичности общеславянской лексики в русских диалектах и её своеобразную “переработку”» [1: 44-45].

Исследования этимологических словарей показали не только широкий синкретизм первоначального значения слова, но и недостаточную исследованность его этимона [4: 521-522]. Сложная этимология слова, связанная с индоевропейским праединством, и огромное влияние на мировосприятие и быт славянских народов определяет сложную и многообразную дифференциацию наименований осадков, в том числе и в русских диалектах. В частности, для обозначения долгого, затяжного дождя может включаться и степень «увлажняющего» воздействия: *замока*, *мокредда*, *мокруша* (здесь и далее – [3]), существуют особые номинации для проливного дождя: *водопад*, *дожжевина*, *заливной дождь*, *забойный дождь*, *забоистый дождь*, *обложник* и под. Дождь может сопровождаться другими метеорологическими явлениями, например, громом, снегом: *лепя*, *чичер*.

Подобные диалектизмы были использованы в ходе психолингвистического эксперимента, который является одним из неотъемлемых факторов получения данных об устройстве ассоциативно-вербальной сети и ментального лексикона [2: 9]. Результаты эксперимента оценивались с точки зрения изменения ассоциативных цепочек, что помогло сделать следующие выводы. Во-первых, студенты филологического факультета, возможно в силу своего опыта, в большинстве случаев приводили толкования, близкие к оригинальным. Это показывает, что ассоциации, сформированные славянскими предками, сохранились и у современного поколения, ср.: *замока* – сильный дождь, *обложник* – сильный, продолжительный дождь, *ситничок* /*ситничек* – мелкий морозящий дождь и др. Во-вторых, некоторые ответы студентов, напротив, показали новые образы, связанные с

понятием *дождь*. Например, *лежачка* в значении «*дождь, из-за которого человек “лежит” дома, не выходит на улицу*» (ср.: мелкий дождь, похожий на туман); *халепа* – «*дождь, после которого можно прыгать по лужам, “хлюпать”*». Видно, что сам механизм образования слов остался, однако современная картина мира предлагает иные ассоциации.

Можно сказать, что в эксперименте произошла «встреча поколений», для которых *дождь* имеет разное значение: если предкам было важно количество осадков и время их выпадения, то для нынешнего поколения дождь – это данность, некритично влияющая на качество жизни. Однако богатство и многообразие диалектных слов, несомненно, заслуживают нашего внимания, в том числе и потому, что достаточно легко «встраиваются» в современную языковую картину мира, закрывая некоторые имеющиеся или возникшие лакуны.

Литература

1. Бекасова Е.Н. Об особенностях семантического пространства русских диалектов (на материале Новгородского и Оренбургского областных словарей) // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – № 3 (11). – Великий Новгород, 2017. – С. 38-46.
2. Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги: учебное пособие. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. – 358 с.
3. Словарь русских народных говоров. – Т. 1-47. – М. – Л. – 1965-2014.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – Т. I / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева / под ред. и с предисл. Б.А. Ларина – М.: Прогресс, 1996. – 576 с.

АНТОНИМЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОЦЕНКИ В ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ)

Цзян Сюаньсюань

jiangxuanxuan@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Колосова Е.И.

hkolosova@yandex.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет

г. Казань, Россия

В последние годы антонимы как средство стиля и создания текста стали предметом лингвистических исследований, и изучению лексических категорий во многих отношениях уделяется все большее внимание. При исследовании различных языков лингвисты выдвигают на первый план такие вопросы, как: противоположность (противопоставление, полярность) значений, семантическое единство (и противопоставление) антонимов, идентичность в дистрибуции антонимов, идентичность в стиле антонимов, неодинаковое звучание антонимов, вероятность классификации антонимов, принадлежность антонимов к одной лексико-грамматической категории и т.д. [см. раб. И.В. Арнольда, Л.А. Булаховского, В.Н. Комиссарова, Л.А. Новикова и др.]. Но что касается определения антонимов как средства оценки в современной публицистике, то таких исследований сравнительно немного.

Для привлечения внимания читателей в условиях высокой конкуренции на современном информационном рынке СМИ стремятся сделать свою продукцию более привлекательной, экспрессивной, запоминающейся по форме. Поэтому в СМИ часто используется языковая игра, базирующаяся на характеристике самих антонимов. Так, при написании текста (особенно заголовков) зачастую выбирается яркое, броское, остроумное выражение или контрастное по оценке сочетание.

Основная стилистическая функция антонимов – быть лексическим средством выражения антитезы, поэтому в медиатексте активно используется эта стилистическая функция для достижения цели привлечения читателей. Эта стилистическая функция антонимов часто применяется в заголовках современных СМИ. Кроме этого, использование данных выражений создает аллюзию, отсылку к первоисточнику данных прецедентных выражений. Например: Блеск

и нищета черноземной рыбалки («Моё», №35, 2011), в этом заголовке есть пара антонимов «блеск-нищета», «блеск» в значении «богатство», «нищета» – значит «бедность»; «Низы» не могут, «верхи» не хотят («Российская газета», № 189, 2011), «низы» – низшие слои общества, «верхи» – высшие слои общества; Учение может быть светом, а может быть тьмой («Известия», № 184, 2011), в этом заголовке есть антонимы «свет – тьма», «свет» значит полезный, а «тьма» значит бесполезный.

Заголовки с контекстуальными антонимами еще более повышают экспрессивность медиатекста. Например, Закрыв глаза на очевидное, несут невероятное («Российская газета», № 199, 2010), в этом заголовке есть контекстуальные антонимы «очевидное – невероятное»: «очевидный», реальный, в который можно поверить, и «невероятный», невероятный, несуществующий; Россия в эру Водолея: сначала потрясения, затем – процветания («Комсомольская правда», № 51, 2013), контекстуальные антонимы «потрясения – процветания»: «потрясения» означает совсем изменилось, что-то совсем рухнуло, т.е. период, когда Россия в данном контексте не развивалась успешно, а «процветания» здесь означает успешное развитие, процветание, т.е. процветание России; Что американцу норма, то русскому смерть («Моё», № 12, 2012), контекстуальные антонимы «норма – смерть», «норма» – обычное, привычное состояние, а «смерть» в контексте заголовка приобретает значение «не норма, отсутствие привычного состояния» [1: 3]. Противоположности этих контекстуальных антонимов содержатся в их значениях, следовательно, эти антонимы также делают название более содержательным со стороны.

Таким образом, именно из-за наличия антонимов в СМИ читатели будут продолжать читать с интересом. На мой взгляд, современные газеты и новости прилагают все усилия, чтобы привлечь читателей, а с помощью использования антонимов авторы репортажей выражают собственную точку зрения, читатели могут интуитивно чувствовать контраст, даже в тех случаях, где нет ярко выраженной позиции.

Литература

1. Щур В.В., Ревякина Т.Л. Антонимы как средство создания экспрессивности газетных заголовков // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://l.120-bal.ru/literatura/11029/index.html?page=3>.

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО СВОЕОБРАЗИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

ОСОБЕННОСТИ ПОРТРЕТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК И НАИМЕНОВАНИЙ ПЕРСОНАЖЕЙ В КНИГЕ В.П. КАТАЕВА «АЛМАЗНЫЙ МОЙ ВЕНЕЦ»

Аль-Бакиен С.

sofia-tula@yandex.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Абрамова В.И.

istinijobraz@mail.ru

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого*

г. Тула, Россия

Важной составляющей характеристики персонажей в литературных произведениях является портрет – «описание либо создание впечатления от внешнего облика персонажа» [2: 762]. В книге В.П. Катаева «Алмазный мой венец», написанной в рамках особого авторского литературного стиля – мовизма, – писатель создает своеобразные портреты персонажей, прототипами которых являются реальные деятели литературы того времени.

Иллюстрация внешности персонажей у Катаева минимальна, образ по большей части выстраивается благодаря описанию жестов, мимики, манер. Кроме того, писатели и другие деятели искусства XX века выступают в книге под своеобразными «прозвищами», которыми их наградил автор. Эти «псевдонимы» имеют разного рода мотивацию: внешние признаки, межличностные и родственные связи, отсылки к творчеству, авторские ассоциации. Объединив их по группам, можно представить типологию образования наименований персонажей в книге:

1) Внешние данные: королевич – С.А. Есенин (голубые глаза, светлые волосы); колченогий – В.И. Нарбут (физическое увечье); синеглазый – М.А. Булгаков (цвет глаз) и т.д.

2) Отсылки к творчеству: щелкунчик – О.Э. Мандельштам (стихотворение «Куда как страшно нам с тобой...»); птицелов – Э.Г. Баг-

рицкий (стихотворение «Птицелов»); наследник – Л.И. Славин (самый известный роман – «Наследник») и т.д.

3) Характер взаимоотношения (родственные и дружественные связи): брат – Е.П. Петров (Катаев) (Евгений Петров является родным братом В.П. Катаева); жена птицелова – Л.Г. Суок (жена Эдуарда Багрицкого).

4) Ассоциации автора: ключик – Ю.К. Олеша; Командор – В.В. Маяковский и т.д.

5) Отсылки к роду деятельности: штабс-капитан – М.М. Зощенко (Зощенко участвовал в Первой мировой войне и имел чин штабс-капитана); босоножка – Айседора Дункан (танцовщица-новатор, основоположница свободного танца) и т.д.

При описании действий, манер и поступков героев Катаев широко использует качественные полные и краткие прилагательные. В особенности автор употребляет их при описании поведения королевича (Есенина), чтобы выделить подчеркнутую эмоциональность персонажа: *«запальчиво сказал королевич и прочитал вслух следующее стихотворение»*; *«печально махнул рукой и отправился в кассу»*; *«при этих щемящих словах королевич всхлипнул»*; *«королевич льстиво и в то же время издевательски заглядывал мне в лицо»* [1]. При этом по мере развития этого персонажа меняется и его портрет. После более близкого общения и сближения с поэтом, писатель поражается глубине переживаний и чувств королевича, непередаваемой боли, которая уже нарастала в его груди. Катаев начинает использовать лексемы, передающие внутреннюю дисгармонию героя: *«королевич подошел ко мне, обнял и со слезами на глазах сказал с непередаваемой болью в голосе, почти шепотом»* [1].

На контрасте с королевичем в книге построен образ Командора (Маяковского). При его описании также используются качественные краткие и полные прилагательные, которые указывают на противоположный королевичу характер – более строгий, рассудительный и холодный: *«Командор строго заметил»*; *«в такт своим чугунным шагам»* [1]. Эта «увесистость» Командора, описание его высокого роста и внушительного телосложения делает его «выше на голову всех прохожих» в двух планах: физическом (рост) и метафизическом (талант). Уделяет внимание В.П. Катаев описанию одежды своих персонажей, что также является составляющей портрета как характеристики героев. Так автор описывает синеглазого (Булгакова): *«он надел галстук бабочкой, цветной жилет, ботинки на пуговицах, с*

прюнелевым верхом, и даже, что показалось совершенно невероятным, в один прекрасный день вставил в глаз монокль» [1]. Внешний облик синеглазого подчеркивает аристократизм его манер, принадлежность к интеллигенции и консерватизм во взглядах: «синеглазый же, наоборот, был весьма консервативен, глубоко уважал все признанные дореволюционные авторитеты» [1].

У некоторых героев внешний вид контрастирует с их характером. Так, Катаев, описывая ключика (Олешу), изображает его как человека крепкого, широкого телосложения, но при этом отмечает по-детски добрый взгляд и мягкий нрав героя: *«При маленьком росте ключик был коренаст, крепок, с крупной красивой головой с шапкой кудрявых волос, причесанных а-ля Титус, по крайней мере, в юности»; «ключик был похож на слоненка: такой же широкий лоб, такие же глубоко сидящие, почти детские глаза» [1].*

Таким образом, В.П. Катаев активно использует портретные характеристики и особые наименования персонажей с целью раскрытия их образов. Выражения их лиц, мимика, жесты, внешний облик помогают передать чувства, которые переживают герои, и дать им наиболее полную характеристику.

Литература

1. Катаев В.П. Алмазный мой венец // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/PROZA/KATAEW/almazn.txt> (дата обращения: 06.01.20122)
2. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 с.

РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ А. ИВАНОВА «ОБЩАГА-НА-КРОВИ»

Бальдикова А.

altynaibaldikova@gmail.com

Научный руководитель: к.ф.н. доцент Жапанова М.Е.

marzhan.eni@gmail.com

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

г. Нур-Султан, Казахстан

Роман Алексея Иванова «Общага-на-Крови» (2006), проделавший путь длиною в четырнадцать лет к своему читателю (завершенная

рукопись датируется 1992 годом), был неоднозначно встречен критиками, в силу откровенного и детального описания «дна» современной писателю действительности.

Действия романа происходят в постсоветское время, в период политического и социального кризиса, следовательно – насилие, война за социальное превосходство, размытые границы добра/зла и господство последнего. Все это наблюдаем в общежитии университета, на наш взгляд, весьма символическом пространстве, ведь «весь мир общага».

М. Бутербродова, определившая жанр романа как притчу, с евангельскими отсылками, пишет: «... персонажи ведут спор о концепции Бога...; герои этого самого романа, рассуждают о божественном предназначении каждого человека...» [2]. Подтверждение вышеуказанной позиции представлено в размышлении первокурсника Отличника, пожалуй, единственного героя с чистыми помыслами, твердо знавшего свое предназначение на этом свете: «Общага была просто нереальным миром, где не оставалось ничего святого, ничего неоскверненного, но почему-то только здесь был смысл искать щедрую, всемирную правду» [1: 220].

В микрогосударстве – общегае, наделенном чертами мироздания – иерархия, законы, взыскания, его жители – студенты, вынуждены морально опускаться и истязать себя во избежание выселения. От риторического вопроса о вершителях человеческих судеб, Ботовой и ее опричниках Ринате и Гапонове, они переходят к размышлениям о роли бога в их жизни. Нели, Лёли, Вани и Игоря, объясняя свои греховные пороки апеллируют к Всевышнему. К примеру, в диалоге с Отличником Неля высказывает следующую позицию: «У бога четыре свойства, он есть истина, он создал все, его воля моментально исполняется, он подвержен желаниям. Но ведь желание может пойти в разрез с другими свойствами» [1: 99].

Ради места в общежитии все четверо совершают «сделки с дьяволами» в лице комендантши Ботовой и ее помощников: Неля и Лёля соглашаются на унижительное сожительство с председателем студенческого совета Яном Гапоновым и мужем комендантши Ринатом; Ваня остается на правах «стукача» и предает Отличника; Игоря принуждает к интиму Ботова. Смирясь с жестокостью, они оправдывают свое падение, предаваясь библейским и философским мыслям: «...я считала, что в мире – везде – есть какой-то высший нравственный закон. Я думала, что природа заключает в себе не

только физические, но и нравственные законы, которые в человеке существуют изначально, а не воспитываются. Я сделала эту подлость, убила Ваньку, ну и что? Разве поразила меня молния с неба?» [1: 234].

В противовес им выступают Отличник и его возлюбленная Серафима, к которым восходят **религиозные мотивы**. Героя без имени Отличника отождествляют с Иисусом Христом: *«Христос – это бог, его Богородица родила. А тебя мы, грешные, родили. Что было лучшего у нас в каждом, то в тебя и вложили» [1: 268]*. Молодой человек невольно становится участником исповеди, ему доверяют самые низменные тайны и желания: *«Я хочу без стыда поведать тебе о своей душевной боли, надеясь на немое сочувствие»*. Для него невыносимо видеть нравственную смерть друзей, *«вурдалаков, застигнутых врасплох за поеданием человеческого мяса»*, но как это свойственно образу Иисуса Христа – он прощает грехи, ведь любовь к ближнему по нему является основой любых отношений [3: 142]: *«Это плохо, когда гадкие мысли...но это не самое страшное...страшно, когда не любишь»*. Однако, святость героя, показанная через восприятие других, диссонирует с его самоощущением, он не раз ловил себя на мысли, что готов совершить самоубийство: *«Отличник бы с большей бы охотой вышел не в дверь, а в окно»* – что примерно и происходит с героем в конце романа, когда он лишается света в лице возлюбленной. Акт насилия над собой и позиция полного отрицания бога: *«...и чего, наконец, ему надо больше? Веры или страдания? Если страдания – то это не бог, бога нет» [1: 98]*.

Источник бескорыстной любви Отличника Серафима, имя которой с религиозным смыслом, она высший ангел, наиболее приближенный к богу. Словно противопоставляя ее жителям «общаги-на-крови», автор дает портретную характеристику девушку при первой встрече с ним: *«...она светила, словно была из золота, как божества древних инков»*, *«редкое ощущение сердечности и тепла»*, *«...она рада ему, рада не как парню, гостю или другу Игоря, а просто как человеку» [1: 124, 125]*.

Резюмируя вышеизложенной, заметим, что религиозная точка зрения имеет место для трактовок сюжетных коллизий в романе.

Литература

1. Иванов А. Общага-на-крови. – М.: Издательство Альпина нон-фикшн, 2021. – 288 с.

2. Бутербродова М. Алексей Иванов // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ivanproduction.ru/recenzii/obshhaga-na-krovi/5.html>
3. Васильева М.А. Христианские и мифологические образы в романе А. Иванова «Общага-на-крови» // Юность Большой Волги: сборник ст. лауреатов XXII Межрегиональной конференции-фестиваля научного творчества учащейся молодежи, – Чебоксары, 2020. – С. 141-144.

ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ОБРАЗА НЯНИ КАК СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАТЕЛЯ В РАССКАЗЕ ДУРЫЛИНА С.Н. «ЧЕТВЁРТЫЙ ВОЛХВ»

Барабанов С.

jzarabanov.sergey@gmail.com

Научный руководитель: к.п.н., доцент Барабанова М.Ю.

pecarmarina@rambler.ru

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н.Толстого*

г. Тула, Россия

Дурылин С.Н. – педагог, богослов, литературовед, этнограф, религиозный поэт и писатель – человек чрезвычайно и разносторонне одарённый, яркая и необычная личность в русской культуре первой половины XX века. Он сказал своё слово в различных литературных жанрах, но особого внимания заслуживает его проект написать о русской няне, которая, по мнению С.Н. Дурылина, «в религиозном, нравственном, этическом развитии русского человека имела несравненно большее значение, чем сотни всяких педагогов, публицистов, просветителей, проповедников и т.д.» [1: 10]. Эту идею при жизни своей писатель не успел реализовать, хотя во многих его произведениях нередко присутствует образ няни как «источника тепла и любви, изливаемых на душу ребёнка» [1: 10]. Одним из таких произведений является святочный рассказ «Четвёртый волхв». Согласно законам жанра, события в произведении происходят в вечер Рождества. Но время в рассказе не имеет конкретики: это может быть любой рождественский вечер из детства рассказчика. Место действия – детская комната. Действующие лица – няня Пелагея Сергеевна и два её маленьких воспитанника, братья. Сюжет – разговор няни с детьми о событиях Рождества и о волхвах, которых, по уверению

Пелагеи Сергеевны, *«не три, а четыре»* [2: 420], причём один из них – русский, с русским же именем.

Няня – центральный образ рассказа, выписанный автором с большой любовью. Няня изображена как простая, не слишком образованная женщина, искренне верующая, трудолюбивая и уважающая чужой труд, добрая, любящая своих мальчиков, патриотка, реалистка и историческая оптимистка. Эти качества няни находят отражение в языковом воплощении её образа. Речь няни необычайно образна, в ней соединяется лексика, характерная для фольклорных произведений, с рядом слов-библейзмов и церковнославянизмов. Так, на вопрос мальчиков, почему русский волхв не дошёл до Христа, няня отвечает: *«А потому, что заблудился... в лесах, в пещорах, в пустынях-густынях»* [2:421] – слова, которые вполне могли бы украсить любую сказку. На вопрос же, когда волхв выйдет из лесов, – ответ в совершенно другой, народно-религиозной стилистической манере: *«А тогда, когда дар нивы приготовит»* [2: 420].

Четвёртый волхв, по рассказу няни, должен принести в дар младенцу Христу *«хлебушка»*, потому как *«что же у русского крестьянина есть, кроме хлебушка?»* [2: 422]. Няня подробно рассказывает детям, как будет приготовлен в дар этот непременно *«чёрный... ржаной»* хлеб: *«со всей земли возьмет, отовсюду по зернышку, ото всех полей, от праведных хресьянских трудов, замесит на ключевой водице, испечет на чистом огне. От всей земли будет хлеб хресьянский»* [2: 423]. Здесь снова в манере рассказчицы – преобладание народнопоэтической речи, переданы даже её фонетические черты: *«хресьянский»* хлеб, потому что *«русский человек – хресьянин... Всегда хресьянин»* [2: 423]. Но в подробном рассказе няни о приготовлении хлеба есть и библейзм в старославянской огласовке: огонь для хлеба должен быть *«от небесного огня, честнаго древа»* [2: 423]. И снова сочетание народной речи и речи церковнославянской: *«надо спечь»* хлеб, тогда *«путь прям откроется»* - и повтор в другой огласовке: *«путь отверзется»* [2: 423]. Любовь няни к своим воспитанникам выражается в её обращении к ним *«милый»*: на протяжении рассказа это слово используется 6 раз во всех 6 обращениях. Эта любовь показана и в действиях, которые взаимонаправлены: няня *«гладит»* рассказчика по голове, а второй мальчик прижимается к ней лицом: *«так тепло! так мягко!»* [2: 422]. Вера няни показана автором через её рассказ (явно имеющий фольклорную основу) и через действия: у неё перед иконой *«всегда горела ...зеленая лампа»*

да» [2: 421], она «крестится медленно и истово» [2: 421], кладёт «земной поклон» [2: 424] перед иконой Спасителя, поёт тропарь Рождеству.

Рассказ няни о четвёртом волхве свидетельствует о том, что няня любит русскую землю и русский народ, понимает и уважает крестьянский труд, знает, как пекут хлеб. Её трудолюбие не показано прямо, но, следуя логике рассказа, становится ясно, что ей немало пришлось поработать в жизни. Няня оптимистично верит, что «откроется от Русской земли праведный путь до Божьего града» [2: 421], но на вопрос ребёнка о том, когда это будет, реалистично отвечает: «Неизвестно, милый» [2: 421].

Все свои лучшие качества няня передаёт своим воспитанникам. Не случайно произведение заканчивается рассказчиком на оптимистической ноте: «Но вот, вопреки всему, я знаю..., что было не три, а четыре волхва, и у четвертого волхва было русское имя, — я знаю, впрочем, и еще больше: я верю, что четвертый волхв выйдет из лесов, и найдет прям путь до этой голубоокой звезды, и принесет Родившемуся в эту ночь Дар земли своей» [2: 425].

Литература

1. Няня. Кто нянчил русских гениев / Сост, подготовка текстов, коммент., биограф. справки В.Н.Тороповой. — 2-е изд. - М.: Никая: Редакция «Встреча», 2017. — 448 с.
2. Дурылин С.Н. Четвёртый волхв // Святочные рассказы русских писателей / Сост. Т.В. Старыгина. — М.: Никая, 2017. — С. 420-425.

МОТИВ НЕРАВНОГО БРАКА В ПОЭЗИИ Н. А. НЕКРАСОВА: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Бородин В.

borodin.valentin.v@yandex.ru

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Ларкович Д. В.

dvl10@yandex.ru

Сургутский государственный педагогический университет

г. Сургут, Россия

Интертекстуальный анализ — один из актуальных подходов к изучению художественных произведений литературы и других видов

искусства. Авторский текст существует среди других поэтических текстов – «интертекстуальность как понятие сигнализирует, что автор перестает быть единственным источником смысла текста» [1: 36]. Данный подход позволяет проследить развитие типичных явлений, формирование авторского художественного метода, открыть в произведениях новые смыслы. Относительно преподавания литературы в школе, использование интертекстуального анализа помогает обучающимся понять ход развития литературы как единый процесс, а более узкие методы, например, интремедиальный анализ, связать литературу и другие виды искусства.

Мы понимаем под интертекстуальностью диалогические, не всегда осознаваемые автором, взаимоотношения между произведениями искусства, литературными и других жанров.

Н.А. Некрасов – один из крупнейших русских литераторов XIX века, интерес к творчеству которого в отечественном литературоведении устойчиво высок. В числе актуальных тем современного некрасоведения фигурируют вопросы о диалогических контактах Некрасова и других авторов [2], истоках магистральных мотивов его поэзии [3], сквозных образах [4] и др. Но менее важной остаётся проблема выявления интертекстуальных перекличек и схождений некрасовской поэзии, решение которой позволит расширить поле видения масштаба творческой личности русского поэта.

Как известно, Некрасова волновали многие социальные вопросы. Один из таких вопросов – неравенство женщины в мире, в том числе и в любовных взаимоотношениях. Изучая творчество поэта, можно выделить ряд стихотворений, в которых встречается мотив неравного брака. Он не определяет тематику рассматриваемых стихотворений, но является одним из значимых сюжетообразующих факторов произведения.

Под неравным браком мы понимаем отношения между неравноправными партнёрами, мужчиной и женщиной, добрачные и брачные. Их неравенство может проявляться по-разному, как в социальном и экономическом плане – разные сословия, так и в культурном, интеллектуальном.

Мотив неравного брака нередко встречается в русском народно-поэтическом репертуаре. Некрасов в своих стихотворениях нередко обращается к фольклорным первоисточникам. Так, например, стихотворение «Огородник» (1846) повествует о любовной связи мужика-огородника и дворянской дочери. Схожие детали-символы

мы можем встретить в русской народной песне «Как поймали добра хлопца у прилуки красной девицы...». В «Огороднике» причёска лирического героя – одна из деталей его молодецкой красоты: «У меня ль, молодца, кудри – чесаный лен...» [5: 39]; в народной песне волосы являются метафорой вольной молодости и её временности: «Как не бел гребень головушку чешет – чешет пора-время» [6], то есть «расчёсывает» волосы время, а в данном случае «молодца» скоро могут забрать в рекруты, и выход – найти девицу для женитьбы. Но намерению лирического героя не суждено осуществиться: его поймали и «обрили молодцу кудри русые. / Не видать моим кудерюшкам уже прежней волюшки» [6]. Остригание кудрей отражает потерю вольности и у Некрасова: «И красу с головы острой бритвой снесли, / И железный убор на ногах зазвенел» [5: 41]. Но в двух произведениях разная социальная тема: в народной песне – рекрутская повинность, у Некрасова – неравенство в любви: «Знать, любить не рука / Мужичу-вахлаку да дворянскую дочь!». Авторская тема перекликается, например, с песнями о Ваньке-ключнике, в которых молодой слуга живёт с княжеской женой: «Молода его княгиня жила сь вѣрным ключникомъ» [7]. О его проступке узнают, и на допросе Ванька-ключник ничего не рассказывает о княгине: «Я знать того не знаю, вѣдать не вѣдаю...» [7]. Также поступает и «Огородник»: «Я стоял да молчал, говорить не хотел...» [5: 41]. Мы наблюдаем в стихотворении Некрасова явные отсылки к фольклорному претексту как на тематическом уровне, так и на уровне художественных деталей.

Тема неравного брака волновала многих современников Некрасова. Одно из проявлений социального явления – выданье молодых девушек за стариков. В четвёртой части стихотворения «Нравственный человек» (1847) описана такая ситуация: девушку, влюблённую в молодого учителя, отец против её воли выдаёт за «седого богача» [5: 59].

Через 15 лет выходит картина В.В. Пукирева «Неравный брак», в которой можно увидеть некоторые черты сходства со стихотворением Некрасова. Одна из ключевых фигур – такой же седой мужчина, по одежде и наградам которого ясно, что это зажиточный человек. В стихотворении говорится: «Стала вдруг бледнеть и гаснуть Маша / И через год в чахотке умерла» [5: 59]. На портрете Пукирева также изображена бледная девушка, а если приглядеться, то можно увидеть знаки возможной будущей смерти молодой невесты: слева от жениха изображены ещё две «невесты» – старухи в подвенечных платьях,

умершие жёны старика. В обоих произведениях мы видим и молодого возлюбленного. В стихотворении девушка *«в учителя влюбилась / И с ним бежать хотела сгоряча»* [5: 59]; на картине изображён возлюбленный невесты – мужчина, стоящий в правой части со скрещёнными руками. Таким образом, оба произведения рифмуются друг с другом, расширяя смысловое пространство обоих текстов.

Ввиду тематического разнообразия и обширности материала, которым вдохновлялся Н.А. Некрасов, рассмотрение его творчества через призму интертекстуального подхода представляется нам плодотворным, т.к. позволяет решать различные литературоведческие задачи: от истории развития частных вопросов до выстраивания общей картины литературного процесса середины XIX века.

Литература

1. Фатеева Н.А. Поэзия как филологический дискурс. 2-е изд. – М.: Издательский дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. – 360 с.
2. Филипповский Г.Ю. А.С. Пушкин – Н.А. Некрасов: аспекты диалогической поэтики // Научный диалог. – 2021. – №3. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/>
3. Филипповский Г.Ю. Н.А. Некрасов и английские предромантики (к истокам поэтического мотива ночи) // Верхневолжский филологический вестник. – 2021. – №2 (25). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/>
4. Андреева В.Г. Образы священников в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и повести С.И. Гусева-Оренбургского «Страна отцов» // Вестник Костромского государственного университета. – 2021. – № 2. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/>
5. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. – Т. 1. Стихотворения 1838–1855 годов. – Л.: Наука, 1981. – 719 с.
6. Песни крестьян, оторванных от земледелия // Горенка. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gorenka.org/index.php/>
7. Песня о Ваньке-ключнике из архива А.И. Эртеля // Вантит. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vantit.ru/library/item/>

К ВОПРОСУ ОБ ОСМЫСЛЕНИИ ПРОБЛЕМЫ УМА В КОМЕДИИ А.С.ГРИБОЕДОВА «ГОРЕ ОТ УМА»

Булаева А.

bayu0127@gmail.com

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Пронина Е.В.

alepro@yandex.ru

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н.Толстого
г. Тула, Россия*

В настоящей статье рассматривается одна из ключевых проблем произведения А.С. Грибоедова «Горе от ума» – проблема ума. В произведении автор описывает светское общество Москвы времен крепостного права. В некоторых деталях и формах «Горе от ума» (1825) является, по мнению литературоведов А.Н. Веселовского, М.Г. Соколянского, аллюзией к классической комедии Мольера «Мизантроп» (1666). Главные герои произведений, Альцест и Чацкий, весьма умны, открыто выражают свои воззрения, обличают пороки общества, в котором живут.

В XVII - начале XIX века, несмотря на многообразие философских направлений, под словом «ум» понимали способность человека логически мыслить. Читая комедию А.С. Грибоедова, мы понимаем, что автор использует два значения понятия «ум»: (1) – интеллектуальные способности человека и (2) – способность устроиться в жизни. Рассмотрим эти два смысла на примере образов героев пьесы.

Одним из главных героев комедии является Александр Андреевич Чацкий. Александр Андреевич представляется нам прямым человеком, который всегда говорит то, что он думает. Он приходит в гости к Фамусову, другому главному герою пьесы – антагонисту, которого не видел три года, и начинает гневно обличать устои дворянского общества, что подтверждают слова одного из его монологов «*А судьи кто?*». Чацкий выражает прогрессивные идеи, указывая аристократам на необходимость перемены взглядов. Он считает, что крепостничеству в Москве не место, осуждает людей, которые продают крепостных: «*Тот Нестор негодяев знатных,*

Толпою окруженный слуг...вдруг

На них он выменял борзые три собаки!!!» [1]

Фамусов же, наоборот, поддерживает старые устои. Чацкий считает, что люди должны быть образованными, но Фамусову это не нравится. Иными словами, герой в мыслях Чацкого видит угрозу своему комфортному существованию, своим привычкам. Именно поэтому «фамусовское общество» объявляет героя сумасшедшим. В итоге, в конце произведения, пережив *«милльон терзаний»*, Чацкий бежит из Москвы туда, где *«оскорбленному есть чувству уголок»*. Возникает вопрос – умен ли Чацкий? Каждый из критиков комедии имел свою точку зрения по этому поводу.

Сам А.С. Грибоедов представил героя достаточно умным человеком, что выражается в его монологах. Но, к сожалению, его ум не помогает ему, а скорее, мешает, Александр Андреевич остается ненужным в нынешнем обществе. Таким образом, Грибоедов продемонстрировал, что Чацкий переживает «горе от ума». И.А. Гончаров в статье «Милльон терзаний» говорит о том, что герой *«положительно умен, речь его кипит остроумием»* [2]. К тому же Чацкий – человек развитый и безукоризненно честный, но ум такого человека играет *«страдательную»* роль в произведении. По нашему мнению, Александр Андреевич Чацкий достаточно умный человек, который смотрит в будущее со своих позиций и который всеми силами пытается доказать, что нынешнее общество не сможет существовать, однако этому герою не хватает хитрости и мудрости.

Теперь рассмотрим понимание ума с другой стороны, совершенно отличной от интеллектуальности. «Ум» в произведении – это умение приспособиться. Таким качеством обладают все остальные герои пьесы. Например, Фамусов – человек, в доме которого и происходят события пьесы, один из самых ярких представителей «минувшего века». В одном из своих монологов он восхваляет московские нравы. Герой считает, что все является идеальным для проживания. Его радует, когда московские дочери *«к военным людям так и льнут / А потому, что патриотки»*, а московские старики, которые занимаются делами, вместо того, чтобы решать их, *«поспорят, пошумят и ... разойдутся»* [1]. Для него хорошо все то, что держится на прежних устоях и связях. Он считает, что дочь нужно отдавать замуж за человека только с высоким чином. В «фамусовском обществе» такую жизнь считают великолепной, и поэтому никакие изменения не нужны. Подобный герой «умен», поскольку умеет приспособиться к обстоятельствам.

Алексей Степанович Молчалин, который является секретарем Фамусова и возлюбленным Софьи, желает сделать карьеру, стремится получить высокий чин и немалое богатство. Он делает это путем угодничества. Автор дал герою «говорящую» фамилию, которая означает «молчать». Он не дает окружающим делать вывод о себе, умен он или нет. Об этом говорит и пословица: «Промолчишь, за умного сойдешь».

Таким образом, приведенные примеры показывают, чем, по мнению А.С. Грибоедова, отличается ум как интеллектуальная способность от желания и умения приспособиться и как эти два понятия сталкиваются, являя собой основу конфликта в пьесе.

Литература

1. Грибоедов А.С. Горе от ума. Сухово-Кобылин А.В. Пьесы. Островский А.Н. Пьесы. – М.: Художественная литература, 1974 // [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/5/index.html>
2. Гончаров И.А. Милльон терзаний (Критический этюд). Собрание сочинений в 8-ми томах. Том 8. – М., Государственное издательство художественной литературы, 1955. // [Электронный ресурс]:– Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/1075/index.html>

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В РОМАНЕ И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»

Дорофеева Г.

dorofeeva_gayana@mail.ru

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Красовская Н.А.

nelli.krasovskaya@yandex.ru

Тульский государственный педагогический

университет им. Л.Н.Толстого

г. Тула, Россия

Богатство русского языка проявляется во многих аспектах, одним из них является использование метких и образных устойчивых сочетаний – фразеологизмов. Употребление фразеологизмов усиливает выразительность фразы, так как в большинстве из них присутствуют обобщенно-метафорический смысл, оценочность, эмоциональность.

Стоим отметить, что при анализе фразеологизмов нужно определить происхождение фразеологизмов, так как источник происхождения фразеологизмов помогает узнать не только историю появления устойчивой единицы, но и значение.

Писатели обращаются к фразеологическим единицам, чтобы использовать экспрессию. В художественных произведениях использованные фразеологизмы выполняют несколько функций. Рассмотрим функции и происхождение нескольких фразеологизмов в романе И.А. Гончарова «Обломов».

Автор использует фразеологизмы, в состав которых включён компонент «Бог». Фразеологизм «данного богом» употребляется в следующем контексте: «Захар не старался изменить не только данного ему богом образа, но и своего костюма» И.А. Гончаров использует именно этот фразеологизм, так как хочет подчеркнуть образность ситуации. Автор с помощью устойчивого словосочетания указывает на отношение Захара к себе, к своим вещам. Использование фразеологизма «данного ему Богом» раскрывает тот факт, что Захар ничего не пытается менять в своём образе жизни, укладе. С помощью фразеологизма автор говорит о том, что герой считает: данное Богом невозможно изменить, если Бог так решил, значит, так нужно.

Фразеологизм «бог знает» используется в следующем контексте «Дом Обломовых был когда-то богат и знаменит в своей стороне, но потом, бог знает отчего, все беднел, мельчал...». Данный фразеологизм относится к разговорному стилю речи, поэтому благодаря ему автор погружает читателя в бытовую обстановку. Кроме того, нужно отметить, что значение фразеологизма помогает добиться точности картины. Использование этого фразеологизма выражает экспрессию, показывая, что нечто несусветное повлияло на дом.

Фразеологизм «иди с богом» используется в контексте «Ты иди с богом, куда хотел...» И.А. Гончаров, употребляя это фразеологизм в речи Ильи Ильича, хочет выразить отношение героя к Тарантьеву. Мы можем предположить, что Илья Ильич, когда использовал это выражение, хотел ободрить человека, желая ему в попутчики на жизненном пути самого Бога, который будет оберегать его от невзгод и лишений, либо отправляя человека на дела ратные, где один он может не справиться, а потому Бог ему поможет.

Фразеологизм «бог весть» используется в контексте «... ещё минута – и сознание улетело бы бог весь куда, но вдруг...» Фра-

зеологизмы «*бог весть*», «*бог знает*» являются синонимами. Автор использует ещё раз этот фразеологизм, заменив один компонент «знает» на «весть», чтобы подчеркнуть его значение «неизвестно кто». Фразеологизм придаёт яркость и точность речи героя.

Фразеологизм «*бог с ним*» используется в контексте «*Нет, бог с ним, с морем!*». С помощью устойчивого словосочетания автор показывает отношение говорящего, раскрывая выражение согласия, примирения.

Следующий фразеологизм также имеет в своём составе компонент «Бог». И.А. Гончаров использует фразеологизм «*зги божией не видно*» в следующем контексте: «*Зги божией не видно, да и одна штора почти совсем опущена*». Автор употребляет его для эмоциональной выразительности, так как значение фразеологизма «ничего не видно» помогает автору выразить то, как герой воспринимает ситуацию. По версии ряда известных исследователей, слово «зга» – это сокращение древнерусского *стыга/стега* (тропа, путь). Превращение слова «стыга» в «зга» можно объяснить падением редуцированных гласных в древнерусском языке в XI-XIV веках и последовавшими за этим изменениями в структуре слова [2].

Проанализировав только часть фразеологических сочетаний, мы пришли к следующим выводам:

1. Фразеологизмы, использованные И.А. Гончаровым в романе «Обломов», выполняют несколько функций. Во-первых, они не только называют явления действительности (называют через сопоставление, образно), но и передают отношение говорящего к названному явлению. Во-вторых, фразеологизмы придают речи образность, яркость, точность. Употребляя такие сочетания, писатели добавляют своим произведениям эмоциональность, афористичность и даже метафоричность. В-третьих, фразеологизмы характеризуются эмоциональной выразительностью. Сопоставление фразеологизмов со словами и словосочетаниями оживляет эмоциональность и образность речи героя [1].

2. Все рассмотренные фразеологизмы – это устойчивые словосочетания, пришедшие из Библии. Большую часть фразеологизмов современного русского языка составляет библейская фразеология.

Литература

1. Роль фразеологизмов в речи // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://brains.ucoz.ru/index/rol_frazeologizmov/0-20

2. Этимология фразеологизма «ни зги не видно» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/z/Zga.html>

**ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ
ДЕТСКОГО СОЗНАНИЯ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЦИКЛА «ДЕНИСКИНЫ РАССКАЗЫ»
В.Ю. ДРАГУНСКОГО**

Лаур Т.

madam.laur@gmail.com

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Романов Д.А.

kafrus@rambler.ru

Тульский государственный педагогический

университет им. Л.Н. Толстого

г. Тула, Россия

Термин «языковое сознание» широко используется в современной психолингвистике, и многие ученые по-разному определяют этот феномен. Рассмотрим наиболее известные из них.

Т.Н. Ушакова рассматривает языковое сознание как бинарный элемент: «сознание – психический феномен нематериальной природы (его нельзя измерить по пространственным признакам, он непространственен, нельзя услышать, посмотреть на него) – и материальный феномен произносимой или записываемой речи, а также физиологический процесс формирования вербальных языковых связей» [4: 17]. Основным свойством языка Т.Н. Ушакова называет его способность быть индикатором, отображателем психоэмоционального состояния говорящего. Похожим образом о языковом сознании говорит и Р.С. Каспранский, считая, что в широком смысле термин отражает «объективный мир в двухстороннем знаке, в котором объединены представления о предметах и явлениях объективного мира со звукомоторными представлениями (Ф. де Соссюр) и суть этой связи отражает внутреннюю форму языка (В. фон Гумбольдт)» [3: 84]. В свою очередь П. Я. Гальперин и О. Я. Кабанова считают языковое сознание «закрепленным в грамматических значениях специфический языковым способом отражения действительности народом, говорящим на данном языке» [2: 111-112].

Виктор Юзефович Драгунский по праву считается одним из лучших писателей-прозаиков XX века. Богатый творческий опыт, театральные и цирковые выступления дали писателю почву для развития на литературном поприще. Его карьера начиналась с написания монологов, интермедий, юморесок, сценариев и фельетонов, также Драгунский сочинял тексты песен, а в военные годы организовывал фронтовые концерты.

Говоря о творчестве В. Драгунского, отметим, что большинство его произведений – истории из детской жизни. Многие произведения основаны на реальных событиях и представляют собой описание происходящих с его сыном Денисом событий, обрамленных художественным словом и комичной оболочкой, которые составляют стержень, отличающий необычный стиль подачи материала автором от коллег. Собирая по крупицам уроки жизни, главный герой растет и узнает мир вокруг себя, приобретает ценные навыки в общении со сверстниками и взрослыми, на своих ошибках учится не совершать необдуманных поступков, которые могут привести к опасным, негативным последствиям. Все это происходит в сопровождении доброго юмора, иногда грустной лирики.

Рассказы не создаются искусственно: каждое из событий обуславливается и расшифровывается особенностями детской психики и восприятия окружающего мира в разном возрасте – с раннего детства до школьных лет. С изменением мировосприятия и картины мира изменяется и повествование, ведущееся от первого лица.

Исследователями выделяются 4 основных приема, которые использует В. Драгунский в своих произведениях для создания комического эффекта:

1. Несоответствие ожидаемого и реального. Этот прием необходим для того, чтобы правдоподобно отобразить детское мировосприятие, когда фантастическое и нереальное разбивается о реальное, физическое, что часто бывает у детей.

2. Алогизм. Этот прием представляет собой использование в речи героев (внешней и внутренней) юмористических и алогичных рассуждений.

3. Парадокс. В.Ю. Драгунский умел даже на совершенно обыденном, житейском материале создавать невероятные, поучительные ситуации.

4. Имитация детской речи, возрастных речевых особенностей – общий стилистический прием, используемый в произведениях детской литературы.

Важно отметить, что у Драгунского изображение добра и зла становится ненавязчивым и интуитивно понятным. Рассказчиком представляется главный герой, а «третье лицо» или же «чужой голос» отсутствует. Жизненные уроки строятся на основе абсурдности некоторых событий, в результате которых и Дениска, и читатель становятся лучше, умнее, добрее, заботливее. Виктор Драгунский как никто другой не только замечал, но и умело отражал на бумаге даже самые незаметные, но оттого не теряющие важности детали.

Отображение детской языковой картины мира у Драгунского находим, в частности, в прямой речи персонажей-детей. Отметим, что автор в большом количестве употребляет слова (чаще имена существительные и прилагательные) с уменьшительно-ласкательными суффиксами -еньк-, -к-, -ц- для выражения положительной оценки описываемого предмета. Даже имя главного героя обогащается суффиксом -к- (*Дениска*), потому как окружающие обращаются к нему полным именем тогда, когда разговор становится серьезным и может быть негативно окрашен. А суффиксы -ищ-, -ющ- используются для гиперболизации и выражения негативной коннотации у имен существительных для характеристики персонажей или предметов окружающей действительности: *«Нет, ты, Костик, лучше успокойся! С твоим язычищем лучше на земле сидеть.»* [1: 47] Использование такого приема обусловлено особенностями детской языковой картины мира: все хорошее и позитивное взрослые при общении с детьми обычно описывают с добавлением уменьшительно-ласкательных суффиксов, отчего речь приобретает дружелюбный характер. Как только в центре событий оказывается негативное, отрицательное с точки зрения норм морали происшествие, его преподносят нарочито утрированно. Дети запоминают такие модели выражения коннотативных значений и пользуются ими в своей речи, составляя порой несуществующие окказиональные слова.

С синтаксической стороны следует отметить, что предложения, используемые автором для выражения прямой речи детей, простые, чаще распространенные, полные. Присутствует большое количество сочинительных союзов, для выражения причинно-следственных связей в финале рассказов преобладают подчинительные союзы. Речь взрослых отличается от детской и представляется в виде ослож-

ненных распространенных предложений. Комичность в детской речи выражается через использование «перевертышей» – предложений с обратным порядком слов, усечение предложений, использование искаженных фразеологических оборотов. Детская речь отображает наивнейшую картину мира, в которой вещи выглядят не так, как в реальности, искажаясь под влиянием воображения, фантазии.

Также для достижения лучшего погружения в детское мировосприятие автор использует большое количество сравнений, часто нелепых и гиперболизированных. Сравнения выражаются при помощи сравнительных оборотов с союзом «как», «будто», «словно» и иногда выносятся в отдельное предложение ввиду своей распространенности.

Языковая картина сознания детей своеобразна и неповторима, что объясняется особенностями развития и становления картины мира у ребенка. Благодаря ряду уникальных литературных приемов автору удается создать образ мальчика, который является прямым отражением его сына, чья языковая картина мира менялась и совершенствовалась на глазах писателя.

В. Драгунский описывает образы его персонажей-детей, часто используя стилистические приемы, характеризующие психолингвистические особенности их языковой картины мира, отражающей действительность таким образом, что многие события и явления приобретают иной смысл и характер, отличая главных героев от окружающих их взрослых.

Литература

1. Драгунский В.Ю. Денискины рассказы. – М.: «Астрель», 2012. – 60 с
2. Кабанова О.Я. Языковое сознание как основа формирования речи на иностранном языке // Управление познавательной деятельностью учащихся / под ред. П.Я. Гальперина, Н.Ф. Талызиной. – М. : Изд-во МГУ, 1972. – С. 109-133.
3. Каспранский Р.С. Языковые представления и языковое сознание // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникаций. – М. : ИЯ АН СССР, 1988. – С. 84-85.
4. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание: содержание и функционирование: тезисы докладов 13-го Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. под ред. Е.Ф. Тарасова. – М., 2000. – 288 с.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «НОЕВ КОВЧЕГ» В ИДИОЛЕКТЕ ВЕРЫ ПОЛОЗКОВОЙ

Малышева У.

umalysheva@sfedu.ru

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Табаченко Л.В.

lvtabachenko@sfedu.ru

Южный федеральный университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

В поэтическом мире Веры Полозковой особое место занимают мотивы, связанные с религией. Исследователи отмечают высокую частотность библеизмов в её текстах [Елистратова 2011, 2012; Белоус 2013]. Чаще всего они употребляются как идеологемы, знаки свернутого сюжета или специфические элементы тропа [1:185-186].

Цель данной статьи – анализ семантических микрополей (далее СМП) с доминантой библеизмом *Ноев ковчег*, которые входят в семантическое поле (далее – СП) всего поэтического текста, их взаимосвязи с его другими семантическими микрополями, в результате чего возникает «многоуровневость» поэтического текста. На основе анализа СМП «Ноев ковчег» в отдельных произведениях можно выявить особенность этого СП в идиолекте в целом.

Семантические поля, представляющие поверхностный сюжетный слой, при появлении в тексте библеизмов, которые актуализируют соответствующие СП, трансформируются, вовлекаются в них, и произведение обретает новые смыслы. Обратимся к анализу СП «Ноев ковчег» в ряде стихотворений Веры Полозковой, что еще не становилось объектом научного исследования.

Доминантой СП является словосочетание *Ноев ковчег*, но актуализируется это СП лексемами, его составляющими, по отдельности: *Ной* (2 раза) и *ковчег* (2 раза). Они и образуют ядро этого СП. Его периферию можно определить лишь ситуативно, в рамках конкретного поэтического текста. Например, такие лексемы как *корабль*, *океан*, *отчаливать*, *звери*, репрезентируют СП «Ноев ковчег» только в совокупности со словами-доминантами.

Однако и ядерная лексема *Ной* не всегда представляет анализируемое СП. Например, в стихотворении «Что-то библейское» [2: 186] имя библейского патриарха служит для описания внешности возлюбленного лирической героини, а также для того, чтобы подчер-

кнута его достоинство, древность его крови (Ной «даже» древнее Моисея), связи же с СП «Ноев ковчег» и с сюжетом потопа не наблюдается: *Вероятно, так выглядел Моисей / Или, может быть, даже Ной.*

В другом тексте из этого сборника [2: 42] появляется знак свернутого сюжета. Библейский оним *Ной* и здесь выступает частью сравнения, однако в сочетании с другой лексемой-доминантой *Ковчег* и периферическими лексемами-репрезентантами *молюсь, звери, не допущенные*, он актуализирует СП «Ноев ковчег». Это позволяет передать степень недостижимости возлюбленного для лирической героини, силу ее привязанности: *Я смотрю на тебя точь-в-точь, / Как вслед Ною глядели звери, / Не допущенные в Ковчег.*

Ковчег – это символ спасения. Звери, не допущенные в Ковчег, не были тем самым допущены и в жизнь. По-видимому, в их взгляде были смешаны отчаянье и надежда. Так и для лирической героини невозможна жизнь без взаимности со стороны возлюбленного, не берущего ее в свою жизнь, значит, для героини – и в жизнь вообще. Любовь для неё тождественна жизни. Данное отождествление закрепляется метафорами *взгляды – будто удары в пах и смотреть навывлет*, которые сближают СП «любовь/нелюбовь» и «жизнь/смерть».

В стихотворении «Хвала отчаявшимся» [3: 10] также представлено СП «Ноев ковчег». В этом тексте на основе фонетического сближения в анафоре *Отчизна* отождествляется с *отчаяньем*: *хвала отчаянью; хвала Отчизне*. Люди разделяются на две категории: тех, кто *избегает тьмы*, и тех, кто смиряется с отчаяньем. Первые названы живыми, однако их жизнь больше похожа на бесконечный бег, отчаянные попытки борьбы за существование. Спектр их мыслей сведен к инстинктам самосохранения и продолжения рода (*дерутся, задыхаются от страсти, рожают новых*). Часть этих людей обретает спасение на отплывающем Ковчеге, появляющемся в третьей строфе, заменяя ранее упоминавшийся корабль. Однако оценка отъезда в качестве спасения, сопоставление его с Ноевым ковчегом – горькая ирония, как и анафора *хвала* в каждой из строф.

До появления лексемы *ковчег* слова *отчалившие, путь, корабль, погрузочный, океан* являлись частью СП «Бегство». Однако слово-доминанта *Ковчег* в 4 строке 3 строфы «включает» СП «духовное спасение», трансформируя в него и СП «Бегство», так как в прецедентном тексте существа, попавшие на корабль Ноя, спаслись для новой жизни. Прецедентное библейское выражение «каждой твари по

паре» у Полозковой трансформируется в строчку *В Ковчег не допускают одиночек*, это значит, что духовное спасение, настоящая жизнь, обновление невозможны для индивидуалистов. Строфа заканчивается словами: *Нас некому спасти*. Они оказывают воздействие на читателя фонетически (с помощью напряженности звука *н*), а также говорят об отсутствии Бога в жизни людей, которые это с отчаянием осознают.

Таким образом, мы видим, что МСП у Веры Полозковой «переливаются» из одного в другое. Благодаря СП «Ноев ковчег» читатель, воспринимавший бытовой слой текста, при перечитывании выходит уже на метафизический уровень. Мы предполагаем, что подобные явления можно наблюдать и на примере других СП с доминантами библеизмами.

Литература

1. Сергеева Е.В. Библеизмы в поэмах С. Есенина // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2019. – С. 184-196.
2. Полозкова В. Непознание. – М.: Livebook, 2017. – 224 с.
3. Полозкова В. Фотосинтез. – М.: Livebook, 2013. – 112 с.

АРХИТЕПИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В ОДНОМ РАССКАЗЕ ПОЗДНЕГО А.П. ЧЕХОВА

Маратова Ж.

mzakno@gmail.com

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Кривошапова Т. В.

krivoshapova_t@mail.ru

Казахстанский филиал МГУ имени М.В. Ломоносова

г. Нур-Султан, Казахстан

Понятие «архетип» было введено в XX веке швейцарским психологом К.Г. Юнгом, основателем аналитической психологии (одно из направлений глубинной психологии). К.Г. Юнг под архетипами понимал «некие структурные схемы, структурные предпосылки образов» [1: 3]. К.Г. Юнг и его последователи (Дж. Кэмпбелл, Э. Нойман, М. Бодкин, Н. Фрай, Ж. Дюран) «в качестве продукта непосредственной реализации архетипов <...> рассматривали мифологию народов мира» [1: 5]. «И Юнг и другие упомянутые выше теоретики,

говоря об архетипах, имеют в виду прежде всего не сюжеты, а набор ключевых фигур или предметов-символов, которые порождают те или иные мотивы» [1: 13]. В качестве важнейших мифологических архетипов или архетипических мифологем (термин, используемый для обозначения мифологических сюжетов, сцен, образов, характеризующихся глобальностью, универсальностью и имеющих широкое распространение в культурах народов мира) Юнг выделил прежде всего архетипы: «мать», «дитя», «тень», «анима», «анимус» и «мудрый старик / старуха». «Сразу бросается в глаза, что юнговские архетипы, во-первых, представляют собой преимущественно образы, персонажи, в лучшем случае роли и в гораздо меньшей мере сюжеты. Во-вторых, что особенно существенно, все эти архетипы выражают главным образом ступени того, что Юнг называет процессом индивидуализации, т.е. постепенного выделения индивидуального сознания из коллективно-бессознательного, изменения соотношения сознательного и бессознательного в человеческой личности» [1: 5].

Кэрол Пирсон, американская писательница и педагог, опираясь на работы К. Г. Юнга, выделила 12 типов архетипа: простодушный, искатель, мудрец, бунтарь, герой, маг, шут и т.д. Именно ее классификация и будет использоваться в данной работе.

Для анализа возьмем последний рассказ А.П. Чехова «Невеста», написанный в 1903 году. Бабушка Марфа Михайловна – архетип правителя. Как А.П. Чехов пишет в рассказе: «Бабушка, или, как ее называли в доме, бабуля, очень полная, некрасивая, с густыми бровями и с усиками, говорила громко, и уже по ее голосу и манере говорить было заметно, что она здесь старшая в доме» [2: 82]. Для этого архетипа важен контроль во всех сферах жизни и над всеми окружающими. Так, например, невестка Марфы Михайловны, Нина Ивановна, находится в полной зависимости от своей свекрови, о чем А.П. Чехов пишет прямо благодаря реакции Нади: «Она сидела, положив голову на колени, и думала о женихе, о свадьбе... Вспомнила она почему-то, что ее мать не любила своего покойного мужа и теперь ничего не имела, жила в полной зависимости от своей свекрови, бабули» [2: 84]. Как видно из этого примера, архетип правителя стремится к абсолютной власти над своей семьей, что часто не нравится ее членам. Так, в порыве чувств Нина Ивановна, вспыхнув, выкрикивает своей дочке: «– Ты и твоя бабка мучаете меня!» [2: 86]. И если у некоторых персонажей рассказа имеет место трансформация, как, к примеру, у Саши, который к концу рассказа перестает

быть архетипом мыслителя, то Марфа Михайловна до конца представляет архетип правителя, что видно из финала рассказа: «Нина Ивановна рассказывала по вечерам про свою философию; она по-прежнему проживала в доме, как приживалка, и должна была обращаться к бабушке за каждым двугривенным» [2: 89].

«Александр Тимофеич, или, попросту, Саша, гость, приехавший из Москвы», – вначале архетип мудреца и бунтаря [3: 82]. Как видно на примере Саши, один персонаж может представлять не только один, а даже два архетипа. С одной стороны, художник мудрец, так как он образован, интеллигентен и пытается наставлять Надю, помочь ей увидеть, что «жизнь, которой жили ее бабушка, ее мать и прожила двадцать три года она сама» не правильна [3: 438]. Однако в последних главах рассказа, когда Надя после разлуки вновь встречает своего друга, она его не узнает. «После месяцев, которые она провела в Петербурге, Саша кажется ей совсем другим – серым, провинциальным» [3: 440]. И Надя заплакала, потому что «Саша уже не казался ей таким новым, интеллигентным, интересным, как был в прошлом году» [2: 88]. И хотя в этой московской сцене Надя до сих пор твердила Александру Тимофеичу, что обязана ему многим, и говорила, что он «самый близкий, самый родной человек» для нее, она уже видела, что «от Саши, от его слов, от улыбки и от всей его фигуры веяло чем-то отжитым, старомодным, давно спетым и, быть может, уже ушедшим в могилу» [2: 88]. Из этого всего видно, что Саша уже не архетип мудреца. С другой стороны, Александр Тимофеич архетип бунтаря, или революционера. Бунтарь ставит своей целью стремление к свободе, к освобождению, поэтому он ломает, разрушает, переделывает то, что утратило актуальность и больше не работает. Так и Саша, видя ленную и бездейственную жизнь дома Шуминых, говорит Наде из года в год о том, что «Только просвещенные и святые люди интересны, только они и нужны. Ведь чем больше будет таких людей, тем скорее настанет царствие божие на земле. От вашего города тогда мало-помалу не останется камня на камне – всё полетит вверх дном, всё изменится, точно по волшебству. И будут тогда здесь громадные, великолепнейшие дома, чудесные сады, фонтаны необыкновенные, замечательные люди...» [2: с. 84]. Стремление Саши поменять мир, сделать его лучше видно и из следующих слов, обращенных к Наде перед ее судьбоносным отъездом в Петербург: «Поедете, будете учиться, а там пусть вас носит судьба. Когда перевернете вашу жизнь,

то всё изменится. Главное – перевернуть жизнь, а всё остальное не важно» [2: 87].

Надя – во второй части рассказа, после того, как Саша открыл ей глаза, становится архетипом искателя. Архетип «ориентирован на поиски лучшего мира», его познания, нахождения своего места в нем, что Надя и демонстрирует, покидая свой провинциальный, глухой городишка и отправляясь учиться [4: 78]. Однако следует отметить, что «учение», навстречу которому она отправляется, «теряет свой прямой смысл, наполняется другим – более высоким, становится в одном ряду с мыслями о новой жизни, о воле, громадном, широком будущем» [3: 440]. Страхом этого архетипа является ограничение или потеря свободы, его тяготит непонимание, неприятия окружающих, поэтому в финале рассказа Надя, уезжая из дому навсегда, прощалась с бабушкиным домом и Сашей, «где всё так устроено, что четыре прислуги иначе жить не могут, как только в одной комнате, в подвальном этаже, в нечистоте» [2: 89]. «Она ясно сознавала, что жизнь ее перевернута, как хотел того Саша, что она здесь одинокая, чужая, ненужная и что всё ей тут ненужно, всё прежнее оторвано от нее и исчезло, точно сгорело и пепел разнесся по ветру. Она вошла в Сашину комнату, постояла тут. «Прощай, милый Саша!» – думала она, и впереди ей рисовалась жизнь новая, широкая, просторная, и эта жизнь, еще неясная, полная тайн, увлекала и манила ее» [2: 89].

Таким образом, в последнем рассказе А.П. Чехова имеют место несколько архетипов, некоторые из которых подвергаются трансформации. Марфа Михайловна – архетип правителя. Саша – архетип бунтаря и мыслителя, ставший для главной героини «духовным отцом» в свое время [3: 440]. Надя – архетип искателя, привнёсший в рассказ «тему новой жизни – радостной, манящей, высокой» [3: 439].

Литература

1. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. – М., 1994. – 136 с.
2. Чехов А.П. Полное собрание сочинений в тридцати томах. – Том 10. – М.: Наука, 1977. – 194 с.
3. Бердников Г. А.П. Чехов. Идейные и творческие искания. – М.: Художественная литература, 1984. – 514 с.
4. Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов. – СПб.: Питер, 2005. – 336 с.

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ ХРОНОТОПА В РАССКАЗЕ Е.И. ЗАМЯТИНА «ПЕЩЕРА»

Миннуллина Г.

gminn8081@gmail.com

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Ганущак Н.В.

ganuschack@yandex.ru

Сургутский государственный педагогический университет

г. Сургут, Россия

Организация пространственно-временного континуума является важным элементом художественного произведения, благодаря чему становится возможным определить не только смысловую символику образов, но и найти взаимосвязь между всеми уровнями художественного текста. В соответствии с трудами М.М. Бахтина, сущность хронотопа заключается в слиянии пространственных и временных признаков в единое целое. Литературовед выделял наличие особого ценностного момента, так называемых «хронотипических ценностей». Бахтин отмечал: «Каждый мотив, каждый выделяемый момент художественного произведения является такой ценностью» [1]. В рассказе Е.И. Замятина «Пещера» присутствуют подобные ценностные элементы, которые образуют целостную систему хронотопа.

Уже сам заголовок рассказа хронотопичен, ибо в названии отражена замкнутая пространственная сфера пещеры. Пещерное пространство является сакральным, это переход между миром живых и мёртвых. Как отмечает П. Белицкий, в пещере исключается существование живого, человеком овладевает переходное состояние сознания [2]. Замятинский образ пещеры является всепоглощающим, все действия происходят в пещере, где есть только вертикальная линия движения. Вместо скалистой местности раньше был город, сейчас – пещеры, это переход от цивилизации к дикому миру. Мартин ворует поленья, герой переживает внутренний раскол: «Схватились насмерть два Мартин Мартиныча: тот, давний, со Скрябиным, какой знал: нельзя – и новый, пещерный, какой знал: нужно» [3]. Пространство жизни для Мартина и Маши находится в спальне. Спальня – это интимное, ограниченное пространство, в котором совмещается жизнь и смерть. В то время как центральным пространством для Обертышева является кухня, Обертышев – зверь, он легко приспосабливается к пещерным условиям, ему важно лишь собственное эго. В пещерном

пространстве можно выделить несколько значимых пространственных символов: порог и лестница. Мартин спускается к Обертышевым по обледенелой лестнице: один неверный шаг и герой может покачаться вниз, путь этот неустойчив, потому что грешен. Во время воровства Мартина застают посередине лестницы, у героя ещё есть время на то, чтобы покаяться, но он избирает модель поведения преступника-дикаря. С переходом в собственное пространство, представленное комнатой, Мартин вступает в пространство смерти. Известие о воровстве подводит героя к мыслям о смерти, когда он жертвует ядом для Маши, возникает образ порога: «Возьми ключ, а то захлопнешь, а открыть — ...» [3]. В конце повествования пространство расширяется до масштаба Вселенной: скалы, узкие проходы — всё это одна пещера, в котором есть лишь один Абсолют — чугунная печка. Помимо пещеры прилегает к пространству Петербурга и набережная, которая ассоциируется в воспоминаниях Маши со счастливым прошлым.

Время представлено в рассказе также многоаспектно: есть прошлое, настоящее и будущее, в рамках которых можно выделить частные атрибуты времени. Прошлое представлено отголосками некогда существовавшей цивилизации. Прошлое тесно связано с духовными потребностями, в то время как настоящее отличается потребностями биологическими. Герои постоянно обращаются к воспоминаниям, они живут прошлым, настоящее для них представлено в виде ужасающей пещеры. Настоящее тесно сопряжено с внезапностью, всё происходит «вдруг»: вдруг наступает утро, вдруг раздаются звуки топора, так же вдруг Мартин решается на кражу. Внезапность указывает на перелом, которого могло и не быть: утро могло не настать, кражи могло не быть. С фактическим временным периодом настоящего сопряжено цикличное время года, которое находится в прямой зависимости от пространства: в пещерном мире зима, холод, внутри пещеры весна, ощущение которой возможно лишь благодаря печке-Богу.

Категория времени тесно связана с идейным содержанием рассказа. Героями настоящего являются Маша и Мартин. Маша больше погружена в прошлое, поэтому она является переходным героем, связующим прошлое и настоящее. Между настоящим и будущим находятся Обертышев и Селихов, для них прошлое — пережиток, плодами которого следует пользоваться в настоящем. Смертью Маши автор символизирует увядание прошлого, при этом Обертышев вхо-

дит в будущее. С помощью такого расположения героев во времени автор выдвигает мысль о том, что будущее принадлежит людям бесчестным, всё истинное затерялось в прошлом.

Через всё творчество Е.И. Замятина проходит идея катастрофичности грядущего времени, которая реализуется, в том числе на уровне пространственно-временной организации произведений. Комплексное восприятие хронотопа помогает постичь идею автора, которая заключается в утверждении невозможности подчинения человека ужасающему ходу времени. Переломные времена порождают сломанных людей, которые имеют лишь один способ выживания в виде приспособления к существующей системе.

Литература

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Эпос и роман. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 9-193.
2. Белицкий П. Образ пещеры и скитания Одиссея // Вопросы литературы. – 2001. – №2. – С. 309-318.
3. Замятин Е.И. Избранные произведения: В 2 т. – М., 1990. – Т. 1. – С. 173.
4. Джулиани Р. «Пещера» Е. Замятина: история и апокалипсис // Е.И. Замятин: Pro et contra. Личность и творчество Евгения Замятина в оценке отечественных и зарубежных исследователей. – СПб.: РХГА, 2014. – С. 780-790.
5. Краснова Т.В. Сюжетная стратегия в «северной» трилогии Е.И. Замятина // Материалы XVI Общероссийской научной конференции «Державинские чтения». – Тамбов, 2011. – С. 119-126.

ПУТЬ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ Н.С. ГУМИЛЕВА: ОТ ЦИКЛА «КАПИТАНЫ» К ВОЕННОЙ ЛИРИКЕ.

Миргородский И.

mirgorodskiy.iliya@gmail.com

Научный руководитель: к.ф.н., ст. преподаватель Параскева Е.В.

afina-tiras@yandex.ru

Сургутский государственный педагогический университет

г. Сургут, Россия

Возможность отправиться в другие земли, испытать невероятные ощущения от путешествий захватывают сознание ещё юного Николая Гумилёва. Спустя годы страсть к открыванию новой земли не утихла

в сердце писателя, но цикл стихотворений «Капитаны» появился раньше, чем поэт отправился в первое своё путешествие.

Как основоположник акмеизма Николай Гумилёв придавал огромное значение силе и точности слова, поэтому выбор подразумевает борьбу между правильным и нужным. И в том, и в другом случае человек несёт ответственность. Эволюцию лирического героя поэта, которая отразилась, в том числе, в мотивах пути и борьбы, смерти, любви современника, книги и искусства можно проследить во многих работах поэта, но для анализа мы обратимся к циклу «Капитаны» и к более поздним стихотворениям («Пятистопные ямбы», «Наступление» и «Война»).

«Капитаны» представляют собой цикл из четырёх стихотворений, каждое из которых – отдельная история. Лиро-эпические жанровые установки в цикле позволяли объективизировать героя, рассматривать его с различных аспектов взаимодействия яркой личности и мира. Герой «Капитанов» – первооткрыватель и мечтатель. Он всегда стоит перед выбором, так как его существование есть вечная динамика пути, борьбы, испытаний. При анализе данного цикла мы обнаруживаем образ романтика, который грезил странствиями, но и понимал, что за свои действия, мечты нужно нести ответственность. Как итог: поэт поднимает вопрос об ответственном выборе того, кто прокладывает новые пути.

Мотив смерти неизбежно сопутствует этому типу героя во всем цикле. Но не только пути различными могут быть, но и соответственно у этого героя есть возможность высокого выбора своей смерти. Так почему любой неверный шаг приведёт их гибели? Все перечисленные в цикле герои ведут преступный, разбойничий образ жизни, эгоистично и жестоко преследуя свои цели, пытаясь осуществить свои мечты: *«Кто дерзко хохочет, насмешиливо свищет, Внимая заветам седых мудрецов!»* [3]. Завершает свои рассказы лирический герой упоминанием Летучего Голландца – символа отчаянья и смерти. Из-за своего эгоизма люди никогда не придут к истине, будут плыть дальше, *«туда, за тропик Козерога! – Где капитана с ликом Каина Легла ужасная дорога»* [3].

Годы, предшествовавшие началу Первой Мировой войны, в том числе, ряд его путешествий, закалили и поэта, и его лирического героя. Поэтому к войне Гумилев пришел нравственно-готовым. В военной лирике Николая Степановича мы видим, насколько важен выбор человека: *«на войне можно быть героем, но лишиться всех*

человеческих чувств, а можно сохранить в своей душе жалость к павшим и христианское милосердие» [5: 43]. Но война и объединяет ради общей цели, ради спасения человеческих жизней: *«И в реве человеческой толпы <...> Я вдруг услышал песнь моей судьбы И побежал, куда бежали люди, Покорно повторяя: буди, буди»* [4]. Учитывая тот факт, что поэт лично принимал участие в военных действиях Первой мировой, приведем в пример фрагмент описания из стихотворения «Наступление», в котором передана малая часть того ужаса, который был в действительности: *«Та страна, что могла быть раем, Стала логовищем огня»; «Надо мною рвутся шрапнели, Птиц быстрее взлетают клинки»* [1]. Однако война – это то необходимое, что может привести к миру: *«Труженников, медленно идущих На полях, омоченных в крови, Подвиг сеющих и славу жнущих, Ныне, Господи, благослови»* [2].

Пейзаж в произведении всегда играет важную роль, благодаря ему мы узнаём о месте, где происходит действие, даже самих героев можем понять по описанию окружающей среды. Природа прекрасна, а её созидательная энергия укрощает хаос. Однако в ней есть и мощная древняя сила, которая способна восстать против человека за его деяния: *«Пусть безумствует море и хлещет, Гребни волн поднялись в небеса»* [3]. В военной лирике роль пейзажа заключается в описании той атмосферы, которая царит на разных этапах сражений: подготовка (*«Я помню ночь, как черную наяду»* [4]), сама битва (*«На полях, омоченных в крови»* [2]) и завершение сражения (*«Проходя по дымному следу»* [1]). Пейзаж у Гумилёв несколько гиперболизирован, также он использует такие средства выразительности как сравнение, метафоры, звукопись, чтобы показать эмоциональное изменение не только у лирического героя, но и со всем, что его окружает в разные периоды происходящих событий.

Таким образом, отметим, что происходит трансформация лирического героя – от костного эгоиста, к просветлённому библейскому образу. Героизм уже подразумевает под собой не только возможность проявить себя, но и служение Богу, преодоление эгоистических желаний. Безусловно, лирический герой также имеет право на собственную жизнь и смерть, любить и быть любимым, но он устремлен к свободе, которая не имеет границ. Это опасно, ведь безграничная свобода одного нарушает границы личного пространства другого, что в дальнейшем приводит к кризису. Герой военных стихотворений

готов не только к подвигу и смерти, но жертвовать и служить, осознавая свою причастность к судьбе народа.

Литература

1. Гумилёв Н. Сборник стихотворений «Колчан» (1916). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gumilev.ru/verses/407/>
2. Гумилёв Н. Сборник стихотворений «Колчан» (1916). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gumilev.ru/verses/154/>
3. Гумилёв Н. Сборник стихотворений «Жемчуга» (1918) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gumilev.ru/collections/3/>
4. Гумилёв Н. Сборник стихотворений «Колчан» (1916) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gumilev.ru/verses/609/>
5. Малых, В.С. Творчество Николая Гумилева: вузовский и школьный аспекты изучения: научно-учебное пособие. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – 100 с.
6. Зобнин Ю.В. Н. Гумилев – поэт Православия: монография. – СПб.: СПбГУП, 2000. – 384 с.
7. Раскина Е.Ю. Геософские аспекты творчества Н.С. Гумилева. – М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2009.

«МОТИВ ЛЮБОВНОГО ПОМЕШАТЕЛЬСТВА В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ»

Назаренко Д.

doter485@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н., ст. преподаватель Параскева Е.В.

afina-tiras@yandex.ru

Сургутский государственный педагогический университет

г. Сургут, Россия

Мотив любви всегда был актуален, независимо от времени, в котором родилось произведение. Ведь для каждого человека любовь – святое чувство, которое окрыляет и одаривает благословением. Ф. М. Достоевский не раз обращался к любовной проблематике, которая рассматривалась в его романах и с психолого-эмоциональной стороны, и с философско-религиозной. Так, в романе «Братья Карамазовы» писатель приходит к выводу: *«Любовью все покупается, все спасается... Любовь такое бесценное сокровище, что на нее весь мир купить можешь, и не только свои, но и чужие грехи еще выкупишь»* [1: 511].

В романе «Униженные и оскорбленные» мотив любви занимает очень важное место и в структуре повествования, и в характеристике персонажей, становясь основой конфликт и сюжетного движения. Итак, до князя Валковского дошел слух о планах Ихменевых тайно женить Наташу на сыне князя, и хотя со временем князь понимает, что интриг никто не строили, но механизм ссоры запущен. Складывается парадоксальная ситуация, характеризующая нездоровое состояние мира: любовь оказывается в основе кризиса отношений, причиной ненависти и вражды. В центре романа любовный треугольник: Иван – главный герой, от лица которого ведется повествование, Наташа Ихменева – «блудная дочь», сбежавшая от родителей ради своего возлюбленного, и Алеша Валковский – сын князя, «ребенок», влюбившийся в Наташу, ветреный и непостоянный. Отметим, что это только кажущаяся простота, в которой, как нам представляется, ключевое значение для раскрытия психологической наполненности образа Наташи получает мотив любовного помешательства.

В литературоведении сложилась точка зрения, что в романе идея жертвующей любви раскрывается в образе Наташи Ихменевой: *«её чувство не плотское влечение, а жертвенная любовь-страдание, её крест»* [2: 512]. Но мы не согласимся с данной точкой зрения: любовь Наташи похожа больше на странный синтез любви-жалости и любовного эгоистического помешательства, чем на здоровое чувство.

Безусловно, Наташе присущи такие качества, как жертвенность и терпение, но мы не видим их в ее любви к Алеше. Её чувства более похожи на проявление страсти, нездоровой собственнической любви, на помешательство и сумасшествие: *«Да, люблю как сумасшедшая – отвечала она, побледнев, как будто от боли... Я ведь и сама знаю, что с ума сошла и не так люблю, как надо. Нехорошо я люблю его...»* [3: 56]. Нездоровая любовь и любовное помешательство оставляют внешний отпечаток и на портретном описании героини, когда вместо «доброй и веселой» Наташи, главный герой замечает, что *«...переменилась она в три недели! ... я разглядел эти впалые, бледные щёки, губы запёкшиеся, как в лихорадке, и глаза, сверкавшие из-под длинных, тёмных ресниц горячным огнём...»* [3: 36]. Примечательно, что сама Наташа моментами осознает всю нездоровую сущность своей любви. Так, сцена обморока во время побега из родного дома свидетельствует, что героиня понимает греховность происходящего, когда её любовь становится будто наказанием, а мотив любви напрямую сочетается с мотивом болезни и предательства: *«Во взгляде этом*

было отчаяние... она и теперь только вполне почувствовала весь ужас своего поступка» [3: 72].

Любовь Наташи можно характеризовать, как эгоистичную любовь. Подтверждая позицию эгоцентризма Наташи, В.Е. Ветловская обращает внимание на следующий эпизод: *«только бы он был со мной, только б я глядела на него! Кажется, пусть бы и он другую любил, только бы при мне это было, чтоб я и тут подле была»* [4: 9]. Поступки и речь Наташи ориентируются лишь на личные интересы и личную пользу. Такое акцентированное внимание к собственному и не желание понять стремления возлюбленного, свидетельствуют о крайней степени эгоизма. И это совсем не сочетается с традиционным и в народном сознании, и в православии понятием о любви как созидательной жертвенной силе. Когда Алеша влюбляется в Катерину Федоровну и Наташа понимает, что в этой любви он будет счастливее, то она пытается удержать его всеми силами, сделать своей марионеткой: *«если я не буду при нём всегда, постоянно, каждое мгновение, он разлюбит меня, забудет и бросит ... каково жить-то мне без него? ... а если он бросит меня, я побегу за ним на край света...»* [3: 64].

Таким образом, можно сказать, что любовь Наташи – это не «жертвенная любовь, страдание и крест», а сумасшествие и разрушение, попытки подчинить возлюбленного своей воле. Но в конце романа мы осознаем, что эта любовь, хоть и была «разрушительной ошибкой» по отношению к Алеше, но и в такой любви присутствует капля здравого смысла. То, как заканчивает писатель отношения Алеши и Наташи, говорит больше не о настоящей любви героини к возлюбленному, а о понимании преступности и неадекватности такой любви, о не возможности ее существования в будущем. Наташа, отпуская Алешу, освобождает и лечит от нездоровой любви не его, а в первую очередь – себя, предоставляя себе шанс понять, что такое настоящая любовь и, возможно, воплотить ее в будущем.

Литература

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. – Т. 14. Братья Карамазовы: Роман в 4 ч. с эпилогом. – Кн. 1-10. – Л.: Наука. Ленингр. отд., 1976. – 511 с.
2. Энциклопедия литературных произведений / под ред. С.В. Стахорского. – М., 1998. – 516 с.
3. Достоевский Ф.М. Собр. соч. – Т. 3. – М., 1956. – 519 с.

4. Ветловская В.Е. Мир «Униженных и оскорбленных» // Достоевский Ф. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л., Ленингр. отд., 1976. – 12 с.

ЛИНГВОКОНСТРУИРОВАНИЕ ДЖ. Р. Р. ТОЛКИНА: ОТ ЯЗЫКА К МИФУ

Ракишева К.

kamilarakisheva@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Николenco О.Ю.

nikolenko Olga@mail.ru

Омский государственный педагогический университет

г. Омск, Россия

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» искусственные языки, или *конланги* (англ. *constructed languages* «сконструированные языки»), определяются как «знаковые системы, создаваемые для использования в тех областях, где применение естественного языка менее эффективно или невозможно» [1]. В определенные периоды намеренное создание языков преследовало разные цели: практическую, метафизическую, коммуникативную и др. Новейшее время знаменуется особой функциональной сферой искусственных языков. Так, по мнению С.А. Демченкова, «в эстетической практике Новейшего времени искусственно сконструированный язык становится многофункциональным “художественным агрегатом”, позволяющим автору наделить необходимым “социальным правдоподобием” сотворенные им фантастические миры, а читателю не просто на глубинном уровне приобщиться к вымышленной реальности, но и деятельно закрепиться в ней». Подобные языки называют *артлангами* (англ. *artlanguage*) [2: 255].

Серьезный шаг в сторону вымышленных языков был сделан писателями-антиутопистами XX в. Например, *новояз* из романа «1984» Дж.Оруэлла или *надсат* из «Заводного апельсина» Э. Берджеса. Эти языки стали таким же средством проникновения в ткань художественного произведения, приемом высказывания идеи романов, как сюжет, композиция, образы, детали, символы. Так, ограниченность языковой системы новояза, состоящей из определенного количества слов, распределенных по трем группам, показывала и

ограниченность общества, которое им пользуется, тоталитарное государство, нормирующее жизнь.

Совсем иное понимание языка мы видим у Дж. Р.Р. Толкина. Во время обучения в Оксфорде он открыл для себя финский язык и поэмы, написанные на нем, которые сохранили в себе миф, что не произошло, к его огорчению, в английской литературе [3]. Это был важнейший момент для дальнейшего создания артлангов и Легендариума. Эстетическая сторона слова и ее связь со значением была концептуальной для Толкина, их союз означал возвращение человека к первоначальному слову, его истокам.

Нужно сказать, что начиная с XIX в. западные и отечественные ученые начали обращаться к изучению глубоких связей языка с мифом. Например, Ф. И. Буслаев считал, что миф и язык слиты и зародились в одно время. А. А. Потебня – что миф рождается в союзе языка с мышлением. Ясно одно: эти категории тесно взаимодействовали друг с другом, иначе как объяснить, например, фразеологизмы, представляющие собой наиболее архаическую форму языка, строящиеся лишь на образной стороне языка, как миф. Ф.И. Буслаев пишет: «Мифология есть народное сознание природы и духа, выразившееся в определенных образах, отразившихся в слове». Таким образом, Толкин в некотором смысле подтверждает мифолого-лингвистические концепции своего времени [4: 65-66].

К 1914 году, разработав немалое количество языков, но осознавая их беспочвенность, он создает собственную «историю» для артлангов. Удивительный лингвистический дар к изучению и созданию языков и боль за отчужденность современной английской литературы от мифологических истоков отозвалась в нем желанием создать такую мифологию для родной страны. Он словно выяснял то, что было давно потеряно и забыто английским народом, воссоздавал миф, рожденный из слов.

Таким образом, от других писателей Толкина отличает мифотворческая функция созданных им языков. «“Истории” были придуманы прежде для того, чтобы создать мир для языков, не наоборот. Для меня слово первично, история следует за ним. Я бы предпочел писать на “эльфийском”» (письмо 156) [5: 216]. Он отмечает, что «Властелин колец» – это эссе по лингвистической эстетике, мир Средиземья вырастает, по сути, из языка.

Одним из самых необычных языков Легендариума является язык энтов, пастырей леса (англосакс. *ent* «великан»), которых несложно

соотнести с древнегреческими дриадами. Когда эльфы научили их говорить, у энтгов появилось не просто средство общения, их язык – это философия, так, Древобород (Фангорн) говорил: «*Мое имя ведь росло вместе со мной, а я жил долго, очень долго; так что мое имя – это, считай, история. Настоящие имена рассказывают историю вещей, которым принадлежат...*» [6]. В слове запечатлена целая история предмета разговора, а его применение должно было касаться лишь вещей достойных, чтобы о них говорили долго. Иногда Фангорн мог смешивать энтийский с квенья (язык эльфов). В одном из писем Толкин переводит фразу «*laurelindórenan lindelorendor malinornélion ornetalin*»: *laure* – золотой свет, *ndor, nor* – земля, страна, *lin, lind* – музыкальный звук, *malina* – желтый, *orne* – дерево, *lor* – мечта, греза, *nan, nand* – долина, примерно имеется в виду «долина, где деревья в золотом свете поют, страна музыки и снов, там есть желтые деревья, это желтая земля» (письмо 230) [5: 326].

Сам Толкин сказал, что процесс написания его книг можно выстроить так: произносится словосочетание *cellar door*, после возникает имя *Селадор*, потом – герой, и начинается появляться целая история. Язык у Толкина порождает миф.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
2. Демченков С.А. Артланги: опыт социолингвистического осмысления // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему: материалы I Всероссийской междисциплинарной научной конференции / отв. ред. И.П. Геращенко. – Омск: ОмГПУ, 2019. – С. 253-258.
3. Карпентер Х. Дж. Р.Р. Толкин. Биография. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 432 с.
4. Буслаев Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию. – М.: Университетская типография, 1848. – 211 с.
5. Tolkien J. R. R. The Letters of J.R.R. Tolkien / Ed. Humphrey Carpenter. – London.: Houghton Mifflin Harcourt, 2014. – 493 p.
6. Толкин Дж. Р.Р. Две твердыни. Властелин Колец. Том 2. / Пер. В. Муравьева. – М.: Радуга, 1991. – 416 с.

ПОВЕСТЬ Н. В. ГОГОЛЯ «ВИЙ» И ЕЕ ЭКРАНИЗАЦИИ

Смагул Н.

zhandosova_2018@mail.ru

Научный руководитель: учитель русского языка Максименко Н.С.

na.ta.lija@mail.ru

Школа-гимназия имени Абая,

г. Сарканд, Казахстан

Повесть «Вий» в творчестве Н.В. Гоголя считается наиболее таинственной. В ней отражён мотив страха, «робости». Автор вводит в произведение фантастические элементы. Он утверждает, что «вся эта повесть есть народное предание». «Вий» полон тайн и мистики. В нём видна рука драматурга, эпизоды построены по законам театральной сцены. «Вий» – своеобразный киносценарий фильма ужасов. Он экранизировался не один раз. Первым режиссером, который взялся за экранизацию этой мистической повести, стал советский режиссер Константин Ершов. Его фильм «Вий» вышел на экраны в 1967 году и был назван «первым советским фильмом ужасов». Эта экранизация полностью соответствует тексту повести «Вий».

Спустя почти сорок лет, в 2006 году, режиссёр Олег Фесенко снял фильм «Ведьма» по мотивам повести «Вий». Он перенёс действие в современный американский городок. «Ведьма» О. Фесенко – это своеобразный вызов Голливуду.

Сопоставив две экранизации повести, мы выявили факторы, повлиявшие на изменение сюжета повести в экранизации О. Фесенко «Ведьма». Мы считаем, что на создание образов главных героев, основных сцен в фильме «Ведьма» повлияла американизация, так как усилилось влияние Америки на современное мировое сообщество. Российские фильмы приближаются к Голливуду и приобретают черты зарубежных экранизаций. Мы думаем, что фильм О. Фесенко «Ведьма» не является исключением.

Мы провели сопоставление экранизаций К. Ершова «Вий» и О. Фесенко «Ведьма» и выделили три основных направления изменений. Первое направление – номинации. В экранизации О. Фесенко «Ведьма» они претерпевают изменения: козак-философ Хома Брут (фильм К. Ершова «Вий») превращается в журналиста Айвана (фильм О. Фесенко «Ведьма»); сотник – отец панночки («Вий») – в шерифа («Ведьма»); ведьма – панночка («Вий») – в ведьму Мэйл («Ведьма»);

Дорош, Спирид, Оверко («Вий») – в мистера Патча («Ведьма»); Явтух («Вий») – в мальчика из города («Ведьма»), ректор («Вий») – в начальника Бобби («Ведьма»), бабуся («Вий») – в мэм («Ведьма») и так далее.

Второе направление – внешний облик героев. Так, по-нашему мнению, внешний облик главного героя фильма О. Фесенко «Ведьма» не соответствует духу произведения Н.В. Гоголя «Вий»: Айван одет в костюм современного американского священника (белый воротник на рясе, очки). В экранизации же К. Ершова «Вий» внешний облик Хома Брута абсолютно соответствует духу повести. Также мы видим различия во внешнем облике сотника – отца панночки и шерифа. Сотник – настоящий престарелый козак «с седыми усами». В фильме О. Фесенко «Ведьма» на шерифе кожаная куртка и шерифская фуражка. Как нам кажется, внешний облик сотника в фильме К. Ершова «Вий» более подходит к образу «престарелого козака» (козацкие шаровары, сапоги, тулуп).

Третье направление сопоставления – это пейзаж, фон, реалии. В повести Н.В. Гоголя «Вий», впрочем, как и в экранизации К. Ершова «Вий», Хома впервые встречается с ведьмой-старухой в хлеву. А в фильме О. Фесенко «Ведьма» журналист Айван встречается с молодой ведьмой в ванной комнате.

Ещё одно несоответствие мы заметили при сопоставлении пейзажа в фильмах О. Фесенко «Ведьма» и К. Ершова «Вий» с описаниями украинской ночи в повести Гоголя «Вий». В то время, когда Хома Брут сбивается с дороги, «ночь была довольно тёмная. Небольшие тучи усилили мрачность». Эту картину «мрачной» ночи показывает нам в своей экранизации «Вий» К. Ершов. В фильме О. Фесенко «Ведьма» в это время идёт проливной дождь.

Из сюжета экранизации Олега Фесенко исключены герои Дорош, Оверко, Явтух и другие козаки, нет многих эпизодов, которые передают замысел писателя. Образа Вия тоже нет в «Ведьме», так как существование этого «чудовища» в фильме уже не представляется интересным современному зрителю. А в фильме К. Ершова Вий воссоздается и выступает перед зрителем во всей своей устрашающей «красе». В «Ведьме» О. Фесенко финал не трагичен, что приводит к искажению сюжета повести «Вий». Соответственно зритель получил в результате не точную копию произведения, а материал, подкорректированный разными людьми по своему вкусу.

Таким образом, сопоставив две экранизации «Вия», мы пришли к следующим выводам:

- экранизация К. Ершова «Вий» (по мотивам повести Н.В. Гоголя «Вий») является достоверным источником информации о повести «Вий» и её героях;

- герои и последовательность событий в фильме К. Ершова «Вий» полностью соответствуют сюжету повести «Вий»;

- при просмотре экранизации О. Фесенко «Ведьма» (по мотивам повести Н.В. Гоголя «Вий») у зрителя складывается неправильное представление о повести и её героях;

- в «Ведьме» отсутствуют многие герои повести «Вий», сцены изменены, мы считаем, что в результате этого изменения они не несут в себе такую же магическую силу, которая заложена в повести «Вий»;

- на изменение внешнего вида героев, многих эпизодов, исключение героев из сюжета, отсутствие Вия в экранизации О. Фесенко «Ведьма» повлияла американизация современного общества;

- в фильме О. Фесенко «Ведьма» отсутствует кульминационный момент – появление Вия, режиссёр изменяет финал повести «Вий», что приводит к искажению первоначального замысла писателя;

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что фильм «Вий» К. Ершова является более удачным для использования в качестве наглядного материала на уроках русской литературы при изучении творчества Н.В. Гоголя. В то время, как экранизация О. Фесенко «Ведьма» даёт иное представление о повести «Вий» и её героях.

РОМАН А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» В КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОЙ И ТЕАТРАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Терентьева Д.

Koralina-1@yandex.ru

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Ларкович Д.В.

dvl10@yandex.ru

Сургутский государственный педагогический университет

г. Сургут, Россия

Литература представляет собой богатое достояние мировой художественной культуры, которое может быть воплощено в различных

формах искусства. На сегодняшний день наиболее яркими формами взаимодействия и взаимообогащения литературы и кино являются театральные инсценировки и экранизации. Так как любая экранизация или театральная постановка являются интерпретацией того или иного художественного текста, то есть являются новым самостоятельным произведением, то можно сделать вывод, что такая интерпретация должна не только воспроизвести оригинальный текст в новой форме, но и отразить авторское понимание и видение произведения.

По справедливому замечанию Т. Попович, при анализе «Евгения Онегина» необходимо также учитывать «специфичность художественной структуры пушкинского романа» [1: 238]. Если В.Г. Белинский писал о том, что «Евгений Онегин» представляет собой «энциклопедию русской жизни» [2: 68], то некоторые современные литературоведы придерживаются иной точки зрения. Так, В.С. Листов отмечал: «Нельзя сказать, что «Евгений Онегин» энциклопедия русской жизни», т.е. «статичное собрание хорошо проверенных, общезначимых и общераспространенных сведений» [3: 75]. А.В. Руднев заметил, что в романе «много болтовни, никак не связанной с сюжетом» [4: 6].

Что же тогда отражается в интерпретациях? В качестве сравнения были выделены фильм-опера «Евгений Онегин» (1958) режиссера Р. Тихомирова, являющийся экранизацией оперы П.И. Чайковского, непосредственно опера П.И. Чайковского, мюзикл «Демон Онегина», автором либретто которого стала И.Афанасьева, а режиссером-постановщиком — Софья Стрейзанд. Главной объединяющей чертой и самым ярким выразительным средством всех трех постановок является музыка. Именно посредством музыки создаются образы, передающие зрителю чувства автора. В фильме Р.И. Тихомирова характеры актеров, помимо музыкального исполнения, передаются и при помощи декораций и особенностей съемки. Татьяна Ларина всегда находится в солнечном свете. Такая деталь символизирует главную черту героини — чистоту ее души, наивность и невинность. В мюзикле «Демон Онегина» так же можно заметить особое освещение. Однако в данном случае свет не статичен — он меняется в зависимости от ситуации, а не характера героя. Например, воспоминания окрашены серо-синим цветом, сомнения Татьяны сопровождаются красными тонами и напряженной музыкой, пустая усадьба после сцены дуэли и отъезда Онегина, а также сцена объяснения Онегина и Татьяны —

желтым. Что касается самого Онегина в экранизации Р.Тихомирова, то этот образ несколько обособлен. Одежда, манера поведения – всё это позволяет выделить Евгения на фоне остальных персонажей и передать состояние героя первоисточника.

В опере П.И. Чайковского Татьяна Ларина отличается от привычной для читателя пушкинской героини. Оперная Татьяна духовно взрослее, решительнее, гораздо ярче проявляется независимость и искренность чувств. Ярko заметны изменения Татьяны в шестой картине. Если в романе Татьяна представлена спокойной и равнодушной светской дамой, то в опере и мюзикле героиня демонстрирует свое волнение и переживание от встречи с Евгением: «(Про себя.) О, Боже! помоги мне скрыть/ Души ужасное волненье ...» [6]. То же видно и в финале. Сцена в романе показана гораздо менее эмоционально, чем в интерпретации. В романе Онегин безмолвно выслушивает суровую отповедь Татьяны, в опере Евгений участвует в диалоге, умоляет Татьяну остаться с ним.

В мюзикле хоть и Онегин не участвует в исполнении арии Татьяны «Другому отдана», его ответ был сценой ранее (Ария «Письмо Онегина»), но музыкальное сопровождение и постановка сцены дают понять, что оба персонажа находятся во власти сильных чувств. Татьяна несколько раз повторяет фразу «вас люблю», они с Онегиным то сближаются, то расходятся, что говорит о душевных метаниях героини. Это состояние усиливается последней арией «Молитва», которая уже звучала перед сценой дуэли. Именно интерпретации показывают чувство обреченности Онегина, ощущение утраченной любви: Онегин: Ты моя! // (Татьяна уходит) // Позор!.. Тоска!.. // О, жалкий жребий мой!» [6].

Заметно, что в начале Онегин не вызывает такого сопереживания, как это происходит ближе к финалу. В опере и мюзикле образ Евгения вначале полностью соответствует оригиналу: он холоден, несколько высокомерен. А уж ария Онегина «Коварства Бог» только подчеркивает равнодушие Евгения. Е.А. Маймин указывает, что «Онегиным начинается целый длинный ряд социальных типов и характеров, порожденных исторической действительностью и ярко запечатленных в послепушкинской русской литературе» [5: 162].

Можно отметить, что одним из главных значимых критериев для интерпретации литературного произведения является не точное копирование содержания текста, а передача его духа, атмосферы, эмоций. И здесь важно, что это должна быть передача эмоций именно автора

оригинального произведения, его своеобразие, а не интерпретатора, что для современного искусства является сложной задачей.

Литература

1. Попович Т. Об инсценировках «Евгения Онегина»: модальная реальность и возможные миры // Болдинские чтения: Доклады международной научной конференции. – Болдино: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2019. – С. 236–248.
7. Белинский В.Г. Статьи о русской литературе. Избранное. – М.: Юрайт, 2022. – 348 с.
8. Листов В.С. Пушкин: однажды и всегда. – М.: Rosebud Publishing. 2018. – 190 с.
9. Руднев В. Что ты этим хочешь сказать? Семантические лабиринты языка. – М., СПб.: Добросвет, Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 176 с.
10. Маймин Е.А. Пушкин: Жизнь и творчество. – М.: Наука, 1981. – 209 с.
11. Чайковский П.И., Шиловский К.С. Опера «Евгений Онегин» / либретто. – М., 1877 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sites.google.com/site/operaonegin/libretto> (дата обращения 15.01.2022).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА М. ЦВЕТАЕВОЙ «КУСТ» И ЕГО ПЕРЕВОДА НА УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК)

Трощенко Ю.

troshenko.yulia@yandex.ru

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Табаченко Л.В.

lyudmila-tabachenko@yandex.ru

Южный федеральный университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

Семантическое поле (далее СП) позволяет анализировать функциональные возможности языковых единиц как репрезентантов индивидуального стиля автора. Сложность лексического уровня стихотворения объясняется смежностью СП, подчиненностью, наличием зон пересечения и т.д., поэтому они представляют серьезную проблему для переводчика. И М. Цветаева, как известно, тонко обнажает в словах скрытые семантические нюансы. Цель данной работы – срав-

нить структуру СП в цикле М. Цветаевой «Куст» и его переводе на украинский язык В. Богуславской и выявить, с какими трудностями перевода СП столкнулась переводчик и каковы причины их возникновения.

В цикле «Куст» выделим 8 СП: «Человек» – «Природа», «Звучание» – «Тишина», «Речь» – «Молчание», «Полнота» – «Пустота». В данной статье мы уделим особое внимание только первым двум оппозициям.

СП «Человек» является центральным в произведении, и все остальные поля так или иначе пересекаются с ним. М. Цветаева пытается определить место человека в мире и при этом ставит акцент на его «вещественности» через указание на части тела: *голова, очи, уши, рот, губы* и отчасти *лобное всхолмье* [далее по: 1: 437-439]. Кроме плоти человек наделен *душой*, но она *разверстая*, готовая принять в себя божественные истины. *Мир человеческий* и *множества (идущие на форум)* имеют противоположную коннотацию в пределах одного СП. *Гул множеств* – один из образов божественной невнятицы: важное решение, принимаемое на форуме, еще только зарождается в совместном гуле голосов. Подобен этому и *шум ушной*, который также обозначает «то ли еще не родившегося, то ли уже оставляющего поэта слова, нерасчлененного, остающегося в стихийном гуле» [2: 59].

Украинский перевод СП «Человек» также включает части тела: *голова, очі, вуха, душа, губи, вуха*, и добавляет еще две – *кров, мозок* [далее по: 3: 34-35]. Параллелизм *рот-губы* утрачивается, но за счет лексемы *кров* «телесность» актуализируется сильнее. Губы героини говорят совсем не то, что таится в глубине сознания, и поэтому *губи у кров* – свидетельство невероятных усилий, своеобразное наказание самой себя. Из обозначений совокупности людей сохранено только одно – *людність* ‘человечество’. Вместо второй лексемы – мир *человечий* – не совсем уместно употреблена лексема *громовий* ‘громовой’, так как у Цветаевой эпитет *человечий* – «слишком земное, бренное, пошлое» [2: 14]. Напротив, по внутренней форме прилагательное *громовий* связано с природной стихией, и *світ громовий* должен помогать поэту, но не препятствовать ему. Античному цветаевскому *форуму* в переводе соответствует славянское *вече*, понятие более узкое, но семантически уместное.

Оппозицией к СП «Человек» становится СП «Природа», построенное по похожей схеме. В поле входят названия частей растений:

ветвь, лист, пень – так же, как в СП «Человек» – *голова, очи, уши* и т.д. Параллелизм «частей тела» героини и куста указывает, что уподобление человека природному объекту все же возможно, но лишь в зоне искусства. Такое объединение видим в сочетании *лобное всхолмье*. В переводе эта контаминация воспроизводится в иных образах: *мозок-струмок* ‘мозг-ручей’, где теряется библейский подтекст. Пересечение данных полей обнаруживается и в контексте: живые *ветвь* и *лист* характеризуют куст, а лексема *пень* содержит сему ‘мертвое’ и характеризует речь героини. Поэтические «преткновения пни» за счет семы ‘природа’ тяготеют к высокой невнятице. В переводе находим *квіт, віти, пні, друзки*. *Квіт* обозначает часть «тела» растения в одном из своих значений – ‘цветок’, но в контексте оно скорее собирательное – (*бо дмухає квіт*). Переводчик заменяет цветаевские *осколки* на *щепки*, которые семантически становятся более ёмкими за счет семы ‘природа’ и сближаются с «преткновения пнями».

Глагол *цвести* в СП «Природа» наделяет куст признаком активности (окказиональное управление: *цвести «куда?»*: *не нужно б – тогда бы не цвёл / Мне прямо в разверстую душу*). В переводе СП «Природа» сохраняется за счет лексем *квіт*, а активность куста за счет лексем *дмухає*, однако управление здесь уже узуальное: *А хоче – бо дмухає квіт / В розчахнуту душу щодуху*. Удачно подобран глагол *дмухати* ‘дуть’, однокоренное с *дух, душа*. Одухотворенный куст пытается вдуть свою душу (*квіт*) в душу героини, перелиться в нее, как кувшины востока из последней строфы.

В период написания цикла «Куст» М. Цветаева отдавала «предпочтение семантическому смыслообразованию», подтверждением чему служит сложная организация семантических полей. В ходе работы мы выяснили, что В. Богуславская адекватно передает СП «Человек», обогащая его новыми оттенками (*кров, мозок*). Сохраняется соответствие лексем СП «Природа» и СП «Человек» (*голова, очі, вуха... – квіт, віти, пні*), в сочетании *мозок-струмок* передана контаминация смыслов, в текст включена емкая лексема *друзки*. Однако не все проблемы перевода удастся решить: прилагательное *громовий* противоречит коннотационному наполнению поля «Природа», утеряна «библейская» сема. Трудности возникают вследствие того, что структура СП стихотворения очень сложна и семантически насыщена, пронизана множественными ассоциациями и скрытыми связями.

Литература

1. Цветаева М. И. Стихотворения и поэмы. – Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-е, 1990 (Б-ка поэта. Большая серия). – 800 с.
2. Складов О.Н. Лирический цикл «Куст» М.И. Цветаевой: семь интерпретаций [Р.С. Войтехевич и др.] // Вестник ПСТГУ. – 2010. – № 3. – С. 7-114.
3. Богуславська В.Б. Марина Цветаєва. Вибране. Вірші, поеми, драма / У перекладах Валерії Богуславської. – К.: Б.в., 2002. – 286 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В МЕМУАРАХ П. В. АННЕНКОВА КОНСТРУКЦИЙ С ПРОТИВИТЕЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА И. С. ТУРГЕНЕВА

Усачева Е.

evevgeniya@mail.ru

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Красовская Н.А.

nelli.krasovskaya@yandex.ru

Тульский государственный педагогический

университет им. Л. Н. Толстого

г. Тула, Россия

Личность Ивана Сергеевича Тургенева полна противоречий, что мастерски было отражено в воспоминаниях литературного критика, мемуариста, близкого друга писателя Павла Васильевича Анненкова «Молодость И.С. Тургенева». «Он учитывал не только исторические обстоятельства и политические, философские взгляды ... но и особенности характера, душевный строй» Тургенева [1: 140]. Отметим, что противоречивость характера писателя создается мемуаристом посредством лингвистических особенностей, одна из которых – преобладание конструкций с противительным значением.

Целью данной статьи и будет являться выявление в мемуарах П.В. Анненкова конструкций с противительным значением, служащих средством создания образа Тургенева.

При описании непростого нрава писателя частотным является использование противительного союза *но* («замечательно развитый, но с презрением к окружающему миру» [2: 39], «но у него были еще в запасе и даровые, беспричинные оскорбления» [2: 44], «благородного, но неумелого человека» [2: 47], «но весь говор, сопровождавший деятельность Тургенева, не мешал ему идти своей дорогой» [2: 52] и

др.). Этот же союз Анненков выбирает, вскользь упоминая о романтических отношениях писателя, которые сопровождали его до последнего дня, но представляли собой платонические отношения [2: 49]. Здесь же стоит сказать и об использовании в сложносочиненных предложениях с рассмотренным союзом контекстных, или контекстуальных, антонимов (решимость – осторожность, смелость – расчет, благородный – неумелый и др.)

Особый интерес представляет частотность данного союза при изображении Анненковым петербургской жизни Тургенева и отсутствие использования противительной семантики при описании пребывания в родном имении. «Не перед кем было блеснуть тогда, не для кого было изобретать сцены и думать о театральной постановке их», – заключает мемуарист [2: 45].

Кроме того, демонстрируя неоднозначность характера, поступков Тургенева, Анненков прибегает к использованию других противительных союзов, а именно союза *хотя* («горячим, *хотя и не очень последовательным*» [2: 42], «подобие гордо нищего, *хотя и сознававшегося в затруднительности своего положения*» [2: 43]), союза *а*. Последний он выбирает для отражения одной из важнейших мыслей, которая будет являться лейтмотивом данных воспоминаний. Анненков однозначно говорит о том, что Тургенев «нуждался в помощи и благорасположении, а не в вызове и посрамлении кого-либо» [2: 48].

Другим языковым средством создания образа Тургенева является конструкция *а между тем*, также выражающая противительную семантику («Никто не замечал меланхолического оттенка в жизни Тургенева, *а между тем он был несчастным человеком в собственных глазах*» [2: 49], «А *между тем критик серьезно нуждался в устройстве своей судьбы*» [2: 53], «Тургенев был из первых, обещавших свою лепту, *а между тем по лукавству ... ему не хотелось конечной гибели органа «Отечественные записки»*» [2: 53]).

Пытаясь отразить двойственность натуры писателя, который скрывал собственные эмоции, бремя жизненных трудностей, возникающих как в творчестве, так и в семье (вспомним тяжелые отношения с Варварой Петровной Тургеневой, матерью писателя), Анненков использует вводное слово *однако* с усилительной частицей *же/ж*. Например: «Денежное пособие было, *однако же, низшим видом его благотворительности*» [2: 52], «Перед революцией 1848 года он, *однако же, переехал совсем в Париж*» [2: 55], «Не желая, *однако ж,*

рисковать всякий раз дальнейшей своей судьбой, он жаловался в Петербург» [2: 56].

Мемуарист также использует и другие вводные слова, подчиненные раскрытию образа великого писателя, такие как *может статья, наоборот, впрочем* («*Может статья, соперничество определило до-вольно резкий тон критической статьи*» [2: 44], «*все было, наоборот, просто*» [2: 50], «*Впрочем, он никогда не терял надежды*» [2: 53]).

Таким образом, неоднозначность характера И.С. Тургенева, проявляющаяся в стремлении писателя закрыть от общества свою душу, свои искренние мотивы и порывы, контраст между его внешним и внутренним обликом, манера поведения перед широкой публикой и вдали от нее, в родном имении, абсолютно точно транслируется посредством умелого использования П.В. Анненковым конструкций с противительным значением. Контраст, который он создает с помощью союзов, вводных слов, идентичен контрасту взаимоотношений Тургенева с окружающим миром и с самим собой.

Литература

1. Лобкова Н.А. Из истории публикаций воспоминаний П.В. Анненкова об И.С. Тургеневе в «Вестнике Европы» // Два века русской классики. – М., 2020. – № 2. – С. 134–183.
2. Фридлянд В.Г., Генералова Н.П. Тургенев в воспоминаниях современников. – М.: Правда, 1999. – 560 с.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ИДЕИ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ИЗУЧЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА Н.С. ЛЕСКОВА В ШКОЛЕ

Шаерман Л.

shaerman98@mail.ru

Научные руководители: к.ф.н., ст. преподаватель Кашкарева А.П.,

к.ф.н., доцент Сафонова Н.Н.

alynochka_6@mail.ru, natniksaf@rambler.ru

Сургутский государственный педагогический университет

г. Сургут, Россия

Одна из актуальных проблем современной школы – низкий уровень мотивации, интереса у ребенка к учению. У кого-то из школь-

ников этот интерес не появляется вообще, а кто-то из них утрачивает его со временем. Данную методическую проблему решать нужно обязательно каждому учителю и на каждом уроке, потому что обучение будет эффективным только тогда, когда ученику интересно учиться.

Не секрет, что русский язык и литература – одни из самых сложных школьных предметов. Учить с удовольствием правила орфографии и пунктуации, факты из биографии писателей заставить нельзя, но можно увлечь, заинтересовать. Справедливо заметил доктор педагогических наук, профессор В.Ф. Чертов, что «важно определиться не только с тем, что и как нужно изучать на уроках литературы, но и попытаться объяснить современным прагматичным учащимся, зачем они приходят на уроки, которые в недавнем прошлом назывались “часами воодушевления, эмоционального подъема, нравственного прозрения” (А.Т. Твардовский), “школой мировоззрения” (М.А. Рыбникова)» [1: 38].

В изучении произведений Н.С. Лескова, автора яркого и самобытного, важной побуждающей силой выступают способы организации образовательной деятельности, позволяющие создать необходимую мотивацию как для формирования действенных знаний, так и для саморазвития школьников.

На сегодня одним из эффективных руководств по организации учебного процесса в изучении жизни и творчества Н.С. Лескова является пособие для учителей и студентов-филологов под редакцией Н.Н. Старыгиной [2]. В труде демонстрируются развернутые планы и конспекты школьных уроков (V–XI классы), посвященных Н.С. Лескову и другим классикам русской литературы. При анализе значимости системы работы по изучению жизни и творчества Н.С. Лескова мы не упустили из внимания разработки методической модели изучения творческого наследия автора на основе организации исследовательской работы школьников и учли рекомендации таких ведущих методистов, как Г.Т. Андреева, Г.И. Беленький, О.Ю. Богданова, В.Я. Коровина, Т.Ф. Курдюмова, В.Г. Маранцман.

Тексты Лескова – «это сочетание мемуаров, автобиографий, критико-художественных опытов, размышлений об искусстве, развернутых анекдотов и занимательных диалогов, расцвеченных диалектизмами, жаргонизмами, неологизмами, обильной технической терминологией и богатым лексиконом вымышленных слов-окказионализмов» [3: 162].

Считаем, что в работе с письменной и устной речью обучающихся при анализе и интерпретации литературных произведений Н.С. Лескова учителю-словеснику для мотивации и для формирования действенных знаний школьников необходимо использовать технологии анализа ситуаций для активного обучения (action learning), эвристические техники интенсивного генерирования идей, технологии активного и интерактивного обучения.

Интересными для школьников являются такие формы игрофикации, как квиз, брейн-ринг, читательская дуэль, квест, пресс-конференция с автором или героем, письмо литературному персонажу, литературный турнир, различные дидактические игры («Снежный ком», «Дополнить текст», «Рассказ по кругу», «Вопросы по тексту»).

Повышению мотивации к изучению произведений Н.С. Лескова способствуют различные конкурсы: конкурс чтецов, конкурсы интерактивных плакатов, инфографики, лэпбуков, видеороликов, фотоконкурс в образе литературных персонажей Лескова, конкурс эссе, конкурс мемов, конкурс «Маски литературных героев».

На коммуникационных площадках в форме стендапа на тему прочитанного произведения Лескова ученики демонстрируют умение вдумчиво читать, формулировать мысли, приобретают опыт публичных выступлений. Этому же способствует работа на уроках в формате дискуссии, дебатов, фокус-групп, а также решения кейсов, построенных на материалах произведений Лескова.

Предлагаемые нами формы проведения уроков или их фрагментов, на наш взгляд, эффективны в создании «продуктивной среды для многоуровневой коммуникации, творческого роста, личностной самоидентификации и психологического комфорта» [4: 39], о которых пишет Б.М. Гринберг в статье «Урок литературы как креативное пространство».

Мы уверены, что определяющим фактором формирования у школьников потребности в чтении, необходимости обращения к произведениям Н.С. Лескова, понимания важности слова и работы с ним на уроках русского языка и литературы является сам учитель как профессионал и личность, который, отвечая потребностям времени и интересам современных школьников, внедряет в учебный процесс активные методы обучения и современные образовательные технологии, что позволяет ему создать благоприятные условия для формирования у школьников умения работать в команде, креативности, коммуникабельности, что, безусловно, поддержит интеллектуальное

любопытство и позволит сделать хотя бы небольшому количеству учеников шаг по направлению к книжной полке.

Предлагаемые нами методические идеи и перспективные образовательные практики способствуют повышению мотивации к изучению произведений Н.С. Лескова в школе, развитию познавательных и коммуникативных способностей современных школьников.

Литература

1. Чертов В.Ф. Российский учитель-словесник в условиях модернизации образования // Преподаватель XXI век. – 2012. – № 3.
2. Старыгина Н.Н. Лесков в школе. – М.: Владос, 2000. – 358 с.
3. Краткая литературная энциклопедия. – Т.4. – М.: Советская энциклопедия, 1967.
4. Гринберг Б.М. Урок литературы как креативное пространство // Филологический класс. – 2016. – №2 (44).

ОРНАМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА В ТВОРЧЕСТВЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО

Юрков Н.

yurkov_n98@mail.ru

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Красовская Н.А.

nelli.krasovskaya@yandex.ru

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого
г. Тула, Россия*

«Орнаментальная проза» является одним из наименее изученных явлений русской литературы прошедшего века. Она во многом стала модернистским направлением отечественной литературы и возникла как закономерное явление эстетики XX века. Однако при этом она не укладывалась в идеологические постулаты послереволюционного десятилетия, а в 20-е и 30-е годы и вовсе перестала быть актуальной. Из-за этого самые яркие представители этого течения, такие как Андрей Белый, Замятин, Ремизов, Пильняк и другие были надолго были надолго «изгнаны» из отечественной литературы и «вернулись» в неё только в начале 60-х годов, в пору «оттепели» [1]. Основным конструктивным принципом орнаментальной прозы является лейт-

мотивность. т. е. основа организации текста в орнаментальной прозе – «повтор и возникающая на его основе сквозная словесная тема и лейтмотив» [2].

Самым известным представителем орнаментальной прозы стал Андрей Белый, чьё творчество Л.А. Новиков назвал «лирической, поэтической, ритмизированной и неклассической прозой» [1]. Произведения А. Белого рассматриваются в языковом контексте русской классической литературы, в сравнении с орнаментальной прозой Н.В. Гоголя, Н.С. Лескова, А.М. Ремизова, Е.И. Замятина. Основными их составляющими являются символизация, интеллектуальный сказ, монтаж, пиктограммы «фигурной прозы», а также трансформация образов и героев. Рассматривая лингвистические особенности прозы Белого, можно отметить, что «густота повтора – характерная особенность образной насыщенности орнаментальной прозы» [1]. Можно выделить три типа повторов: лексический, звуковой и цветовой (а также примыкающую к ним градацию). Так, цветовой повтор, по наблюдениям Л.А. Новикова, переплетается с основной символикой романов Белого «Москва» и «Петербург». Например, «красное домино» – революция, «белое домино» – Христос, жёлтый цвет – цвет монгольской опасности и т.д. Особой выразительностью отличаются и лексические повторы, представленные графически. Так, в повести «Записки чудака» Белый набирает повторяющиеся слова колонками. Такой повтор нередко выполняет функции преувеличения.

А вот Е. Старикова называет повествовательную форму Белого в романе «Серебряный голубь» орнаментальной прозой потому, что «медиум» налицо, но он не представляет никакого цельного народного сознания, которое стало призмой для писателя, придало бы достоверность событиям, остается только имитация, точнее стилизация [3]. Старикова объясняет идейную и психологическую основу наличия «орнаментальной прозы» в романе: «Творец этого акта верит и хочет, чтобы русский народ стал неким самоценным вместилищем тайных сил будущего мистического преображения мира, что характер этого преображения внятн в полной мере (вернее в той мере, в какой это вообще возможно) лишь тому, кто «осведомлен и в марксизме и в оккультизме», т.е. во всех областях современного знания и кто – на основании этой осведомленности – уже отверг научное знание во имя интуитивного проникновения в скрытые «тайны» мира» [3].

Естественно, что у самого «народа» нет слов и понятий, адекватных этому кругу явлений. Но в то же время народ привлекает художника-символиста именно «как таковой» – своей грубоватой колоритностью, наивностью, жестокостью. Обладая живым голосом и гибкостью живых интонаций, рассказчик в «орнаментальном» повествовании изнутри чуток и отзывчив к красочным формам народной жизни, но он же наделен литературной развитостью, дающей ему возможность и даже обязывающий его привносить в изображение народа, в «народный сказ» черты и краски (слова и интонации) изысканно-рафинированной утонченно книжной. Кроме того, применительно к роману Белого «Серебряный голубь», можно говорить о «сказовой окраске» орнаментальной прозы. Понятия «сказ» и «орнаментальная проза» являются характерными для стилистической тенденции начала XX века, однако при этом являются разными её проявлениями. Анализируя творчество Андрея Белого и его роман «Серебряный голубь» надо понимать, что своеобразие миропонимания Андрея Белого заключается в стремлении сознания к мистическому преображению мира и в то же время вне возможности для сознания осуществить это мистическое преобразование. Та же Старикова в своей работе указывает на это противоречие, но переводит его в реальный исторический план. У Белого же это противоречие никогда не переносилось ни на исторические, ни на этические категории. Сказовая окраска, придавая гротескный характер возвышенномистическому плану романа, присутствует в нем как «стилевая» антиномия мистических идеалов, и свидетельствует о том, что даже и эти мистические идеалы теряют ценность в глазах писателя.

Таким образом, мы видим, что поэтическое пространство романов Андрея Белого ограничено. Это достигается тем, что автор, создавая новую, орнаментальную прозу, тем самым разрушил традиционную романную форму.

Литература

1. Новиков Л. А. Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого. – М. Наука, 1990. – 180 с.
2. Секе К. Орнаментальный сказ или орнаментальная проза? (К проблематике романа Андрея Белого «Серебряный голубь»). – *Dissertationes slavicae*, Szeged, 1976. – p. 57-64.
3. Старикова Е. Реализм и символизм // Развитие реализма в русской литературе. – Т. 3. – М.: Наука, 1974. – 356 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Журавлева Е.А.</i> Язык в эпоху глобализации: устойчивость и вариации	6
<i>Ларкович Д.В.</i> Русский язык как ценностная категория в прозе С. Довлатова	11
<i>Романов Д.А.</i> Учение Ю.М. Лотмана о композиции словесного художественного произведения	16

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК И ОСНОВЫ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

<i>Анпилогова Л.</i> Вариативность рода имен существительных в русском языке.....	24
<i>Гончарова М.</i> Вербальная и графическая репрезентация эмоций в интернет-коммуникации.....	26
<i>Избергенова Н.</i> Об истории возникновения и развития методики обучения русскому языку в Казахстане.....	29
<i>Казанцева Д.</i> Имена существительные общего рода на современном этапе развития русского языка.....	31
<i>Кайратова Д.</i> Имена собственные в составе фразеологических единиц русского языка.....	33
<i>Козич А.</i> К вопросу о классификации фразеологических единиц эмоционального состояния	36
<i>Кузнецова А.</i> Феминитивы современного медийного дискурса в исторической ретроспективе.....	39
<i>Лебедева В.</i> «Как у себя дома»: анализ культурных компонентов в структуре фразеологизмов русского языка, содержащих названия дома и его элементов.....	41
<i>Макаров Н.</i> Трансформация ассоциативного поля понятия «свобода» в русском языке новейшего периода	44

Негманова Д. Антипословица как элемент языковой игры в короновирусную эпоху.....	46
Рябец Е. Лингвокультурное пространство Тульской области конца XIX века (на материале периодического издания «Губернские ведомости»).....	50
Ряннель А. К проблеме изучения фразеологии в школе.....	53
Рысбек А. Классификация эргонимов – названий магазинов обуви города Нур-Султан.....	55
Сазонова У. «Нормированные» языковые нарушения в речи молодежи».....	58
Сейдазым А. Подходы к определению семантического поля.....	61
Стародворцев Н. Языковые вариации в названиях хлебобулочных изделий Тульской области.....	64
Чиркова А. Работа с текстом как метод обучения русскому языку как неродному.....	66
Шевченко А. Окказиональные образования в детском словотворчестве.....	69

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И КУЛЬТУРА ДИАЛОГА

Арустамян М. Специфика формирования значений устойчивых сочетаний в русском и армянском языках.....	72
Ауез С. Черты постмодернизма в прозе Б. Акунина.....	74
Жунусова К. «Афганская» тема в творчестве О.Ермакова....	77
Курманбаева А. Межкультурная коммуникация и школьный учебник русского языка.....	80
Лучинина Л. Специфика языкового выражения отношения к понятию «правда» в пословицах разных народов.....	82
Мазалова М. Диалог культур в стихотворении Н.С. Гумилева «Фарфоровый павильон».....	85

Машенцова Е. Способы вербализации эмоций в казачьих песнях.....	87
Мосина А. Диалог культур в произведениях И.С. Тургенева.....	90
Попова Е. «Российский турист» как лингвокультурный типаж в современном языковом сознании.....	92
Постнова Е. Николас Фандорин Б. Акунина как вторичная языковая личность.....	95
Родикова А. Дневник Л.Н. Толстого как отражение языковой личности писателя.....	97
Рахматуллин С. Современная критика концепции межкультурного диалога.....	100
Сабиемве Ф. Военный речевой этикет в России и родной стране (на примере Республики Бурунди).....	103
Садыгова А. Использование приемов мнемотехники для запоминания словарных слов как средство формирования орфографической грамотности в полиэтническом классе....	105
Сейдвелиқызы А. Речь современного студента: языковая мода.....	108
Темирбек А. Особенности игрового коммуникативного пространства	111
Швец К. Языковая личность студентов разных факультетов ТГПУ им. Л.Н. Толстого.....	114

РУССКИЙ ЯЗЫК В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ И МЕДИАДИСКУРСЕ

Аукатова Л. Метаязыковые высказывания в интернет-коммуникации: оценочный потенциал.....	117
Байрак К. Специфика изучения особенностей и своеобразия художественных произведений.....	120

Бакытжан Н., Сулейменова Х. Концепт «толерантность» в современном медиадискурсе.....	124
Горячева С. Язык СМИ и национальная языковая картина мира: к проблеме взаимосвязей и взаимозависимостей.....	127
Голубенко Д. Синтаксические особенности медийной Сургутской рекламы.....	130
Колосова А. Шутка как тактика речевого воздействия в развлекательном теледискурсе.....	132
Ло Чунь Наименования животных в стихотворениях В. Высоцкого.....	135
Макулбекова А. Женская языковая личность в блогосфере Казахстана (на примере постов общественного фонда «НЕМОЛЧИ.KZ»)	137
Набиева З. Лирический герой в советской балладе о Великой Отечественной войне.....	141
Новикова Е. Наименования женщины в современных русскоязычных журналах.....	144
Самарская С. Стилистические приемы создания образов героев в публицистике Д. Гранина (по материалам статьи «Мои командиры»).....	146
Саматова Т. Фразеологизмы как отражение русской ментальности в романе Б. Алимжанова «Сказ столетнего степняка».....	149
Сагымбаева К. Приемы привлечения внимания в заголовках современных интернет-СМИ	151
Скиба К. К вопросу о функционировании прозвищ в современной молодежной среде	154
Советникова А. Феминитивы в русских прецедентных текстах: лингвокультурологический аспект.....	157
Сурина З. Образ ветра в фолк-рок и рок-балладах.....	159

Турабекова И. Сказочные герои и их интерпретация в прошлом и настоящем	162
Федяева Е., Тарасенко П. Психолингвистические осмысления наименований <i>дождя</i> как части языковой картины мира.....	164

Цзян Сюаньсюан. Антонимы как средство создания оценки в тексте (на материале русскоязычных СМИ).....	167
---	-----

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО СВОЕОБРАЗИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Аль-Бакиен С. Особенности портретных характеристик и наименований персонажей в книге В.П. Катаева «Алмазный мой венец».....	169
--	-----

Бальдикова А. Религиозные мотивы в романе А. Иванова «Общага-на-крови».....	171
--	-----

Барабанов С. Языковое воплощение образа няни как семейного воспитателя в рассказе Дурылина С.Н. «Четвёртый волхв».....	174
---	-----

Бородин В. Мотив неравного брака в поэзии Н.А. Некрасова: интертекстуальный аспект.....	176
--	-----

Булаева А. К вопросу об осмыслении проблемы ума в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума».....	180
---	-----

Дорофеева Г. Фразеологизмы в романе И.А. Гончарова «Обломов».....	182
--	-----

Лаур Т. Отражение языковой картины детского сознания в произведениях цикла «Денискины рассказы» В.Ю. Драгунского.....	185
--	-----

Малышева У. Семантическое поле «Ноев ковчег» в идиолекте Веры Полозковой.....	189
--	-----

Маратова Ж. Архитепические конструкции в одном рассказе позднего А.П. Чехова.....	191
--	-----

Миннуллина Г. Специфика организации хронотопа в рассказе Е.И. Замятина «Пещера»... ..	195
Миргородский И. Путь лирического героя Н.С. Гумилева: от цикла «Капитаны» к военной лирике.....	197
Назаренко Д. «Мотив любовного помешательства в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные».....	200
Ракишева К. Лингвоконструирование ДЖ.Р.Р. Толкина: от языка к мифу.....	203
Смагул Н. Повесть Н.В. Гоголя «Вий» и ее экранизации.....	206
Терентьева Д. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» в кинематографической и театральной интерпретации	208
Трощенко Ю. Взаимодействие семантических полей как проблема перевода (на материале цикла М. Цветаевой «Куст» и его перевода на украинский язык).....	211
Усачева Е. Использование в мемуарах П.В. Анненкова конструкций с противительным значением как средство создания образа И.С. Тургенева.....	214
Шаерман Л. Методические идеи и перспективные образовательные практики в изучении художественного мира Н.С. Лескова в школе	216
Юрков Н. Орнаментальная проза в творчестве Андрея Белого.....	219

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А	
Аль-Бакиен С.....	169
Антилогова Л.	24
Арустамян М.....	72
Ауез С.....	74
Аукатова Л.....	117

Б	
Бакытжан Н.....	124
Байрак К.....	120
Бальдикова А.....	171
Барабанов С.....	174
Бородин В.....	176
Булаева А.....	180

Г	
Гончарова М.....	26
Горячева С.....	127
Голубенко Д.....	130

Д	
Дорофеева Г.....	182

Ж	
Жунусова К.....	77
Журавлева Е.А.....	6

К	
Казанцева Д.....	31
Кайратова Д.....	33
Козич А.....	36
Колосова А.....	132
Кузнецова А.....	39
Курманбаева А.....	80

Л	
Лаур Т.....	185
Ларкович Д.В.....	16
Лебедева В.....	41
Ло Чун.....	135
Лучинина Л.....	82

М	
Мазалова М.....	85
Макаров Н.....	44
Макулбекова А.....	137
Мальшиева У.....	189
Маратова Ж.....	191
Машенцова Е.....	87
Мосина А.....	90
Миннуллина Г.....	195
Миргородский И.....	197

Н	
Набиева З.....	141
Назаренко Д.....	200
Негманова Д.....	46
Новикова Е.....	144

П	
Постнова Е.....	95
Попова Е.....	92

Р	
Ракишева К.....	203
Рахматуллин С.....	100
Родикова А.....	97
Романов Д.А.....	11
Рысбек А.....	55
Рябец Е.....	50
Ряннель А.....	53

С	
Сабиюмве Ф.....	103
Садыгова А.....	105
Сагымбаева К.....	151
Сазонова У.....	58
Самарская С.....	146
Саматова Т.....	149
Сейдазым А.....	61
Сейдвелиқызы А.....	108
Советникова А.....	157

Скиба К.....	154
Смагул Н.....	206
Стародворцев Н.....	64
Сулейменова Х.....	124
Сурина З.....	159

Т

Тарасенко П.....	161
Темирбек А.....	111
Терентьева Д.	208
Троценко Ю.....	211
Турабекова И.....	162

Ф

Федяева Е.....	164
----------------	-----

Ц

Цзян Сюаньсюан.....	167
---------------------	-----

Ч

Чиркова А.....	66
----------------	----

Ш

Шаерман Л.....	216
Шевченко А.....	69
Швец К.....	114

У

Усачева Е.....	214
----------------	-----

Ю

Юрков Н.....	219
--------------	-----

И

Избергенова Н.....	29
--------------------	----

Научное издание

**Русский язык в XXI веке:
исследования молодых
Материалы IX международной научной
студенческой конференции**

Ответственный редактор – Е.А. Журавлёва

Технический редактор –

А.К. Ешекенева

Статьи публикуются в авторской редакции

Подписано в печать 07.02.2022. Тираж 100 экз.
Формат 60X84/16 Усл 14,4 п.л. Бумага офсетная
Печать цифровая. Гарнитура Times New Roman
Заказ № 1

Редакционно-издательский отдел Сургутского государственного
педагогического университета
628417, г. Сургут, 50 лет ВЛКСМ, 10/2

Отпечатано в РИО СурГПУ